



Надежда Вонсович

Тот,
кого
выбрал Туман

Что в будущем будет, то не ведомо вам. Оно так крутанёт, что глаза выше лба будут.

Сегодня ты простой человек, у тебя своя жизнь, свои заботы, а через мгновение всё меняется.

От тебя ни чего не скроют. Всё расскажут, объяснят кто ты, для чего пришёл в этот Мир, подарят Силу.

Но...

Должен ли ты безропотно принимать свою судьбу? Бороться за своё счастье или выбрать путь, который выбирают все. Любовь или долг?

А самое, главное, почему именно тебя выбрал Туман?

Тот, кого выбрал Туман

1

Все небо заволокло черными, свинцовыми тучами. Надвигалась буря, мощная и свирепая.

Редко в эту чащу проникали лучи солнца, кроны упорно не хотели их пропускать в своё царство вечного мрака и прохлады, а сейчас, в этот ненастный день, казалось, наступила ночь, здесь господствовала тьма. И среди этого сумрака, шло настоящее сражение.

Лес шумел, негодовал, он был в ярости. Ветер надрывно ревел в кронах могучих деревьев, неистово ломал их и рвал, вынуждая покориться ему. Они били его, остервенело хлестали, они не терпели чужаков, вторгнувшихся в их царство. Ветер пытался содрать кору с их стройных стволов, выкорчевать их с корнями, но деревья упорно цеплялись за землю. Стволы скрипели и рычали, не поддаваясь и не склоняясь перед ним. Никто не хотел уступать.

Эти два сильнейших врага, нередко вступали в противоборство. Когда ветер не мог справиться с вековыми исполинами, он обрушивал всю свою злобу и ярость на молодняк. И тогда ветер побеждал. Потом по лесу лежали поваленные деревья. Они были вырваны с корнем, изломанны и повержены.

Скоро с небес прольются водяные потоки и только они смогут охладить это дикое безумие. Охладить, но не примерить.

Он стоял, среди этой битвы. Часто он был свидетелем этой непримиримой борьбы. Но это была не его битва. Сейчас он всего лишь сторонний наблюдатель, праздный зевака.

Сильные порывы ветра били его, хлестали. Глупый ветер, как — будто это могло причинить ему вред.

Он не отворачивался, не прятался за широкий ствол, рядом растущего кедра, казалось, наоборот, он впитывал эти порывы, вбирал в себя энергию стихии.

Он любил ветер.

Ветер — предвестник нового, предвестник перемен.

Он стоял на не большом пригорке, отсюда хорошо был виден дом.

В окне мягко мерцал свет керосинки, из печной трубы шёл дым, в избе пахло порохом, травами и мёдом. Там было тихо. Мирно.

Скоро изменится всё.

Грядут перемены.

Они уже начались.

2

В глухой тайге стоял дом. Затерянный, уединенный.

Жил в нем Макар Лапин. Пять лет один, на много километров никого.

Дом этот срубил отец Макара, ещё до его рождения.

«Моя избушка» — так ласково называл её отец и улыбался. Он любил уединение, а Макару пришлось полюбить.

Отец всегда брал сына с собой на охоту, бывало месяцами здесь жили.

Поэтому и знал Макар здесь всё, каждую тропу, каждое дерево, каждый ручей, ягодные и грибные места. На родной стороне и камешек каждый знаком.

Вот за тем ручьём, ещё мальчишкой, он первый раз увидел следы медведя. След был

глубокий и его медленно заполняла вода. Значит, только что прошёл косолапый. Макар, как замороженный смотрел на струйки воды, он не мог пошевелиться. А в голове билась только одна мысль, если бы он на минуту, всего на минуту раньше пришёл сюда, то увидел бы зверя. А страха не было! Было только странное оцепенение и заполняющий мальчика восторг.

А слева от избы, на не большом пригорке, стоит царь этого леса. Несгибаемый, величественный и достойный старый кедр. Хвоя его была с детскую ладошку Макара, сантиметров четырнадцать, не меньше. А ствол, Макар до сих пор не в силах обнять.

— У кедра есть душа, Макар, — прикасаясь к сероватой, не ровной коре, говорил ему отец. — Всё живое вокруг него расцветает, всем жизнь даёт. Могучими ветвями своими, обнимает деревья, охраняет их, оберегает. Не раз молнии на себя брал, а младших в обиду не давал.

Макар всегда с уважением и каким-то трепетом относился к этому могучему старцу. Бывало, к своей избышки идёт и с самого далека его видит. Как маяк ему путь указывает.

До пяти лет дети всегда рядом с матерью были. После пяти, воспитание мальчиков и девочек начинало существенно отличаться.

Мальчиками занимался только отец. Обучал всему, что знал. Всему, что в жизни чаду пригодится.

В шесть лет Макар начал сам ставить петли на зайца. С этого же возраста отец начал учить Макара работать с ножом. Ни одной шкурки отец сам не снял.

— Ты добыл, тебе и работа. Умей охотиться, умей и о дичи заботиться, — говорил отец. А с семи лет Макар взял ружье.

— Ружье для охотника — первостепенная вещь, — учил отец. — Оружие всегда должно работать безотказно — иначе не только добычи тебе не видать, но и с жизнью распрощаешься. Насколько тщательно будешь следить за ним, столько оно и будет служить тебе без осечек и сбоев. У хорошего охотника ружье не ржавеет. Понимаешь, о чем говорю?

— Понимаю, тятя.

А как не понимать?

С детства мальчишки все видели, примечали.

Всё знал Макар, до самых мелких нюансов знал, что и как делать. Только строгий запрет был для мальчишек на всё, что касалось оружия.

С семи лет только в руки давали и учили.

Макар часами мог сидеть подле отца и наблюдать, как тот медленно и основательно чистит своё ружьё.

Как заряжает патроны. Из медной гильзы выбивался стреляный капсюль, вставлялся новый, потом меркой отмерялся порох, вставлялись пыжи, засыпалась дробь и всё это прикрывалось тонкими, бумажными пыжами. И готов новый патрон.

— К своему ружью привыкнешь, пристреляешься, сам поймёшь, какие патроны тебе делать, сам себя мерки сделаешь. У каждого охотника мерка своя, — учил его отец. — А пока учишь и руку набивай. С закрытыми глазами делать это уметь должен. От этого не только твоя жизнь зависеть будет.

В пятнадцать лет у Макара появилось своё ружьё. Первое! Самое лучшее! Бесконечно желанное! И вдвойне Макар горд был — сам ружьё себе добыл.

Месяц он белок с рогатки стрелял, сам шкурки выделывал. Сдали с отцом шкуры и ружьё купили.

Отец доволен был сыном, чувствовал это Макар, хоть и молчал он. Макар отца понимал

с одного взгляда.

Вот и сейчас молчал отец одобрительно и дышал полной грудью. Значит доволен.

С детства отец для Макара был всем! И другом и братом и образцом для подражания. Макара старался ходить, говорить, всё делать, как отец.

Идёт маленькие ещё, сопливый, но косолапит, как тятя и все левой рукой делать пытался. Отец-то левша. Всё из рук у Макара валится, сопит малец, но настырно в левую руку все берёт.

Ближе отца не было никого и сейчас для Макара.

Макара ходил в родную деревню раз в год, аккуратно на праздник трёх костров. Сейчас его праздновали не по всем обрядам. Только молодёжь собиралась на большой поляне и разжигала костры, устраивали посиделки с играми. А остальные, этот значимый в прошлом день, отмечали дома. Собирались всей семьей, накрывали стол и молились за добрый лес и удачную охоту.

Вот в этот день, Макара и навещал родителей, братьев и сестёр.

В их семье было шестеро. Три мальчика и три девочки. С неделю Макара гостил у родных, потом уходил до следующего года в свою избушку.

Но отец, за год, пару раз навещал сына сам. Охотился с ним или просто новости приносил.

Макара не всегда один жил. Была у него и семья когда-то. Шесть лет уж прошло, а помнил, как вчера было. Часто ловил себя на том, что мысли его сами собой в то время улетают. К ней летят.

Макара знал Беяну с детства. Двор в двор жили.

Как не вспоминал Макара, как не пытался, да так и не мог вспомнить, как первый раз Беяну увидел. Всегда она рядом была, всегда одной детской оравой бегали.

А один раз увидел, по-настоящему увидел её, разглядел в ней, то, что и сейчас душу бередило. В тот момент он и влюбился в неё.

Зимой это было. Прыгала детвора с крыши мыльни в снег. Лучшего развлечения и не придумать. Визг стоял на весь двор.

Мальчишки заскакивали на крышу быстро, ловко, а девчонки карабкались, кто как мог. Мальчишки по несколько раз залезут на крышу, да спрыгнут, а девчонки все внизу мнутя.

Вот Макара и решил помочь, первую, вторую на крышу затащил, а потом Беяне руку протянул. Она схватила его за ладошку, крепко схватила, цепко держит. Он её подтянуть хотел, а она и помочь ему не пытается. Стоит, голову задрала, глазище огромные, светло-серые, ресницы инеем покрыты, щеки пылают, точно солнце на закате и улыбка во весь рот. Макара даже замер на мгновение, как первый раз Беяну увидел. Всегда тихая, спокойная, а тут таких бесят в глазах увидел, что и не поверилось.

— Ты попался! — тихо, одними губами прошептала Беяна и дёрнула его за руку.

Макара кубарем с крыши сиганул. На спину упал, аж весь дух выбило. Сразу и не сообразил, что произошло.

А Беяна стоит рядом, хохочет, аж слезы из глаз брызжут, сказать что-то пытается, но не может.

Ох, и злой Макара был. На ноги вскочил, хотел проучить мелочь, а она как рванет со двора, только пятки замелькали.

Макара смотрел ей вслед и усмехался, вот ведь девка, как ловко провела. Первый раз Макара кто-то поборол. Всегда ловчее и сильнее всех, а тут во как получилось.

С той зимы и запала Беяна в него. Крепко запала.

И ведь не красавица. Простая, как все девки на деревне. Но было в ней что-то, что манило Макара.

И вся такая ладненькая, все при ней. Макару всегда потрогать её охота была. Он был уверен, что она непременно мягкая, должна быть, как пух.

И пахла она домашним, сладким и таким родным. Все мысли вокруг неё только и крутились.

Вот Макара и решил, что она непременно будет его женой. Мечтал, грезил ею. Сил нет, как наваждение какое. Пришёл к отцу и, как на духу все это выложил.

— А не рано ли такую ответственность на себя берешь, сын? — серьезно спросил тогда отец. — Сейчас тебе хочется, мочи нет, а коли передумаешь? Тогда что? О другой вздыхать будешь?

— Ни нужен мне больше никто, тятя.

— Ты, Макара, не болтай попусту. Мечтаешь? Мечтай про себя, а коль решил, так добивайся. А чужим ушам твои думы ни к чему. Понимаешь, о чем говорю?

— Так разве уши твои чужие для меня?

— Пустые разговоры не стоят доброго слова. За пустыми разговорами, вон к бабам ступай. Ко мне придёшь, когда сватов готовить надо будет, не раньше. От мужчины, Макара, дело ждут. Мечтать баба твоя будет.

Обиделся тогда Макара на отца. А сейчас с улыбкой вспоминал тот разговор.

Отец никогда о будущем не говорил, никогда не обещал ничего, он просто делал.

Макара тогда ничего Беяне не сказал, ни словом не обмолвился, но ни на шаг теперь от неё не отходил. Всем не гласно дал понять, что его она и никого больше. Перед армией только о своих чувствах рассказал, и она ждала его. Все три года ждала. А после службы, подошёл к отцу и сказал сватов собирать. Отец только улыбнулся в бороду и зимой Макара и Беяна семьёй стали жить.

Ночь их первая навсегда у Макара в сердце осталась. Помнил, как прикоснуться к ней боялся. Как волосы её распускал, а они точно туман во круг её клубились. И глаза её большие помнил, не испуг там был, бесенята там плясали. Как зимой, тогда у мыльни, щеки горели и улыбалась она ему, точно говорила: «Ты попался!».

Какая же она была мягкая, не обманули предчувствия детские, нежнее пуха Беяна была.

Любил её Макара. Сильно любил.

Если дома был, помогал ей во всем. Она тяжелее чугунка не поднимала ничего.

— Балуешь ты мне, Макара, — ласково улыбалась Беяна. — Какой мужик, бабью работу с радостью делает?

— Тот, кто жену свою любит и бережёт, Беяна, тот и делает.

Всё ладилось у них, душа в душу жили, да только два года в сухую прошли. Не давал им Бог детей.

И травами лечились, натираниями, настойки и отвары пили. И специальный оберег Беяна себе делала — рожаницу. Красивая куколка у неё тогда получилась, из лоскутков ярких, перевязанная красной и синей лентами, как символ женского и мужского начала. Берегла её Беяна, никому не показывала. Да только не помогала она.

И науз делали. Считалось, что он тоже помогает зачать и родить ребенка. В течение сорока дней Макара и Беяна строгий пост держали. Во время него Беяна заплетала на

красной нити по узелку, читая над ними заговор. Но все без толку.

Много всего делали они. Много молились о полном чреве, да все их мольбы оставались не услышанными.

На третий год, по весне, Макар пошёл к старосте. Не просить пошёл, а решение своё озвучить, на которое уже невозможно повлиять было и вряд ли получилось бы что-то изменить. Долго он шёл к этому решению, но другого выхода не видел. Не было его — выхода другого.

Деревня их была закрыта от всего мирского. Образ жизни строгий. Незнакомцу, тем более некрещёному, в гости к ним попасть почти невозможно. Да и зачем — для пустых разговоров?

Знал, Макар, что многие другие поселения проще что ли относились к пришлому. Пользовались многими благами мирскими. Они же минимум у мирян брали. А, чтобы обратиться к врачам за помощью, такого никогда не было. Не помнил Макар таких случаев.

Староста против был, но Макар сказал, или идём с Беяной к врачу или уходим в мир. Развернулся и ушёл. Староста шибко не доволен был, но промолчал, не остановил Макара, дал таки своё молчаливое согласие.

В больнице, Макар щедро заплатил за приём и за полное обследование Беяны. Она напугана была, все к Макару жалась. Вроде бойкая, а тут оробела. Первый раз Беяна деревню свою покинула. Все ей было в новинку, все необычно и странно.

Она долго в кабинете была, потом с врачом вышла. Макар к ней было кинулся, а она головой только мотнула, мол не все ещё, жди. И в другой кабинет ушла. Макар ждал. Бесконечно долго тянулось время. Он уже перечитал всё, что на стенах висело. Знал сколько его шагов в коридор вмещалось, а Беяна все не выходила. Откинул голову назад, глаза закрыл и сидел так ни о чем не думая.

— Пойдём, Макар, — аккуратно толкая его в плечо, тихо сказала Беяна.

Макара даже вздрогнул от неожиданности. Подскочил с кресла. А Беяна развернулась и на выход пошла.

На крыльцо вышли, Макар во все глаза на неё смотрит. Спокойная вроде стоит, не расстроенная. У Макара даже от сердца отлегло.

— Ну, что? — не отрывая от неё взгляд, спросил Макар.

— Анализы взяли и смотрели меня. После природной нечистоты ещё прийти надо, — почему-то? — почти шёпотом ответила Беяна.

Потом помолчала и как бы извиняясь добавила:

— Тебе, Макар, тоже к врачу идти надо.

Макар был не против к врачу сходить, только не понимал зачем. Всегда думали, что причина в женщине. У жены сухое чрево, а муж-то причём? Но Макар и слова против не сказал. «Врачу виднее», — так рассудил.

Всё лето они ездили к врачам. Сначала по отдельности ходили, потом вместе к врачу заходить стали. В итоге сказали, что всё у них хорошо.

Как камень с души упал. Со спокойствием и уверенностью жить они стали. Как молодые не жились, упиваясь друг другом.

А женские дни все приходили и приходили. С завидной регулярностью приходили.

Ещё два года они жили в пустую. А потом наступила ночь, которую Макар будет помнить всегда.

Макара настойчиво будили. Не переставая, Беяна теребила его за плечо. Он повернулся к ней, сразу и не понял, что происходит. В доме темно было, только глаза её рядом блестели.

— Случилось что? — спросонья спросил Макар.

— Случилось, Макар, — еле слышно, ответила Беяна.

Макар ещё подумал тогда, зачем шёпотом-то говорит, одни они в доме-то. Будить не кого.

— Вот вроде все хорошо у нас, Макар. Скотина в стайке, ледник полный, дом добротный и большой, да только для чего все это?

Спросила и смотрит на него, ответа ждёт. А Макар растерялся даже. Что ответить-то на это?

— Разве плохо это, Беяна?

— Хорошо это! — как-то обреченно прозвучали её слова. — Это очень хорошо, Макар. Но о другом я!

Беяна замолчала, Макар тоже молчал, на неё смотрел.

Не хорошее предчувствии затопляло его. Есть слова, которые и с пудом меда не проглотишь. Чувствовал Макар, что скажет она их сейчас и тогда изменится всё.

— С утра я уйду, Макар. Не вижу я, да и не понимаю зачем дальше жить нам. Без детей — это не жизнь. Смысла нет, понимаешь. За что бы ни взялась, а в голове только одно: "Зачем? Ради чего все это?". И руки сами собой опускаются. Ни хочу я так жить, Макар. И не буду.

Макар встал, к печи подошёл, дров в топку забросил. Затрещали поленья. "К морозу" — подумал Макар. На лавку сел.

Внешне Макар спокойный был и не скажешь, что до одури тошно ему сейчас. Внутри скрутило все, аж дышать трудно стало. Хотелось орать, выдрать ком этот, который в горле у него сейчас камнем стоял.

— Давай к мирянам уйдём, — каким-то чужим голосом сказал Макар. — Возьмём сиротку себе. Не одного возьмём, если хочешь. Как родного воспитывать будем. Помнишь о чем врач говорил нам. Есть выход Беяна! Есть!

— Мне чужого не надо, коли я сама родить могу. Нас разведут Макар, даже никто криво не посмотрит.

В деревни у них развод только в одном случае возможен был: если пара бездетна. Дети считались безусловным благом, божественной милостью. В этом и был смысл семьи. И если бездетная пара хотела разойтись, так тому и быть. Сходились с другими и дети появлялись. И такое бывало.

— Староста наш с бабкой Баженой, почитай сорок лет уже в пустую живут. И живут же, — подходя к Беяне, сказал Макар. — Люблю тебя, Беяна. Все для тебя сделаю.

— Как же ты не поймёшь, что мне ничегошеньки не надо. Время мое и здоровье женское бежит, Макар. Мне рожать быстрее надо.

— Не уж-то, сможешь с другим жить?

— Смогу, — твёрдо сказала Беяна.

Макар сел рядом, руками лицо потёр. Грубо и жёстко, как — будто проснуться хотел.

— Я с чужой бабой не то что лечь рядом не смогу, я глядеть на неё не в силах буду.

— А я ради ребёнка с чертом лягу. Всё, Макар, я сказала своё слово.

Всю оставшуюся ночь, лежали рядом и молчали.

Потом Макар одно время винил себя, что легко так отпустил. Так легко лишился

человека, без которого не мог дышать. Но не силой же её держать. В этом уж точно смысла не было никакого.

Рано утром Беяна ушла в родительский дом.

— Я благодарна тебе, Макар, за жизнь нашу безбедную. Ни словом, ни делом ни разу меня не обидел. — уже уходя, сказала Беяна. — А ещё благодарна тебе, что не виним мы сейчас друг друга в бездетности нашей. Никто в этом не виноват. Всё ты сделал, чтобы дети у нас были, да только ведать не от нас это зависит. Прости меня, Макар.

Макар стоял и смотрел ей вслед.

Думал только о том, чтобы не вцепиться в неё, умоляя остаться. Он должен её отпустить, если сама так решила.

Она медленно шла по двору, отворила ворота и тихонько их закрыла. Как не навсегда ушла. Как — будто по делам свои бабьим вышла.

Через пол года Беяна за Мирослава вышла. Жена его три года назад в родах умерла. Не смогла разродиться, так с младенчиком и ушла.

А отпустил он Беяну, по — настоящему отпустил из себя, когда встретил её поздней осенью у реки. Случайно сошлись, не искал он с ней встреч никогда. Ни к чему это было.

Она стояла в шаге от него, но далека была как никогда. Стояла счастливая, светилась вся! Он её такую и не видывал никогда.

— Поздравляю, Беяна, — только и смог выдавить из себя Макар.

Беяна зарделась и руки её опустились на слегка округлившийся уже живот.

Макар правда был рад за неё. Ни на секунду дурной мысли в голове не родилось. От чистого сердца здорового чада ей желал.

После этой встречи Макар заболел. Нет, физически он, слава Богу крепок был. Заболела душа у него. Ничего не хотелось, казалось все душевные силы из него уходили. Как баба расклеилась, и не знал, что с мужиком такое бывает.

Долго думал Макар, ночами не спал, думал.

Потом к отцу в дом жить ушёл, не в силах одному находится в доме, где они с Беяной жили.

Мать переживала очень. Видела, чувствовала, что с сыном её. На разговор пыталась вывести, но Макар молчал. Всё в себе держал.

— Поговори с сыном, Болеслав, — по несколько раз на дню, только с этим и приставала к мужу. — Он послушает тебя! Сил же нет терпеть его муки.

Но отец молчал, только один раз, как только переехал Макар к ним, сказал:

— Одно должен знать. Чтобы ни случилось у тебя в жизни, чтобы не произошло, дом этот тебя всегда примет. Любое твоё решение поддержу. Понимаешь, о чем говорю, Макар?

— Понимаю, тятя.

И всё. Больше отец к сыну не лез. Взрослый, сам разберётся в себе, сам решение найдёт. И Макар, был благодарен ему за это.

4

Макар в мастерской работал, когда услышал собак. Такой лай подняли, точно их черт по двору гонял.

Вышел во двор, на собак зыркнул. Они умные, охотничьи, с одного взгляда понимают. Притихли, но рыкают на ворота, скалятся.

Макар к воротам подошёл, да ещё издали увидел, что в приоткрытой калитке платочек синенький маячит. Макар только вздохнул тяжело.

Бабка Вецена была на селе знаменитостью. Сколько ей лет никто не знал. Вечно старая, вечно странная. Много знала, помнила, но и много пустого говорила.

— Мать напротив, у тётки Млады, — сразу сказал бабке Вецене Макар.

— А я знаю, Макарушка, знаю, — ответила бабка и стоит, улыбается, на Макара смотрит не отрываясь.

— И отца нет, — медленно, точно дитю объясняет Макар.

— И это знаю, Макарушка.

Макар тяжело вздохнул, на мастерскую оглянулся.

— Я работаю там, баба Вецена.

А она, как и не слышала, тихонько в калитку шмыгнула и заговорила.

— Сегодня приснился сон мне. Про тебя, Макарушка, сон. Станный, не понятный! Да только меня не запутать. Знаю, что тебе делать надо, знаю, — и опять стоит, смотрит. Точно ждёт, что Макар расспрашивать будет.

Да только Макар стоял и молчал. Нет ему дела до бабкиных снов. Глупостями никогда не занимался.

А Вецена не унималась. Её и расспрашивать не надо, сама все как на духу выложит.

— Меня, Макар, замуж-то тятка выдал и не спросил. Не любила я мужика своего, ой как не любила. Чёрный, гнилой человек был. А мамка моя всегда говорила, что баба всё стерпит, ко всему притрется, главное, чтоб в постели не противен был. Вот ведь, права матушка была. Пусто было вот здесь, — тоненькими, сморщенными пальцами своими, в грудь себе стояла, била, потом медленно рука её на живот легла. — А от того и здесь все себе иссушила, такой грех на себя взяла. Все удивлялась, как Бог не наказал-то меня. Как жить-то дал. А Бог наказал. Он, Макар, меня страшно наказал. Век землю топчу одна единешенька, как неприкаянная, как проклятая. Всех схоронила, всех пережила.

Любови приходят и уходят, и мужики меняются, а дитё всегда при тебе. Самое главное, это в жизни. Дура была молодая, не ведала, что от такой благодати отказываюсь. Ну, и пусть, что не от любимого, от чёрного и злого. Зато мой! Родненький!

Вецена маленькая была, точно по локоть ему ростком-то. Макар смотрел на неё сверху вниз и думал: «Зачем она ему это говорит? Не жалости просит, не сочувствия. Нет, другое тут».

Глаза её, белесые, точно выцветшие, смотрели на Макара и впрямь не печально. Смотрели с вызовом, воинственно что ли. Первый раз он такой бабку Вецену видел.

— Я пришла сказать тебе, — и палец в грудь Макару упёрла, с силой так, ощутимо. — Не смей винить, да дурного желать бабе, которая дитё выбрала. Ты, Макар, счастья бабе пожелай. И гордись силой её. Не просто решение это ей далось. И муки-то хлебнёт. Ой, хлебнёт. И мамка моя опять права окажется. Но будет у неё доченька, которая всё скрасит, столько счастья и благодати ей даст, что на всю жизнь хватит. А что в будущем будет, то не ведомо вам. Оно так крутанёт, что глаза выше лба будут. Знаешь, Макарушка, иногда надо стоять насмерть, а иногда — бежать со всех ног, и это не будет трусостью. Беги, Макарушка, беги! В хоромину тяткину лесную. Это только правильно сейчас! А когда воротиться, тебе странность твоя подскажет.

Сказала и шмыг за калитку, только платочек синенький мелькнул и нет бабки.

Макар развернулся и пошёл в мастерскую. Встал у верстака и замер. Так и простоял, пока мать от тетки Млады не вернулась, да обедать не кликнула.

Несколько дней Макар думал, тяжело ему это решение далось. Но другого для себя он

будущего и не видел.

— Позвольте, тятя, в вашей избушке пожить, — рано утром, чистя от снега, задний двор, спросил у отца Макар.

— Позволить-то позволю, Макар, — глубоко дыша, весь раскрасневшийся от работы, сказал отец, — но послушай сначала слово мое. Знаешь, дурного не посоветую. Это Беляне, после развода, с вдовцом только жить можно было, ты же можешь девку молодую себе взять. И внуков нам с матерью нарожать. Понимаешь, о чем говорю, Макар?

Понимаю. Но не с пустого места я об избушки речь завёл. У меня достаточно времени было все обдумать. Лучше одному жить, чем с чужой бабой. И детей рожать от не любимой не буду. Детишки всё видят и понимают, тятя.

Добро! Коли жизни не видишь без неё, даю разрешение в избушке моей жить. Только раз в год к матери приходиться должен. Понимаешь, о чем говорю?

— Понимаю, тятя!

— Ну, и Бог с тобой тогда.

Трудней всего, Макару с матерью разговор дался.

Она молча стояла у стола, полотенцем руки терла. Чистые уже, сухие, а она все трёт, трет. Ни один мускул на лице не дернулся, вся как статуя стоит, а руки живут своей жизнью. И все через эту жизнь видно, и волнение, и не согласие, и злость, и надежду. Всё сказали руки, а мама ни чего не сказала, только перекрестила его. Но Макар знал, чего стоило ей смолчать, ни слова ни проронить, ни слезинки. И благодарен был ей за это, пусть и не согласна она была с решением его, но приняла таки и отпустила без слез и долгих разговоров.

Зиму Макар в деревне пережил, а по весне ушёл в избушку и стал жить один. И не жалел за решение своё.

Глаза не видят, так и душа не ведаёт.

Говорят: «Одиночество поедает своего хозяина». Нет, не правда. Никогда Макару тошно одному не было. Да и какое это одиночество, когда лес живой. Не один Макар здесь.

И без дела тоже никогда не сидел. Иногда и дня не хватало все дела-то переделать.

5

На улице ветер стих и сейчас дождь выстукивал свою мелодию. Капли дождя звонко били по стеклу, по карнизу, били по зеленой листве. В такие моменты, казалось, лес оживал. Природа щедро делилась с ним влагой, такой сладкой, такой долгожданной.

Любил Макар дождь слушать. Он ритм бьет, пританцовывая по крыши избы, а Макар под него свои песни выводит. И так складно получалось. Взять бы записать. Да только сколько не пробовал Макар, все рифмы из головы сразу и улетали. Так сам себя и развлекал пока на улицу не выйти.

Потоптался малёха по избе, да спать засобирался.

Макар всегда ложился рано. Чуть темнеть начинало, он уже на лавке лежал.

Сегодня сон долго не шёл. Потом вроде начал засыпать, но как толкнул его кто. И как-то маетно так стало, сердце, как в яму падало и трепыхалось там, пытаюсь выкарабкаться. Только, что стонать не начал, как тяжко-то.

Макар то вставал, то ложился обратно на лавку, как болван по избушки шатался. Всё пытался с мыслями собраться, понять, что ему так худо-то. Но мысли его, точно бусы мамкины, рассыпанные по полу, раскатились по разным углам, ни поймать, ни остановить, не собрать воедино. Гложет, что-то изнутри, хоть волком вой.

Уже и дождь прекратился, и за полночь, поди перевалило, а легче не становилось.

А потом ужас накатил, да такой, что дышать не возможно стало. В теле точно каждая жилка каменной стала. Ни вздохнуть, ни выдохнуть, всё внутри в тугой узел завязало.

На улицу выскочил, по полам согнулся, долго выворачивало, долго всё мамку вспоминал. В избу на карачках заползал, умылся, да голову холодной водой окатил.

И собираться начал. Темно ещё было, а он с готовой понягой и ружьём уже одетый сидел. Только светать начало, Макар вышел из избушки.

Путь его был в деревню. Чуть больше месяца назад к родным ходил. И опять к ним дорогу держит.

Не шёл Макар — бежал. Как сзади него в спину кто толкал. Только одно в голове: «Быстрее, Макар, быстрее». И горел весь, словно в вены раскалённое масло влили. Его и колодец сейчас опусти, так вода закипит.

Знал Макар, что с ним. И это знание только быстрее идти заставляло.

Об этой странности, его знал только отец. Что это было, дар или проклятие — не ведал никто. Да только чувствовал Макар не как все.

У него не было видений, он не знал будущее, не ведал прошлое, он просто чувствовал только то, что происходило в данный момент, в это мгновение. И сейчас кому-то было плохо, очень плохо. И этот кто-то родной его, кровь его.

Близко уже до деревни осталось. Весь путь длинный, Макар не останавливался ни разу. Ноги гудели, сердце заходило, но он упорно шёл.

А потом остановился резко. И как схлынуло все и боль, и тревога, и страх. И так ему вдруг хорошо стало. Такое беспричинное счастье накатило, что стоял Макар, улыбаясь во весь рот, а из глаз его слезы лились. Запрокинул Макар голову и закричал. И столько ликования было в этом крике, столько восторга. «Господи, хорошо-то как!!!»

Макар руками в коленки упёрся, долго отдышаться не мог. Всю жизнь проживешь, а такого упоения никогда не испытаеть.

До деревни дошёл быстро и легко, как и не было пути долгого и страшного.

На дворе не было никого. Макар в дом зашёл, тишина. На женской стороне занавеску отдернул и замер.

Мать лежала на лавке вытянутая вся, как по струнке, руки на груди сложены. Все завязки на кофточке завязаны, под горло наглухо всё закрыто. Юбка аккуратно, без единой складочки на ногах лежит, подол пол подтирает. Секунды хватило, что бы всё это увидеть. Зрение как другим стало. А взгляд всё по телу матери скользил, боялся на лице остановиться.

А потом и сомнения закрались, а она ли это.

На лавке лежала старушка. Тоненькая, сморщенная. Всемиле ещё и пятидесяти не было, всегда была в теле, пышная, дородная. А здесь словно выел кто изнутри и кожу на кости натянул. Месяц Макар мать не видел, а ощущения, что несколько лет прошло.

Отец за занавеской сидел, Макар и не увидел его сразу.

— Я за детьми пошёл. Тебя ждал, знал, что придёшь, — опустив руку на плечо Макара, сказал отец. — Прощайся.

И ушёл.

6

С детства не скрывали, не берегли детей. Всё они видели и знали. Как умирает человек, куда уходит после смерти, как его хоронят. Да только, то чужие люди были.

Макар сел на корточки рядом с лавкой. Не прикасался к матери, точно разбудить боялся.

Мама...

До пяти лет дети только с мамками были. Потом сыновья с отцами постоянно. Он быстро от юбки её оторвался. С радостью оторвался. Мальчик! Мужчина! Негоже ему было рядом тереться. А сейчас так захотелось, до боли захотелось, к юбке этой прирасти. Не оторвал бы никто его сейчас от неё. Не родился ещё человек с силой такой, чтоб дитё оторвать от матери его. Хоть и много лет ему, но только с ней он был мальчиком. Любимым, желанным и самым лучшим. Мама всегда ему это говорила, отец цыкал на неё, чтоб не баловала. А она прямо всегда отвечала: «Разве от этого балуются дети! Я ему этим силу даю».

Мама...

Лупила их, только уворачиваться успевай. Полотенце у неё на плече всегда висело, чем бы не занималась, оно как приклеенное к ней было. Им она и лупасила чад своих. Все, как горох, мал мала, по двору разбегутся, а Макар столбом стоит. Стыдно бежать было.

Она его по спине вскользь гладанет и за мелюзгой бежит. Не бьет, больше пугает, да играется. Думала, стращает их этим.

Мама...

Макару одиннадцать было, когда мама последним разродилась. Раньше срока ребёночек проситься стал, на два месяца торопилось чадо. Отец, в ту пору, рыбудобывал на зиму. Не оказалось его дома. Взволновалась тогда мама сильно. Помнит Макар, как по дому бегала, вещи собирала. Все из рук её валится, а она плачет и молитву шепчет. Макар именно тогда почувствовал себя по настоящему взрослым. Не растерялся, а наоборот, сила появилась и желание помочь, во чтобы то ни стало помочь. Старший он, отца нет, так значит он станет главой.

Макар в мыльню побежал, дров забросил и мать туда отвёл. Малым наказал все сундуки, замки, двери и окна — всё в доме открыть, чтобы легче раскрыться ей было. Сам за бабкой Томилой побежал. Это мать отца, больше и не знал к кому бежать. Она и его, и всех сестер с братьями в свет вывела, и шестого уберезёт. Верил в это Макар.

Когда с бабкой прибежали, мама в муках на полу мыльни корчилась. Крови много было. Макара замутило даже. Выйти хотел, бабка остановила:

— Макарушка, мне сейчас помощь нужна будет. Заклинаю тебя, родной, держись. От нас только их жизни зависят, только от нас.

Ни слова не сказал Макар, как вкопанный встал. И все делал, что бабка говорила.

А потом в один момент свет яркий в глаза ударил, аж ослеп на время. И мурашки побежали по телу, и тепло стало, как будто на печи завёрнутый лежишь. Макар сразу понял, к чему все это и успокоился. Первый раз за весь этот бесконечно долгий и страшный вечер, успокоился. Всё будет хорошо, свет — это жизнь. Тепло-это жизнь. Здоровым родится ребёнок. Не обманывает предчувствие!

Макар тогда и не понял, что произошло. Чётко выполнял всё, что бабка говорила. Это потом он разговоры слышал, что не правильно ребёнок лежал, поворачивала его бабка, но все равно попкой вышел.

А когда крик услышал первый, такой мир и благодать на сердце легла, что стоял Макар и плакал.

— Плачь, Макарушка, плачь. Ты чудо сегодня видел, — приговаривала бабка.

Макар сам сестре имя в святцах выбрал. Светозара. Озаряющая светом, значит.

Мама...

Не знал Макар, что там у отца с матерью в молодости было, да только холод между ними был. С уважением жили друг к другу, но рядом когда Макар был с ними, то холод чувствовал. Как первые заморозки. Вроде и листва пока на деревьях есть, а снег уже морозит щеки.

Когда Макару шесть лет было, на мать епитимью наложили на пол года. Она тётке Усладе окна бить ходила. Почему — Макар не знает. Да и знать не должен был, но разговор родительский подслушал. Отец шибко злой был, а мать плакала. Ушла в стайку и выла. Макар к ней прокрался, и нежил её. А она только повторяла:

— Господи, дай детям моим счастья!

А потом взяла его личико в ладони свои и очень серьёзно сказала:

— Во всем отца слушай, Макар! Он самый главный человек твоей в жизни. Но никогда, слышишь, никогда не слушай его выбирая жену себе. Это только твоя воля! Ничья больше!

Мама...

Именно она его тогда надоумила к врачам мирским идти. Ничего не бояться, никого не слушать, смело идти к своей цели. Не ожидал он такого от матери. А она одно твердила:

— Не грех это, за своё счастье бороться и детей желать. Не грех это, Макар. Поэтому идите и не оглядывайтесь.

Мама...

Бог не может быть везде одновременно — поэтому он создал матерей.

Мама... Вся жизнь в этом коротком слове... Весь мир... Всё...

7

Макар на двор вышел. За ним сразу к матери сестры зашли. Братья с отцом стояли.

Отец осунулся, сам в старичка превращаться стал.

— Ты как месяц назад ушёл, прохворала мать, — отец говорил, глядя куда-то поверх его головы. — Сначала внутри у неё болело. Потом есть перестала. Ничто не помогало. За неделю, как всю жизнь из неё высосали.

— Надо было к мирским везти, тятя. — тихо сказал Макар. — Ради этого и нагрешить, не грех.

— Возил.

Макар посмотрел на отца.

Он, который был против всего мирского. Великим грехом считал, грязью всё извне. Даже когда Макар с Беляной к врачам ходили, отец слова, конечно, не сказал, но шибко не доволен был. А тут сам мать повёз.

— Ни чем они не помогли, Макар. Сказали, что ей уже никто не поможет, — отец молчал долго. — Больно ей было, Макар, а я ни одной таблетки ей не дал.

— Чувствовал боль её. Знаю. Но сейчас ей хорошо и мирно, тятя. Это я тоже знаю!

Хоронили на третий день, утром, в четырехугольном гробу. Клали покойницу на стружку, которая осталась при его изготовлении, поверх стружки хвойный лапник, подушку набивали берёзовыми листьями. Крышки, по обычаю не было, закрывали полностью простыней.

У порога дома деревня прощалась с матерью. Вынесли гроб из избы, ногами вперёд, поставили на лавку, собравшиеся подходили с молитвами и поклонами. Вся деревня пришла. Крестили все вместе и хоронили тоже все вместе.

Гроб несли до кладбища на руках. Останавливались трижды: в середине села, на краю села и перед кладбищем.

Макар шёл, уставившись себе под ноги. Рядом шаркала бабка Вецена.

Никогда баба не молчала. Всегда рот открыт, что-то рассказывает, учит, вспоминает. Вот и сейчас, идя рядом с Макаром она говорила, говорила, говорила. В он не останавливал, слушал в пол уха. Трещит и пущай себе трещит.

— Раньше, если баба померла, то бабы-то её на кладбище и тащат. Мужика — мужики, а бабу — только бабы. Куда проще на лошади, так нельзя! Не чистое конь животное.

Я ведь, Макар, с месяц назад Всемилу встретила. Сразу от неё дурной запа почувствовала. Человек-то ничем не пахнет, лишь болезни, да пороки через дурные запахи являются. Я ей так и сказала: «О! Всемила, воняш, — закопают. Как есть закопают». Она меня, конечно, шутнула. А я права.

Тьфу, ты! Глянь, глянь, по протоптанной дорожке понесли. Всегда, Макар, раньше по нетореной дороге на кладбище-то гроб несли, чтобы покойный обратно не возвратился.

А тебя так не прокатят, Макар. Не здесь лежать будешь, бегать будешь, точно твой прадед Русай.

Сказала и хихикает. Платочек свой синий оправляет, точно не за гробом идёт, а на прогулке с кавалером.

Макар посмотрел на неё сверху вниз, вот ведь Баба неугомонная, ещё и Русая приплела.

— Душа-то мамкина, до сорокового дня на полотенце обитать будет, которое под иконой висит. На 40-й день вынеси полотенчико за деревню и трижды встряхни, освободи душу. Забыли, как раньше жили. Забыли заветы старые. Да, не лупи ты на меня глазища свои чёрные, знаешь для чего верили в это? Да, для спокойствия живых. Плачут по покойнику, убиваются, а глядь, полотенчико колышется. Сквозняк это, Макар, его теребит-то, дураку понятно. А человек исстрадавшийся верит, что движение это усопшего. И душе спокойно, рядом он значит, видит всё, успокаивает. Много, Макар, обычаев, ой много. Да не для мертвых они, для живых. Чтобы легче разлуку-то перенести, чтобы легче встречи дожидаться, уже там, на другой стороне. Ты отцу, Макар, шепни про полотенчико. Шепни. Ему легче будет. Тяжело ему, шибко маетно без бабы своей.

Потом взяла Макара под руку, опёрлась и шла так до самого кладбища. Шла, тихо шаркая ногами, да руку его гладила. Аккуратно выводила каждую косточку, каждый пальчик мяла, утюжила.

Макар замер на мгновение, напрягся, что-то до боли знакомое в движении этом не замысловатом было, а потом сознание его порхнуло в детство.

Переболел Макар тогда ангиной сильной, долго его хворь держала, долго мучила, а после ножки отказали. С месяц ходить не мог. Мать всю домашнюю работу кинула, всё забросила и только рядом с Макаром сидела, да вот так же аккуратно выводила каждую косточку его, каждый пальчик мяла, да утюжила.

И сейчас провожая маму в последний её путь, он остро ощущал её присутствие. Точно прощалась она с ним через бабку.

А Вецена только улыбалась своим пустым ртом и гладила, утюжила и нежила его ладонь.

8

Он не мог не прийти.

Ждал долго, с самого раннего утра здесь был. Тихо ходил между деревянных

восьмиугольных крестов, много их новых появилось. Давно он здесь не был. Очень давно.

Он остановился у свежевырытой могилы, медленно втянул в себя запах.

Запах земли.

Чем пахнет земля?

Затхлым, перегноем, прелыми листьями, кладбищем.

Нет... Не этим она пахнет.

Она пахнет — жизнью.

Даже сейчас, стоя рядом у могильной ямой, он вдыхал жизнь.

Смерть — не есть смерть, смерть — это вечная жизнь.

Он неторопливо подошёл к старым захоронениям.

Здесь не было крестов, здесь стояли простые столбы с двускатной крышей. Голбец — так называется это надгробие. На голбцах нет ни имени умершего, ни дат жизни, просто столбик.

Но ему не нужны были имена, он помнил, всё помнил.

Горай, Есислав, Златояра, Тихомир — все его дети под этими голбцами. Отец, мать тоже здесь. Всех сам схоронил.

Он долго стоял у этих старых, замшелых столбов.

Было тихо, такая тишина бывает только на погосте, казалось, даже лес здесь хранит вечное молчание, пропитанное скорбью и слезами.

А потом он услышал приближающуюся процессию. Всемила едет...

Он спокойно зашёл в лес, встал в зарослях бузины и замер.

Идеальное место, позволяющее всё видеть, но оставаться не замеченным. Ему было это важно, быть не замеченным.

Он скользил взглядом по лицам стоящих неподалёку людей.

Болеслав, Макар, Яролик, Дарьян, Забава, Чаруша, Светозара.

Его род. Его кровь. Ради них он здесь.

Он закрыл глаза, потянулся нутром своим к ним. Он хотел помочь, облегчить боль потери, вытянуть скорбь и отчаяние.

В это же мгновение, он ясно почувствовал, что кто-то уже прикасается к ним, кто-то уже делает его работу.

Он резко открыл глаза. Замелькали лица, он просмотрел толпу, стоящую рядом с его семьёй. А потом он выхватил из толпы того, кого он искал.

Вецена...

Она аккуратно прикасалась к нитям боли и отчаяния, аккуратно тянула их, даря облегчения людям.

Вецена...

Всю жизнь её знает, а может и больше...

Красивая была. Глаза, как два озера. Глубокие, синие, яркие. Платок синий, всегда носила, как чувствовала, что глаза её ещё ярче гореть синева эта заставляла. Красивые, завораживающе красивые глаза.

Благодарен был ей за помощь, знает своё дело.

Он собирался уже уходить, когда почувствовал на себе взгляд, взгляд уже белесых, точно выцветших глаз.

Он не был огорчён или озадачен, что заметил его синий платочек, скорее удивлен, что не был замечен раньше.

Стареет Вецена, стареет...

9

В доме было тихо. Об окно билась муха. Жужжала, как ополоумевшая. Макар лежал и слышал визг её.

Женская сторона была пуста. Не гремела посуда, не выводилась мелодия. Мама всегда пела себе под нос, иногда и слов не разберёшь, а мелодия красивая.

Тихо.

Неужели от неё столько шума всегда было? Никогда Макар мух в доме не слышал. Всё мать своими делами перекрывала.

Было такое равнодушие, безразличие ко всему. Так и лежал бы весь день, мух слушая. Макар понимал, что чем дальше, тем больше ему будет не хватать матери. Хоть и видел её раз в год, но душа-то знала, что она рядом. В своём углу гремит, поёт, землю топчет.

По обычаю траур у них не держали, а он бы на год все ставни закрыл и в черноте жил.

Не правильный он что ли какой-то? Все родные в дома свои разбежались, дела свои переделывают. А он, мучается лежит. А может от того, что семьи своей не имеет? Может и сам бы сейчас по хозяйству, да в малых с головой ушёл.

Встал Макар. Пошёл к отцу в мастерскую.

— Думал, до вечера не встанешь, — ухмыльнулся отец. — Ты в лесу у себя тоже так подушку мнёшь? А работает за тебя кто? Медведь?

Макар тоже улыбнулся:

— Может приготовить что-нибудь?

— Не надо! У меня три дочери есть. Решили они, что отец сам-то ничего не может! Каждая по дню дежурить на женской стороне будет. Ну и пушай! С недельку так поживу и прогоню, — отец засмеялся. — Дурехи. Мужики, всё сами делать умеют, только скрывают. Вот и я на недельку скрою.

— Какая из трёх дурёх сегодня придёт? — спросил Макар.

— Светозара.

Улыбнулся Макар. Любил он её пуще всех. Пуповину ей на веретене сам перерезал. Девочкам на веретене перерезают, мальчикам на топоре. Обычай такой.

Не зря ему тогда свет в глаза ударил, светлее человека Макар не встречал. У неё даже волосы светлые были, единственная в семье, цвет матери взяла. Остальные все чернее ночи были, как отец. Чёрные, как воронята, она одна лебедушкой среди них плавала.

— Воды в мыльню натаскай, Макар. Раз уж, ты здесь, то тоже отцу подсоби. Тоже, поди, думаешь, что отец не на что не годен стал?

Говорит, а сам в бороде улыбку прячет.

Макар воды натаскал, да в дом зашёл. Зашёл и обмер.

Дом ожил.

Мухи слышно не стало. Посуда брякает, варевом пахнет и с женской стороны мелодия тянется. Тихая, красивая, печальная. Макар чуть ли не бегом к занавеске кинулся. Отдернул и застыл.

У стола баба вьётся, ладная, плотненькая, а на плече полотенце приклеилось. Спиной стоит и песню выводит. А потом, как почувствовала его, вздрогнула и повернулась.

Как же он раньше не замечал, как Светозара на мать стала похожа. Как две капли, как две ягодки спелые. Одно лицо, одни повадки.

А она встала, руки в бока упёрла и строгости на лицо напускает.

Макар даже заулыбался. Ну, точно мать. Та тоже думала, что строгой умеет быть. — Ты к зверям своим так подкрадывайся, бирюк! Это ж где видано людей так пугать. И за полотенце схватилась.

Макар уже в голос смеялся. Схватил её, в объятия свои медвежьи, мял и нежел.

А потом живот крутануло, не больно, словно бабочки порхнули. Макар аж отпрянул от Светозары.

Она на него во все глаза смотрит и понять не может, что он замер-то.

— Не уж-то и брату своему не сказала бы? — спросил у неё Макар.

— О чем речь ведёшь не ведаю, — аккуратно так, как с полоумным заговорила сестра.

— Ты понесла, Светозара. Верно говорю?

Она глазёнки на него выпучила. Как на чудо глядит.

— Ты от куда знаешь, Макар?

— Прав, значит, — утвердительно кивнул он. — Не рано? Ты ещё Макарку кормишь. А тут вторым занеслась.

— Одним Бог много даёт, другим и половинки не прибавит.

Сказала и ахнула сама.

— Прости, Макар. Правду говорят, язык лепечет, а голова не ведает. Не хотела обидеть тебя.

Макар лишь отмахнулся. Что уж обижаться, тут и обижаться не на что.

— Никому не говори, Макар. Рано ещё, — садясь на лавку, зачатила Светозара. — Я совсем не давно узнала, матери лишь успела шепнуть. Пообещала, что если девочка, её именем назову. Всемила.

На деревне, если баба понесла, это была великая тайна. Ни в коем случае, о беременности и дате родов, не должны были знать посторонние. Считалось, что женщина в это время очень уязвима что ли. Боялись дурного глаза, дурных мыслей, и скрывали до последнего.

Порой и мужу своему баба не сразу говорила, сам узнавал, когда уже жену обхватить трудно становилось.

— Не скажу, не бойся.

Подошёл к ней и обнял. Она пахла как мать. Укропом. Волосы они им что ли полоскали, не понимал Макар. Но запах, этот самый родной, вздыхал он сейчас, и всей душой у Бога просил доброй жизни Светозаре.

На девятый день, после утреннего молебна, Макар к себе в избушку засобирился.

Тяжело ему было отца одного оставлять. Понимал, что один он справится. Но всю жизнь с бабой жил, не затосковал бы.

С собой звал. Но отец отказался:

— Мне бежать не от кого, Макар. Не от людей, не от себя. Лучше бы ты уже к дому своему тянуться начал. Не все же одному жить.

На том и разошлись.

10

Утро в лесу всегда наступает внезапно. Только царствовала ночь, одно мгновение и уже роса лежит на траве, и птицы наполняют лес своим пением, взлетают с насиженных мест, кружат над верхушками деревьев.

Он стоял и смотрел на небо. Легкие белые облачка, таяли прямо на глазах. Ясный будет день, погожий.

Тихо скрипнула дверь. Он даже не пошелохнулся, заросли папоротника надежно скрывали его от чужих глаз.

Макар вышел из дома, придавил дверь поленом. За плечами поняга, ружьё, путь его лежал в деревню.

Сорок дней прошло, как Всемилы не стало.

Считается, что сорок дней душа еще находится на земле, но после этого дня навсегда её покидает и перемещается в отведенное ей место.

Важная дата, не мог Макар пропустить её.

Он дождался, когда Макар скрылся из вида, вышел из своего убежища, тихо, словно тень скользнул между сараем и домом, и пошёл на восток.

Он шёл на гору.

Завтра зазвучит его песня.

Тихо будет выводиться её мелодия, но громко прокатится эхо её.

Отстояв утренний молебен, Макар покинул родных.

Шёл быстро, голова была пуста. Ни одной мысли не крутилось, точно ведро пустое. Просто шагал и шагал. Как и не человек вовсе, а машина какая.

А потом, на пол пути, резко повернул налево и зашагал в сторону горы. Зачем туда Макара понесло, он сам объяснить бы не смог.

Гора эта не сильна крута была. Тропа на ней имелась, аккурат до самой верхушки. А с другой стороны, гора обрывалась почти пологой стеной. Таковую не одолеешь.

С горы открывался изумительный вид.

До горизонта простиралась Тайга. Как море зеленое плескалось. Живое, могучие, всеильное. Захлебнуться можно от красот таких. Так бы стоял и дышал силой этой.

Нравилось Макару здесь. Жалко гора далеко от избушки, каждый бы день здесь бывал.

Здесь Макар и попрощался с матерью. Выпустил её, туда в красоту эту. Мама тоже была такой же, живой, красивой и всеильной.

Стоял Макар на горе этой и казалось ему, что не один он здесь. Ветер мягко гладил его, шептал нежности и плакал вместе с ним. А ещё лес забирал тоску и душа его расцветала.

«Смерть — не есть смерть, смерть — это вечная жизнь» — тихо шелестел ветер.

Обратно легче идти было. Спокойно на душе и светло. Улыбался Макар.

А потом, как на стену напоролся. Кольнуло предчувствие. Липкое, странное. Точно в мёд руку опустил. Только мёд тот, не сладок был.

Секунды хватило Макару, чтобы ружье в руки его легло. Не задумываясь, не сомневаясь. Годами выработанный инстинкт у каждого охотника.

И не спроста внутри всё дернулось.

Впереди, на тропе стояли волки. Четыре их было.

Вожак стоял немного впереди. Он был огромен. Стоит, красавец, залюбоваться можно. Морда здоровая, широколобая, слегка вперёд вытянута, а по бокам точно бакенбарды висят. Лучи солнца, пробивались через листву деревьев и мягко ложились на шкуру вожака, точно серебро разливали.

Вожак в упор смотрел на Макара, точно в душу заглядывал. Макар даже опешил.

А в голове билась одна мысль, не правильно всё это, странно. Волки за километр его почувствовать должны были, да и запах оружия должны знать, к вооруженному просто так не подойдут. Волк умный хищник, он редко идёт на неоправданный риск.

А тут стоят... тихо стоят и не рыкнут, просто смотрят.

Вот и вопрос: зачем им эта встреча нужна была? Не уж-то специально на Макара шли. Паники не было. Голова была чиста, только мысли одна за другой бешено сменяли друг друга.

Слева, поднималась скала отвесная, справа в метре — обрыв. Назад и вперёд пути нет. Значит, надо другой ход найти.

С одним волком Макар и ножом справился бы, да и двух одолел бы, а тут четыре.

Секунды складывались в минуты, минуты в часы, казалось, бесконечно долго они друг против друга стоят. А возможно и мгновение прошло. Только не думал об этом Макар, гораздо важнее сейчас не спровоцировать атаку зверя и уйти от встречи этой живым.

Макар медленно на два шага отошёл к скале. Спину прикрыл. Камень горячий, на солнце нагретый. Макар с силой в него вжался, до боли ощутил каждый выступ, в спину врезающийся. Но сейчас ему нравилось это, это придавало уверенность и надежду. Вот так и замер, освобождая волкам дорогу.

Стоит, ждёт. Если не верный ход сделал, придётся начинать бой. Легко Макар волкам не дастся. Пусть попотеют. Не простая он добыча. Ещё поглядим кто кого.

А волки, точно этого и ждали. Только дал Макар им дорогу, они как ожили. Как от сна очнулись.

Спокойно прошли мимо, не соблюдая осторожности, будто бы Макара здесь вовсе и не было. Не оглянулись даже ни разу, ни тьякнули, ни оскалились. Просто прошли мимо...и всё.

Макар даже опешил на мгновение. По глупости это или по умыслу какому, волки себя так ведут? Как хотели что-то, да не понял Макар. Кому рассказать, что четыре волка просто стояли и смотрели на него, без единого звука, не шелохнувшись — точно за полоумного примут. Совсем одичал, с волками якшается.

А самое главное, против природы всё это было, от этого и нервничал Макар.

Всё нутро кричало, что происходит что-то. Макар любил когда ясно всё и понятно. А то, что сейчас на тропе произошло, было Макару не ведомо. От этого и злился он.

Он стоял на самой вершине горы.

Несколько камней сорвалось с уступа и полетело вниз. Несколько мгновений — глухой удар.

Камни, обласканные солнцем, обветренные, зацелованные дождем лежали здесь на протяжении долгого, очень долгого времени, одно мгновение и они выбиты из привычной их жизни, лишились своего места.

Так и у человека, идущего сейчас от горы, точно, как и у камней этих, за одно мгновение изменилась жизнь.

Важная встреча была, почувствовал это Макар. Всем нутром почувствовал, но не понял. Пока, не понял.

Он внимательно следил за Макаром. Тот шёл быстро, уверенно, весь сосредоточенный на себе, на своих мыслях.

После этого случая, на гору Макар больше не ходок. Она у него теперь всегда со встречей этой будут вязаться. Странной и не понятной для него встречей.

Он очень хорошо знал Макара. Возможно, даже лучше его самого.

Все его мысли теперь только вокруг волков виться будут, только про них думать и будет Макар.

А ему это и надо.

Пусть думает.

Кто думает — тот живет.

11

Макар любил детей, а в своих племянниках души не чаял. Казалось, всю свою неистраченную любовь на них обрушивал.

Помнит Макар, как первый раз взял на руки Таислава, первого из Лапиных! Первого продолжателя рода!

Мужики всегда боятся к младенчику-то, прикоснутся. Сломать чего боятся или повернуть как-нибудь не ловко. Да и вообще, как прикоснуться к такому маленькому и такому хрупкому созданию.

Макар, не слушая крики невестки и причитания матери, ловка выудил свёрточек из колыбели и аккуратно устроил у себя на руках. Да, так складно и так проворно это получилось у него, точно всю жизнь только и делал, что таскал детей на руках.

Долго разглядывал племянника Макар. Тепло от младенчика перетекала к нему, его окутывал запах, такой нежный, такой мягкий.

Все нутро у Макара встрепенулось и отозвалось на него, на этот, ещё ничего не знающий и не понимающий свёрточек.

Макар оторвал взгляд от Таислава и посмотрел на Беляну. Улыбнулся ей, подмигнул, дескать, и у нас будет такое сокровище. Только наше! Самое любимое и такое долгожданное сокровище.

Макар любил Таислава. Не как дядька любил, как отец родной ходил за мальчонкой.

И сейчас глядя с пригорка на двух путников, приближающихся к его избе, улыбался и был счастлив.

Неожиданно появились на его пороге гости. Хотя и за гостей он их и не считал вовсе. Не его это дом, а отца, значит, и брат его Яролик и сын его, имеют полное право на эту избу, как и Макар.

К избе подошли почти одновременно. Таислав дернулся было к Макару, потом остановился и смотрит. Точно не знает, как быть-то. Вроде большой уже, не пристало по-детски с дядькой нежиться. Макар смотрел на него и улыбался. Сам подошёл и сгрёб, прижал к себе, поднял в своих объятиях и мям мальчонку.

— Точно к ужину подоспели. Проголодались поди? — не отпуская его, спросил Макар.

— Проголодались, дядька, ещё как проголодались.

После ужина, долго беседы вели. Подарки Макару вручали. Тёплых вязаных вещей на зиму привезли. Сестры навязали, за что Макар был им бесконечно благодарен.

Спать легли поздно.

Ночью Макар проснулся от странного ощущения, смотрит будто на него кто. Каждый охотник это чувство знает и никогда не игнорирует его. Бывало идёшь по лесу и всем нутром ощущаешь взгляд, точно следит за тобой кто. И не понять, ты охотник или ты чья-то добыча.

Знал Макар, не по рассказам этот взгляд, один раз и его так выслеживали. Два дня медведь его пас. Макару пришлось завалить его. Худющий был зверь. Точно, полакомиться Макаром захотел. Думал легкая добыча будет, да не угадал зверь.

Навсегда Макар это чувство запомнил. Запомнил, как взгляд зверя точно прожигает и холодом обдаёт одновременно.

Вот и сейчас, лёжа на лавке, Макар опять был под прицелом этого холода. Неуютно было, тоскливо. Макар тихо встал и к окну прилип. Долго вглядывался в черноту ночи, да

только ничего там разглядеть было не возможно.

Луна, словно предательница, спряталась за тучи, не помогала, не освещала ничего вокруг. Макар потерялся у окна, да опять лёг. Крутился долго, сон все не шёл. Да что ж так маетно — то? Не нравилось это Макару, ох, как не нравилось.

Под утро Макар задремал малёха, но тут уже и Яролик с Таиславом подъем начали. Не давить же бока при них. Пришлось встать.

Пол дня Яролик вокруг Макара ходил. Чувствовал Макар, что бередит что-то брата, томит что ли.

После обеда Таислав из избы улизнул, одни с братом остались. Вот и вышел разговор. Наболело у Яролика, хотел совет взять у Макара, хотел просто выговориться:

— Начал я Таислава премудростям охотничьим обучать. Всё он в теории знает. Как и когда животных и дичь добывать. Как разделать тушу, как выделывать шкуру. Всё знает.

— Это хорошо, Яролик. Семь лет уже. Мы в этом возрасте тоже уже все знали и могли.

— Я и не спорю, что хорошо это. Да только, не услышал ты, Макар меня.

Макар на брата смотрел и понять не мог, о чем молвит он.

Яролик не стал ждать пока до него дойдёт, сам все объяснил.

— Я сказал, Макар, в теории он знает. Понимаешь?

— Не совсем, — искренне не понимая к чему ведёт Яролик, сказал Макар.

— Ладно. Ты когда-нибудь видел у нас в деревне человека, которого от крови и кишок, вытошнило?

Макар задумался. Нет, не было такого. Деревенские почти каждый день с этим дело имеют. Дети с рождения видят и знают, как к ним на стол мясо попадает.

— Не видел, — честно признался Макар.

— А я видел, — хмуро ответил Яролик.

Он был серьёзен и всё волосы за ухом теребил. Яролик с детства волосы теребил когда, волновался или переживал. По рукам от отца часто получал. Так и не отучил его тятя.

— Беда у меня с Таиславом, Макар. Не может он ни животное добить, ни кровь его терпеть. Я по началу даже растерялся, думал ставит из себя чего-то. Ан, нет. И взаправду страх у него.

Макар тоже нахмурился. Странно ей-богу. Где ж это видано, чтобы будущего охотника от крови мутило. Охота-это всё на деревне. Это пропитание, это жена, дети и семья, это достаток, деньги. Это взаправду — всё.

— Может как-то постепенно его обучать, — не зная, что и сказать, отозвался Макар.

— Пробовал постепенно. Месяц над этим работали.

— Отец, что говорит?

— Я, Макар не говорил ему. К тебе пришёл за советом.

Интересно у них в семье было. Макар боготворил отца, только ему довериться мог. А Яролик с тем же трепетом и уважением относился к Макару. Всегда брат был у него на первом месте. Вот и сейчас к нему пришёл.

— Я, Макар, виноват перед сыном шибко. И эта вина, мне теперь трезво думать мешает. Я его заставил зайца добить. Глупо звучит, да? Заставил. Все мальчишки только спят и видят, как бы добыть самому. А я своего Таислава заставляю. Он упирался долго. А я надавил. Он неделю со мной не разговаривает. Нет, конечно, говорит, по делу. Но душу не раскрывает. Нам помощь нужна, Макар.

— Так чем я помогу-то, если я так же бы сделал, как и ты! Охота — главное ремесло,

которым мужик должен овладеть.

— Не гони, Макар. Так-то оно так. Но может слова какие другие найдёшь, чтобы е голову его положить. Что бы понял малец.

На том и пореши.

Из избушки вышли, Таислав сидел подле, строгал что-то.

— Таислав, пойдём прогуляемся до ручья, — подходя к мальчику, предложил Макар.

Мальчишка отложил деревяшку, ножичек в ножны сунул и готовый стоит.

Шли они молча, потом Таислав сам заговорил:

— Я знаю, зачем мы к ручью пошли.

— Зачем?

— Вы меня уму разуму учить будете. Да, только всё я это ведаю.

Потом помолчал не много и тихо, еле слышно прибавил:

— Жалко мне их.

Макар даже остановился:

— Кого жалко, Таислав?

— Зверей убивать жалко. Стыдно мне, что жизни их лишаю.

Стоит, весь нахохлился. Как порицания ждёт или смеха от дядьки.

Макар присел на корточки. Лицом к лицу оказались:

— Не тот охотник хороший, который убивает, а тот, который бережет и охраняет.

Стыдно, Таислав, должно быть, когда ради удовольствия или потехи ради убиваешь. Но ты же понимаешь, Таислав, что мы не ради этого зверя добываем?

— Понимаю, — тихо отозвался мальчик.

— Я за всю жизнь, ни одного зверька ради развлечения не убил. С уважением ко всему живому живу. Мы не браконьерничаем, Таислав. Каждое животное только в определённое время добываем. Нам не чего стыдиться.

Макар встал и пошёл дальше. Таислав за ним побрел. До ручья дошли, на валун сели. Макар на воду глядел, думал, что ещё Таиславу сказать, что бы в башке его нужные мысли поселить. А мальчик кидал камешки через ручей.

Шумный мальчонка, на месте не усидит. Ну, точно Яролик в детстве. Ох, и доставалось ему от отца. Особенно на рыбалке, гонял Яролика тятя. От того брат и не любит теперь рыбный промысел.

— Тебя отец на рыбалку берет? — лишь бы хоть что — то спросить, хоть как-то завести разговор, спросил Макар.

— Не, не берет. Он на неё сам не ходит, нам дед рыбу приносит.

— А с дедом ходил?

— Обещал взять, но пока не зовёт. Я бы пошёл! Обязательно пошёл бы.

— И, что не жалко будет рыбу — то удить? — усмехнувшись, спросил Макар.

— А чё её жалеть? Это ж рыба, — занимаясь своим делом, сказал Таислав.

Макар медленно перевёл взгляд на мальчика.

— Значит, зверей жалко, а рыб — нет? — переспросил Макар.

— Звери они живые.

— Рыба ведь тоже живая, Таислав! — теперь не отставал от него Макар.

— Звери под божьим солнышком ходят, мир видят, им с ним тяжело расставаться. А рыба, что? Плавает в темноте своей. Мне, кажется и ума-то у неё не сыскать, — тараторил мальчик.

Макар встал:

— А, ну-ка, иди за мной.

Макар шёл быстрым шагом, Таислав чуть не бежал за ним.

— Что-то случилось? — встревожившись, спросил мальчик.

Макар резко остановился, опять присел к нему, взял за плечи и заговорил:

— Любит тебя отец, Таислав. Пуще всего любит. Ради тебя сюда пришёл. Всем сердцем тревожится. Он этого зайца теперь никогда не забудет, не забудет, что ломал тебя, не простит себе. Я Яролика знаю. Ему, Таислав, хуже сейчас чем тебе. Ты прости его.

— Я простил. Да и не обижался я, это другое.

— Слушай меня, Таислав. Сейчас у вас с отцом дело будет, в котором помогать будете друг другу. Ни он, ни ты всех премудростей этого дела не знаете. Вот и будете постигать их вместе. Понял?

— Не совсем, дядя Макар! — заинтересовавшись отозвался Таислав.

Макар только в бороду усмехнулся.

До избушки дошли быстро. Яролик не далеко древо поваленное на дрова рубил. "Нашёл себе таки работу" — усмехнулся Макар.

— Ну-ка, малец, давай чурки к избе неси. У сарайки складывай, — сказал Макар.

Таислав две чурки подхватил, пыхтит, но пытается тащить.

— По одной бери. Нечего себе пуп рвать.

Таислав схватил одну и пошёл к избе.

— Ну, что, Яролик! Так и не полюбил, говорят, рыбалку?

Яролик на него поглядел не понимая, а Макар стоял и только что в голос не смеялся. Весело ему было.

— Придётся полюбить, брат. Если батька рыбак, то и сын в воду глядит. Мы из Таислава нашего рыбака сделаем.

— Из рыбы мясного супа не сваришь.

— Я пока шёл, думал. Ну-ка, вспомни Звана? Он за всю жизнь ни одного грибочка не нашёл. Они как разбегаются от него, не видит он их и всё тут. А суп на печи грибной всегда водится. Почему?

— Так грибы на другое меняет.

— Вот и думай, Яролик. Кто думает — тот живет. Если Таислав удить будет, то тоже меняться сможет. Хоть так, если ни как.

Яролик усмехнулся:

— А, возможно, ты и прав, брат.

С утра на реку ушли, да весь день там и пробыли. «Отца бы сейчас сюда — думал Макар. — Он все премудрости знает». Они с Яроликом в рыбалке не сильны были. Да и обоим ближе охота была.

Таислав как ни странно, тих был и сосредоточен. Лишнего словечка не сказал. Всё слушал и выполнял.

Яролик и Макар довольны были. От этой рыбалки, считай вся жизнь Таислава зависит. Получится и понравится — значит, и дальше дело пойдёт. А ему нравилось, ей — богу, нравилось.

С неделю пожил Яролик с сыном у Макара.

Макар от Таислава ни на шаг не отходил. Пытался, как можно больше ему рассказать, показать, научить. Каждый вечер, сказки сказывал. Потом взъерошит его головешку чёрную,

поцелует в лоб и голову одеялом укроет, один нос торчит, точно как мать ему в детстве делала.

А сердце томилось. Смотрит на мальчика и думает, что такой же мальчишка и у него мог бы быть. Да и не один уже. Макар бы всю душу в них вложил, всё своё умение передал бы. Тяжело Макару было. Баба тоску свою выплачет и легче. А у мужика тоска в сердце застревает. Точит, изъедает его изнутри.

И точно, как у Беляны тогда было, руки опускаются. Всё зряшным во круг делается. Медленно, но верно тоска точит Макара. Пока один, работай себя загружал, мысли гнал не прошеные, а мальчонку увидел и взвыло сердце и о Беляне каждую минуту думать стал.

Яролик, как чувствовал, что с братом делается. Опять разговор начал о возвращении Макара в деревню.

А Макар в последний вечер просто взял и спросил, что томило его:

— Как она живет, Яролик?

Брату и объяснять не надо было, про кого Макар толкует:

— Да живет, — пожал плечами Яролик. — Олели пять вроде.

«Олеля! Любимая, значит. А как ещё дочь любимую и желанную назвать» — подумал Макар.

Никогда он за пять лет не интересовался Беляной. Ни разу не спросил о ней, ни разу не позволил о ней заговорить, хотя Забава, сестра его средняя и дружит с Беляной. Всё про неё знает.

— Не всё у них ладно-то с Мирославом. От людей-то не скроешься. Забава гостей назвала к младшему своему, Беляна у них крестная была. Так сидели они за столом точно чужие. За весь стол друг другу слово не сказали. А Мирослав и идти не хотел. Видать с семьей нашей якшаться не хочет.

— Ты, брат, не худословь, — тихо сказал Макар. — Мне бабские пересуды не нужны.

— А с чего интерес у тебя? Не уж-то до сих пор Беляна в сердце? Ушла сама, с другим живет, детей от него приносит! Я бы не простил и не думал.

— Нишкни, Яролик. Я тебя уважаю и ты меня уважай. Или забыл какие щелчки в лоб получал!

Яролик улыбнулся:

— Как забыть? До сих пор лоб гудит, — потом вздохнул глубоко и прибавил. — Прости, коли что сказал не так. Не хотел обидеть, брат. Живи, как знаешь. Бог с тобой!

Рано утром проводил Макар родных своих. Стоял, смотрел им в след пока не исчезли за деревьями. Перекрестил им путь и пошёл к своим делам.

Дел было много. Как подготовишься к зиме, так её и проживешь.

12

Лето подходило к концу, ночи стали холоднее, часто по утрам начала появляться туманная дымка.

Не любил Макар туман, не любил когда он обволакивает лес своим живым, густым паром. Точно покрывалом накрывал всё живое.

С детства Макар робел перед ним. Непременно, казалось, там кто-то есть. Нет, не животное там скрывалось. Там обитало что-то более таинственное.

Макар даже знал его имя — Чомор. Хранитель этого леса.

Макар помнил песню, которую пела им мать. Лежали они на лежанки, мал мала, а мать тихо выводила песню.

Давно это было, в те времена,
Когда люди и звери жили без зла.
Не рушим был закон, не рушим был завет.
Серебро убивать — строжайший запрет.
Вот на лес опускается белый Туман.
Схоронитесь! Идёт Чомор — великан.
Будет властвовать он — семь дней и ночей.
Берегите мужей! Береги сыновей!
Зажги три костра на поляне лесной.
К Хранителю леса обратись ты с мольбой.
Чтоб не ведать беды, чтоб не ведать измору,
Принеси три соломенных куклы Чомору.
Если в лес ты идёшь украдкой, как вор
Заберет в свой Туман тебя страшный Чомор.
Если в мыслях твоих мудрость, честь и любовь.
Не вернётся история страшная вновь.

Темно в избе было, только пробирался серебряный свет луны, через небольшое окно.

Ветки березы стоящей за окном, отбрасывали причудливые тени. Они жили, только им ведомой жизнью. Переплетались, ластились друг к другу и там в этой паутине ветвей прятался он, тот, о ком пела мать.

Внимательно и неотрывно следил за Макаром Чомор.

Макар помнил, какой страх в тот момент окутывал его. Из глаз текли слезы, потому что моргать было нельзя. Непременно в тот момент, когда веки его сомкнутся, Чомор нанесёт свой удар.

Странные страхи, необъяснимые. Чомор не страшилище, им детей не пугали, наоборот, всячески уважение прививали. Потому что, Чомор — это Хранитель леса, Хранитель всего живого. В лесу гораздо страшней нечисть обитает. Но Макар их не боялся, ему всегда Чомор страшен был.

Чомору даже некоторые охотники, как в старину, поклонялись и задабривали. Праздник трёх костров и был чоморов праздник. В старину разжигали три костра на поляне лесной, вся деревня выходила и приносила с собой для каждого костра по соломенной кукле. Бросали их в костры и клятву давали.

«Лес-это дом мой.

Подобно тому, как дом свой оббегаю от грязи внешней и внутренней,
так и обещаю, лес оберегать и сохранять.

Лишнего не возьму,

Забавы ради не убью,

Не разорю и не сломаю.

Серебро не убиваю»

И сейчас старались жить по завету этому. Были и безобразники, но мало таких в деревни у них водилось. Таких к старосте сразу в дом молельный зазывали и уму разуму учили.

Прадед Русай сказывал, что в его детстве случай в деревни один приключился.

Будто бы мужик один в лес пошёл, да по-должному Чомора не задобрил, ни словечка ни шепнул в лес заходя.

У каждого охотника, рыбака и собирателя, завсегда заветное словечко для Чомора имелось. Каждый свой зарок давал, каждый своё просил и обещал.

Зашёл мужик этот в лес, три дня его не было и три ночи. Рано утром четвёртого дня вышел он злющий, да драный, аки собака бешена.

Много не рассказывал, охотники мало о своих победах говорят, а про неудачи тем паче. Медведица его подрала. Лапу ей правую обрубить только и смог, как живым ушёл и не помнит.

Через девять месяцев разрешилась его жена дочкой. Долгожданный ребёнок, долго его вымаливали.

Да только у младенчика, аккурат правой кисти не было. Вместо неё культия. Русай всегда приговаривал после этой истории: «Я не стращаю тебя Макар. Может и придумалось мне это в детстве, да только ко всему живому с уважением жить надо. Лес тебе жизнь даёт, он эту жизнь легко может и забрать. Если берёшь, то отдай вдвойне. Срубил дерево — посади два. Добыл животину — так дай троим родиться»

Макар стоял на пороге своей избы, смотрел на лес. На поляну, отделяющую дом от леса, медленно, завоеывая сантиметр за сантиметром, цепляясь за траву, цветы и сучки, выползали молочные шупальца тумана.

Никогда Макару страшно в лесу не было. Нож, да ружьё всегда при нем, в страшилки особо не верил. Чего бояться-то?

Но вглядываясь сейчас в серебряные всполохи тумана, детский страх оживал. Аккуратно, точно сам туман, он пробирался в него. И далекие детские страхи оживали. Макар стоял и не мог оторваться от молочного покрывала и чем дольше смотрел он в белесый туман, тем явственней казалось ему, что оттуда, так же внимательно и настороженно, как и он сам, кто-то смотрел на него.

Макар зашёл в дом. Дверь тихо скрипнула, отрезая человека от его страха. Дул легкий ветер, сквозь листву прокрадывались, ещё робкие, но уже по-дневному уверенные лучи. Скоро туман сойдёт, слегка смочит, обесцветит летние, яркие краски природы.

Он стоял, не отрываясь смотря на дверь, за которой исчез Макар. Туман ластился к нему, лизал и окутывал его ноги. Казалось он не стоит, а парит в этой белесой, молочной дымке.

Макар начал чувствовать его. Сейчас он смотрел точно ему в глаза, будто знал, будто видел.

И ночью, когда он стоял на своём пригорке у кедра и наблюдал за домом, Макар тоже его почувствовал. Долго терся у окна, шарил взглядом по опушке, всматриваясь в темноту.

Он усмехнулся. Макар всегда не любил туман. Всегда думал, что в тумане его ждёт Чомор. Глупые, суеверные люди, и он когда-то был таким. В тумане прячется не Чомор. С туманом приходит он. Потому что туман-Сила. А Он и есть эта Сила.

13

Перед зимой, у Макара ещё одна вылазка всегда была, к мирянам он в это время ходил. Закупал все что ему нужно. Керосин, соль, охотничьи товары, да и по мелочи кое — что. После этого из своей избушки и со своих мест Макар до весны не уходил.

В сентябре в лесу не спокойно. У сохатых гон начинался.

В период этот, самцы возбуждены, агрессивны, чувство страха перед человеком притуплено. На памяти Макара случаев нападения на человека не было, а вот старики такие истории рассказывали. И бросались на людей сохатые, и преследовали их. Прадед Макара много разных историй рассказывал, да только, что из них правда, что вымысел, не разберешь.

Макар очень любил прадеда своего Русая. Вот кто умел сказки рассказывать, заслушаешься. Строгий был, но справедливый.

В лесу сгинул. Что с ним случилось, не ведомо. Только не вернулся он один раз из леса. Ни следов, ни вещей его так и не нашли. Как испарился дед. Отец с мужиками под каждым кустиком, под каждым камешком шарили. Был человек и нет.

У Макара, перед тем, как тревогу забили об исчезновении Русая, дня за два предчувствия было. Силу тогда Макар почувствовал. Не человеческую Силу, каждая жилка его, каждая клеточка аж, взвыли, затрещали. Голова закружилась, зрение, слух все обострилось. Понравилась Макару Сила эта. Захотелось рвать, разрушать всё. Дерево бы сейчас с корнем вырвал, гору на камешки раскидал. Всё подвластно было Макару, и это кружило голову и опьяняло.

Очнулся он, стоящий на четвереньках, точно собака.

В то время Макар уже мог справляться со своей странностью. Переживал всё в себе. Люди рядом и не ведали, что с ним что-то не то творится. А тут, аж с ног Сила эта сбила.

Макар отцу рассказал о предчувствие этом, уже после того, как Русай сгинул. Чувствовал Макар, что оно именно с Русаем связано. Но отец лишь отмахнулся. О какой Силе речь, если дед умер. В этом не сомневались.

А Макара с Русаем не только родственные нити связывали, более крепкая связь у них была.

Отец когда узнал про странность Макара, не удивился и не испугался. Молча взял мальчика за руку и отвёл к тому, кто помочь ему сможет. Не праздными разговорами, а делом помочь.

Русай, тоже дар имел, точь-в-точь как у Макара. По отцовской линии, через два поколения это повторялось. И только если первенец — мальчик. Впрочем, у них всегда в родове, первыми только мальчики рождались.

Отец на все лето Макара у Русая тогда оставил. Мать не довольна была, аж искры метала: "При живых родителях, ребёнок у кого-то приживаться будет". Первую неделю каждый день приходила в дом к Русаю. Гнали её, ругали, отец кулаками стращал, да только всё мимо неё было. Мать всегда бойкая была, а если дело касалось детей её, то превращалась в медведицу в юбке. Вот пока не убедилась, что мальчонку её и кормят и поят и не обижают, только тогда ходить к Русаю перестала. Ходить-то перестала, да только не успокоилась. Всё в толк не могла взять, зачем отец Макара деду отдал.

А для Макара это было не забываемое лето. Сколько он всего узнал от Русая.

У него с прадедом сразу уговор вышел:

— Я тебе Макар, не дед сейчас, не прадед, не учитель и не друг. Я больше всего этого. Мы теперь с тобой на одной ступени стоим. Одни мы с тобой такие. Великий дар имеем и он нас уравнивает. Понимаешь? Ты — Макар для меня, а я для тебя — Русай.

На том сошлись.

Многому Русай его научил. И как понимать чувства свои и как жить с ними.

— Они порой тебя наизнанку рвать будут, всю жизнь из тебя тянуть. Самое главное, расслабиться. Не борись, но и к сердцу не подпускай. Ты эту грань потом чувствовать будешь. Дальше неё не пускай ничего. И помни всегда — не твои чувства это. Но желания, зависть и искушение гони от себя. Ты ведь не только боль чувствовать будешь, через тебя и другие чувства проходить будут. Вот с ними, как раз и осторожней надо быть. Они к твоей душе продираться будут, томить тебя и искушать.

Многое тогда Макар не понимал. Просто запоминал и слушал. Только на своём опыте понимать начал, что к чему.

Русай в деревне у них странным слыл. Чуть ли не дурачком его считали. Сказки любил рассказывать, да за правду их выдавать. Каждое животное у Русая могло общаться с человеком. Желать, страдать и чувствовать, не как животное, как человек что ли. Русай с каждой букашкой общался. Но пуще всего он волков уважал. Считал их Хранителями древней мудрости. И ещё много чего, но Макар мимо ушей это пропускал. Больше, как сказку слушал и не запоминая вовсе.

Любил Русай песенку одну. Всегда она на языке у него была. Заставил Макара её заучить.

— Учи! Запоминай, Макар! Потом своему правнуку её напоёшь.

А песенка-то детская, простая и мотив у неё простой. Но въедливый.

И сейчас, идя от мирян, всю дорогу Макар вспоминал Русая. За мыслями не угонишься. Начал про сохатых думать, а закончил прадедом. И песенка эта на языке вертелась. Давно он её не вспоминал. Ни чем не привлекательная песня, но стоит один раз её спеть, потом пол дня с языка не смоешь.

Дай волку дорогу.

Дай волку еды.

В жилище своё

Ты его пригласи.

Когда ты спасёшь

Волчонка седого,

Постигнешь ты Силу,

В ней жизни основа.

Шёл и мычал про себя. За спиной, нагруженная поняга, на плече, приятной тяжестью — ружьё, в руках котомка. Нагрузился знатно. Но не помешало, Макару при этом двух рябчиков снять. Повесил их на кукан. Этот прочный шнур, с проволочной петлёй на конце, Макар крепил на поясе.

Смеркалось уже. Начал моросить дождь. Макар сильнее натянул шапку, ускорил шаг. До избушки осталось совсем ничего.

На секунду Макар остановился, как показалось что. Взял ружьё в руки, а потом прислушался.

Лес был наполнен привычными своими звуками, потом к себе прислушался, нет, молчало предчувствие, спокойно на душе было. Но что-то определенно мешало Макару.

Он подставил руку и поймал несколько капель дождя. Между пальцев растер. И понял, что остановило его. Пальцы липли друг к другу, точно сладкие были. "Липко. Как мёд" — эта мысль, как выстрел в голове раздалась.

И стоило этой мысли сформироваться, как перед Макаром из сумерек, один за другим вышли четыре волка.

Макар отродясь не употреблял бранные слова, да ни кто у них не ругался, рот свой не поганил. Но тут Макар не сдержался, сама собой скверна вышла.

Легче встретить в лесу медведя, чем хотя бы издали увидеть волка. А тут чуть больше месяца всего прошло, а он второй раз их встречает.

Все четверо стояли сейчас перед ним.

Во время нападения, они превосходно группируются, несколько из волков нападают спереди, другие же заходят с тыла.

А эти не шелохнулись, значит нападать не собираются. Тогда к чему все это?

Русай много про волков рассказывал: «Следи за ушами, хвостом и пастью волка, Макар. Волк может показать тебе чувства свои, настроение. Только понимать их уметь надо. В привычном состоянии, хвост поленом висит, но стоит насторожиться животине или в ярость впасть, хвост поднимается и уши за ним кверху лезут.

Гнев, злоба, настороженность, радость, страх, спокойствие, угроза — всё это, да и многое другое, по волку прочесть можно. И после этого, мне говорят, что это тварь, убивать её надо, истреблять! Придёт время, Макар, я тебе и другое про Волков расскажу. Сам в них влюбишься и встречи искать будешь. Помни слова мои»

Макар вскользь прошёл взглядом по волкам. Хвосты поленом, ни осанка, ни уши не напряжены. Точно чучела стоят и смотрят. Чепуха какая-то.

«Как раньше им дорогу уступить? — думал Макар. — Так здесь ни дорог, ни троп нет. Лес кругом. А что если припугнуть их, покричу, пальну разок? Стая не большая, это может и напугает её»

Макар аккуратно снял с себя понягу, опустил её рядом с котомкой на землю. Набрал полные лёгкие воздуха.

Звук застрял ещё где-то там внутри него. Макар так и не понял, успел он крикнуть или нет, он не слышал себя. Более мощное и первозданное захлестнуло человеческий писк.

И это было страшное впечатление, что-то потрясающее!

Лес наполнился волчьим воем.

Все в душе у Макара перевернулось. Он не мог пошевелиться, так с открытым ртом и стоял.

А они выводили свою мелодию, как ансамбль, где каждая партия была оригинальна и виртуозна. У вожака был густой, очень низкий вой, с небольшой хрипотцой. Другие волки выли на очень высоких нотах, с частым взлаиванием, поскуливанием.

Никогда Макар не чувствовал такого ужаса и восхищения одновременно. Рвалась каждая струнка его души, всё внутри рушилось и сплеталось в более сложные и удивительные плетения. Его перестраивали, перерождали. Ему казалось, что он чувствует саму природу, саму стихию и он был внутри неё.

Слезы текли по его щекам, он хватал ртом воздух. Казалось, он первый раз по-настоящему дышал. Как младенец, только что родившийся.

Сила! Пьянящая, сладкая, неистовая Сила бушевала внутри него.

А потом резко всё прекратилось. Стояла звенящая тишина.

Было чувство, что его лишили чего-то важного, жизненно необходимого. Дали и забрали, вырвали, спрятали. Стало невыносимо. Макар зарылся руками в волосы и заскулил на тонкой, неестественно высокой ноте. В голове билось только одна мысль, только одно желание: «Ещё! Ещё!»

Макар сам не понимал чего требовало его нутро. Он опустился на колени и качался из

стороны в сторону. А потом уловил движение.

К нему медленно подходил вожак.

Они смотрели друг другу в глаза бесконечно долго. Медленно сознание стало просветляться, медленно стали возвращаться мысли, страх, и осознание того, что стоит он сейчас на коленях, перед сильным и матёрым волком. Беззащитный, оглушенный и растерянный. А самое главное, Макар не знал, где его ружьё. «Охотничек! Ружьё потерял» даже смешно стало. Но нож на месте, он его всем телом сейчас чувствовал. И хоть знал Макар, где-то внутри себя верил, что не нападет волк, но всё равно настраивался на бой. Дикий зверь перед ним, а он в таком не выгодном положении. Перед волками, как можно выше и больше надо казаться. Волк на уровне инстинкта больших боится и остерегается, а Макар сейчас даже ниже его, на коленях стоял.

Желтые глаза прожигали Макара насквозь. Выедали его, заглядывали глубоко — глубоко. Так далеко даже сам Макар в себя не заглядывал. А потом медленно вожак вниз голову начал опускать, перемещать свой взгляд по Макару. Остановился где-то в районе паха. Макар тоже взгляд опустил. Волк не отрываясь на рябчиков смотрел, что болтались у Макара на кукане.

Носом повёл, фыркнул, ещё раз по Макару взглядом мазнул и медленно отошёл к стае.

«Голодный?! Он, что сейчас еды у него попросил?» — Макара, как по голове ударили. Казалось, удивляться уже не чему, ан нет, удивил волк.

Макар медленно встал. Снял с крючка свою добычу и положил на траву. Сам отошёл к дереву.

С этого момента волки потеряли к нему всякий интерес. Они подбежали к дичи, долго обнюхивали её, переглядывались, тьякали, после чего отошли. Остался один вожак.

Он подтолкнул мордой в сторону Макара одного рябчика, взял в пасть второго и посмотрев на человека потрусил в лес. За ним в темноте пропала и его стая.

Человек шёл качаясь. Походка его была не ровной, точно с глазами закрытыми шёл. То и дело спотыкался, один раз чуть не упал.

Он следовал за Макаром, не отставая от него ни на шаг. Не таился, знал, что не увидит и не почувствует он его. Макар сейчас ничего не мог чувствовать. Разум его и тело было наполнено Силой.

Она вживалась в него, прорастала, как растение прорастает в почву. Пускала свои корни, укрепляла их, готовясь к цветению. Но до этого ещё было долго. Только начинала Сила свою жизнь в Макаре, только-только начинала пробовать своего хозяина, привыкать к нему.

Ему было важно, чтобы Макар дошёл до избы, чтобы не упал, не поранил себя.

Он усмехнулся. Идёт без памяти, а ружьё на плечо загрузил. Какой охотник ружьё своё потеряет?

Гольми руками-то охотиться не будешь.

Макар не твёрдой походкой дошёл до избы. Остановился на мгновение, руками дверь нащупал и зашёл в дом.

Он подошёл к двери.

Слух у него был хороший, от того в тишине этой ночной, слышал он возню, пару раз тихий скрип лавки о половицы и после мирное, ровное дыхание Макара.

Этого и надо было. Сон сейчас для человека самая главная микстура. Долго восстанавливаться будет после встречи этой, после первого знакомства с Силой.

Он отошёл от избы, ещё раз прислушался.

Тишина.

И теперь, уже не оглядываясь, не беспокоясь, пошёл туда, где Макар оставил вещи свои, что у мирян куплены были.

Он вернёт их хозяину. Сейчас Макару не о них думу свою вести надо.

Более важное и более значимое в жизни его прорасть сейчас начинает.

14

Макар резко открыл глаза. Подскочил, как ошпаренный, встревожено озираясь вокруг. Он был в своей избышке. За окном светило солнце.

«Ружьё! Вещи!» — молнией ударила мысль.

Ружьё было на своём привычном месте.

Вещей не было.

По избе заметался.

Макар не помнил, как он вчера до избышки дошёл. Как спать лёг. Ничего не помнил. Это пугало.

На улицу выскочил. Сам не понимая, чего хотел. Думал вещи его у дверей дожидаются? Расстроился сильно. Ругал себя.

Одеваться в избу пошёл, искать вещи надо было. А потом взгляд его упал на сарайку. Под навесом, рядом с дровами, аккуратно стояло все его добро.

Не помнил Макар, как ставил их туда. Да и никогда бы он не оставил их на дворе, в избу бы снес.

Странное, непонятное творилось вокруг. Точно полоумный, дела творит, да из головы их выкидывает.

Занес все в избу. Лёг на лавку и уставился в потолок.

Ему нужно подумать. Серьезно подумать. Мысли разбегались, уводили его в другие воспоминания, а ему сейчас жизненно важно было вспомнить весь вчерашний вечер. Его встречу с волками.

Как бы он не напрягал память, но полной картины он не видел, всё урывками, всё на уровне эмоций.

Макар долго лежал, долго мучил себя. Потом встал, разжег печь. Разложил купленные у мирян вещи.

Все дела Макар делал, как во сне. Машинально закладывал печь, машинально ставил на неё котелок, машинально сыпал в кипящую воду крупу. Ел и не чувствовал вкуса.

Так прошёл день.

К вечеру Макар занемог. Всё тело ныло, каждую косточку тянуло и крутило. Он сделал себе отвар, выпил его залпом, намазался медвежьим жиром и лёг спать.

Его сознание балансировало на грани сна и яви. Он то просыпался, то снова проваливался в липкий дурман.

Что-то выдавливало грудь изнутри, будто чему-то там не хватало места. Что-то ворочалось в глубине его, не находя себе места.

«Не сопротивляйся! Прими её, Макар, — нащёптывал голос. — Вы одно целое! Она твоя. Теперь твоя. Бери её. Владей. Ты хозяин. Уже скоро»

А потом его поглотила Сила. Она, то мягко касалась его, гладила, даря блаженство и покой, то накидывалась, жалила и грызла. А потом скулила, забившись в самый потаённый уголок его души.

Макар метался полавке. Он то выл, то рычал. Он знал её. Помнил эту Силы. Когда пропал Русай, он первый раз владел ею, вчера её подарили волки, а сегодня она пришла сама. Сама.

Он не хотел её отпускать, а она не видимым потоком выходила из него, растворяясь в ночи. Ему казалось, что он теряет самого себя. Он умолял её остаться. Ещё один миг, ещё одно мгновение владеть ею, только это было сейчас важно, только это.

«Прими её, Макар. Уже скоро»

Макар просыпался тяжело. Казалось всё его тело стало тяжелым, не поворотливым, онемевшим. Он сел на лавку. «Сколько он спал?»

На улице только-только светало.

В избе было холодно. Печь прогорела и остыла. Странно. Он вечером подкладывал дров, должно было хватить жара до утра.

Так сколько он спал? Неужели больше суток длилось это безумие.

Макар испугался. Он ощущал себя каким-то беспомощным. Первый раз ему захотелось, что бы рядом был кто-то живой, с кем можно было поговорить, забыться.

Макар с головой ушёл в повседневные дела. Дел было много. Надо заполнять ледник. Рыба, мясо, ягода.

Макар нагружал себя работой. Порой голова ещё не успевала коснуться лавки, а он уже засыпал.

Но мысли, то и дело возвращались к волкам. Не мог Макар прогнать думы навсегда. Они прочно обосновались в его голове. Иногда он чувствовал и Силу, встрепенется где-то внутри, аккуратно царапнет, мол я здесь, Макар, здесь, привыкай ко мне.

Дни мелькали серой чередой, и изо дня в день Макар чувствовал в себе изменения. Он не смог бы выразить это в словах, но что-то неумолимо менялось в нем.

15

Тяжелые и тёмные тучи затянули небо, заточив солнце в свою темницу. Держали крепко, не пропуская ни единого луча.

С утра шёл дождь. Мощный проливень, холодный, по-настоящему осенний. Природа щедра делилась водяными потоками. Лужи бурлили, наполнялись, принимая в себя эту щедрость. Капли дождя врезались в почву, разлетаясь на тысячи брызг. Природа гудела и выла, прощаясь с теплом. Она уже была готова принять сурового и морозного старца.

Изба, казалось, разбухла, почернела. Крышу нещадно лупило, но она стойко держалась, скидывая с себя прощальные слёзы.

Макар неподвижно сидел на лавке. Точно в сон провалился, на столе все ещё лежали гильзы, капсюли, порох, готовые патроны. Он не видел этого, не слышал стук дождя, ему не мешала темнота избы. Он был далеко от сюда. Он был в своём детстве. Он был с Русаем.

Тогда тоже шёл дождь. За окном ничего не было видно. Сплошной поток струился по стеклу. Макар выхватывал из потока одну каплю и следил за ней, она быстро вычерчивала дорожку, сливаясь со своими сёстрами и Макар уже не мог понять, его ли это капля или чужая. Было что-то завораживающие в этих струйках. Бегут, бегут... а для чего? Чтобы скользнуть со стекла, сорваться с карниза и ухнуть на землю?

Русай присел рядом. Тихо подошёл, Макар его даже не заметил, отчего вздрогнул легонько.

— У каждой капли своя дорожка, Макар, точно как у человека. Но твоя дорога не так коротка.

Макар часто не понимал, что сказывал Русай. Да, только и спрашивать было без толку. Всегда одно дед говорил: «Придёт время и всё поймёшь, мальчик».

Макар лёг на лавку. Укрылся с головой, один нос торчит из-под одеяла. Русай рядом сел. Дед говорил тихо, певуче, точно полу пел, полу говорил:

— Они похожи на тень. Они живут за пределами нашего с тобой мира, Макар.

Скрытные, всегда настороже, они стали символом тайны и опасности. Само слово "волк" вызывает ощущение страха. А в песнях их, слышен зов настоящей дикой природы.

Однажды ты встретишь волка, Макар, последнего в своём роду, единственного кто хранит мудрость древних.

Он передаст тебе Силу. Это дар. Дар исключительности, непохожести на других, дар изгнания и одиночества, потому что ты станешь иным.

Наш род всегда принимал этот дар. Через два поколения, мальчик первенец принимает его. Всегда так было и всегда так будет! Не прервётся цепочка эта. Тебе дают — потом отдаёшь ты.

Я скоро уйду, Макара. Я встретил своего волка и готов принять Силу.

Помни песню мою, Макар, в ней все подсказки, все ответы, в ней всё.

Макар быстро засыпал под сказки Русая. Бывало и до конца не дослушает. От этого ведать и помнил их плохо.

А сейчас, сидя за столом, в своей избе, он видел все как со стороны.

Всё вспомнил, как вчера было. Сознание медленно возвращалось. Эта была самая любимая его сказка, про Силу и волка. Часто Русай её сказывал, а после песню свою выводил.

Дай волку дорогу.

Дай волку еды.

В жилище своё

Ты его пригласи.

Когда ты спасёшь

Волчонка седого,

Постигнешь ты Силу,

В ней жизни основа.

Макар на окно уставился.

Капли продолжали свой бег по стеклу, карнизу, стремясь к земле. А у Макара складывалась в голове головоломка, медленно, но уверенно складывалась. Да и головоломка ли это.

Дай волку дорогу...

На горе, когда волки преградили ему путь, он нашёл единственное верное решение. Он уступил им тропу. Значит, первая строка песни исполнена...

Дай волку еды...

И это было. Рябчиком его угостились. Не случайно это вышло. Не он им его предложил, сам волк его требовал...

Дальше следовало в песни, то что исполнить Макар не смог бы.

В жилище своё

Ты его пригласи...

Не принято у них держать в доме даже собак, а волка пригласить, об этом и речи не могло быть. Собаки, волки почитаются нечистыми животными. Запрещено введение их в

святые места. Наше жилище, есть наш домашний храм. Оно освещается, здесь есть святые иконы. Потому нельзя находиться нечистым в доме. На улице, в псарни, пожалуйста, но не в избе.

Но не об этом сейчас мыслил Макар. Всё сказ Русая вспоминал. Неужто и он, Макар встретил этого волка, хранителя мудрости древних. И Силу встретил, которую волк даёт Макару по чуть-чуть, аккуратно даёт. А Сила пробует Макара, привыкает к новому хозяину.

Возможно ли, что это правда. Ни сказка, ни вымысел.

Но Макару что-то мешало. Что-то не складывалось. Мысль крутилась в голове правильная, нужная, но он не мог поймать её, выразить. Что-то было не так с этим волком.

"Волк передаёт Силу роду Макара через два поколения мальчику-первенцу. Потом этот мальчик, носитель этого дара, передаёт его вновь через два поколения мальчику — первенцу. И так из поколения в поколения. Но почему Русай говорил, что Силу передаёт волк, а не человек. Получая Силу мальчик становится волком? Бред»

У Макара голова кружилась от всего этого. Не умещалось это в него. Он гнал дурные мысли, но все складывалось в одно.

«Принимая Силу — ты становишься волком. А из этого получается, что вожак, которого видел Макар — это Русай»

Это было нереально, но всё кричало о том. Русай пропал, тело его так и не нашли. И Макар чувствовал тогда Силу и знал, что с прадедом это предчувствие связано было.

Эта мысль, как молния пронеслась у Макара в голове. Он весь напрягся. Задыхался глубоко, сильно: "Русай жив! Русай жив! Русай жив!"

Голосило и надрывалось у него в голове.

Все замелькало перед глазами. Сила в нем завибрировала и начала выползать от куда-то из глубины его. Начала царапать, берeditь, гнать. Как — будто кричала ему: "Не сиди, действуй!"

Макар, как безумный из избы кинулся, в чем был, в носках, да рубахе.

Встал посреди поляны и крикну:

— Русай!

Крик его не утопал в водяных потоках, не затухал в грохоте грома. Казалось, всё это наоборот, усиливало его. Разносило далеко на многие километры.

— Русай!

Макар улыбался. В его душе расцветала надежда, что жив его близкий, родной человек.

А потом сердце пропустило один удар и замерло. Макар услышал ответ.

Сильный, уверенный, низкий вой заглушил все звуки стихии.

— Русай, — тихо, одними губами прошептал Макар.

Он видел его.

Он стоял под старым, разлапистым кедром.

Здесь дождь не так был силён. Робел он перед этим вековым исполином, от того и не пытался пробиться через хвою. Всего несколько капель осмелились это сделать.

Из миллиона — всего несколько.

Он усмехнулся.

Будь он дождем, он был бы в числе этих капель, и человек, стоящий сейчас в центре поляны, счастливый и мокрый человек, тоже из числа этих смельчаков. Он не сомневался.

Макар стоял и ждал...

Вода потоками струилась по его телу, точно, как по стеклу. По щекам, по носу, по рукам

выписывали капли свои дорожки. Весь Макар сейчас был исчерчен дорожками, как чужими судьбами. Но его дорога только начиналась, капля его не закончит свой путь, упав на землю. Она будет проникать дальше, к чему-то не известному, к чему-то могучему.

На Макара мчались струи воды, мчалось его будущее, мчалось его предназначение, его Сила.

Время пришло.

Он ещё мгновение стоял не подвижно, а потом, посмотрев на Макара, начал медленно спускаться на поляну.

Через мгновение Макар увидел, как сквозь пелену дождя, к нему медленно идет волк.

Он шёл спокойно и уверенно, впечатывая свои лапы в лужи и грязь. Мокрая шерсть облепляла его могучие тело, отчего казался он ещё крупнее и внушительней.

Макар, как замороженный смотрел на вожака. Сила и уверенность сквозила в каждом его движении.

Лёгкий страх коснулся Макара, на секунду сердце забилося, как птичка в силках. Но Сила тепло и ласково успокаивала, даря мир, покой и уверенность.

Волк вплотную подошёл к нему и остановился, смотря прямо в глаза.

Макар медленно опустился на колени, вглядываясь в морду его, ища хоть какое-то сходство с Русаем.

— Ты? — тихо спросил Макар.

Волк встрепенулся, наострил уши, внимательно смотря на человека.

Макар аккуратно протянул руку к вожаку. Ласково коснулся морды.

Волк уткнулся в ладонь. Потерся мокрым носом, лизнул. Язык шершавый, тёплый, легонько прошёлся от кончиков пальцев до запястья. Потом волк бережно прикусил ладонь и потянул в сторону избы.

Макар враз понял, что просит волк. Встал и быстрым шагом пошёл к дому. Не оглядываясь, точно знал, что идёт сейчас вожак за ним. Чувствовал его, всем телом чувствовал. Дверь приоткрыл, пропуская волка вперёд и зашёл сам.

16

Они просидели у печи всю ночь.

Сначала молчали. Смотрели друг на друга, а потом Макар начал говорить. Говорил, как долго все искали его. Как отец ночами не спал, по избе, из угла в угол шатался, утра дожидаясь, а когда только светало, отправлялся в лес его искать.

Рассказывал про мать, про братьев и сестёр.

Как тоскует по ним. Что к весне думает в деревню возвращаться.

А ещё рассказал, что пуще всего по Беяне изводится. Столько лет просто жил, а тут как наваждение какое навалилось и держит, томит и не отпускает.

Что Макар помнит каждую родинку её, каждую складочку. Все помнит, что любила Беяна, что радовало её. Часто во сне к нему она приходит, да и дня не было, чтобы не вспоминал и не желал он её.

Понимает, что не будет она его. Понимает, но сердце исходит грустью и печалью.

Рассказал все, что наболело и что тревожило. Делился радостью и горем.

А волк поскуливал, фыркал и ластился к нему, точно утешая.

Когда светать начало, Макар затих. Сидел молча и смотрел на большого, матёрого волка, который мирно лежал рядом. Волк положил морду на лапы, дышал глубоко, от чего бока его жили, казалось, своей жизнью. Шерсть его давно высохла, и сейчас, в лёгком

утреннем свете отливала серебром.

Должно быть странно они выглядят со стороны. Человек и волк. Рядом. В мыслях допустить такого Макар никогда не смог бы. Но сейчас это казалось таким естественным, правильным, что и не удивляло и не страшило Макара.

Он вытянулся на полу избы. Лежал с закрытыми глазами, но сон не шёл. Макар думал о волке, который так же как и он сейчас блаженно лежал рядом.

Макар не видел, как медленно от серебра шерсти животного отделилась сизая дымка, как аккуратно она скользнула к его ногам. Не прикасаясь к Макару, будто боясь потревожить, она лениво потянулась вверх. Дымка окутывала его, даря волны спокойствия и неги.

Добравшись до груди дымка остановилась, собралась вся и проникла в Макара, полностью пропав в нём.

Макар вздрогнул, легонько, будто во сне дернулся.

Какое-то время ничего не происходило. Всё также спокойно лежал человек и волк, дрова в печи потрескивали, где-то в лесу стучал дятел и шумел ветер в голых ветвях деревьев.

Макар резко открыл глаза. Его взор затуманился, точно дымкой заволкло глаза, сизой с белыми прожилками. Он ничего не видел, сморгнул, глаза рукой растер, убирая не видимую преграду. Глаза прояснились, но были они уже не карие, они были желтые, как у волка, лежащего рядом.

И в ту же секунду Макара придавила Сила. Мир вокруг взорвался. На него нахлынули запахи, звуки. Все вокруг выцвело в одно мгновение, стало серым, нет цветов, никаких нет цветов, всё чёрно-белое. Это пугало и завораживало.

Взгляд, как скаженный заметался по избе. Зрение его изменилось, он видел теперь каждую трещинку в брёвнах потолка, каждый узор паутины, висевшей в углах, а вон и сам паук, как непрошенный гость, забился между брёвен. Даже тельце его, густо покрытое волосками, видел. Всё видел.

В ноздри ударило тысяча запахов. В избе невыносимо пахло гарью, а ружьё стоящее в углу, и патроны лежавшие на столе, разносили по дому запах пороха. Это нервировало. Станный, опасный запах, приносящий смерть.

Но самое удивительное, что сейчас происходило с Макаром, это то, что он слышал. Лес был наполнен миллионами звуков. Он хрустел, шумел, каркал и выл. Макар пытался выхватить один звук, определить его, но все смешивалось и смазывалось в одно.

Все эти новый, яркие, живые ощущения сводили с ума. Голова гудела, казалось, ещё минута и она не выдержит такого шквала эмоций и впечатлений.

В какой-то момент Макар отключился. Во всяком случае ему так показалось, потому что когда он вновь открыл глаза, над ним возвышался волк. Передними лапами он упёрся Макару в грудь и держал его. Волк будто забирал сейчас Силу из Макара, высасывал её.

Макар дернулся. Не хотел он отпускать Силу. Ему нравилось, то что она давала ему. Он чувствовал себя всемогущим. Только научиться надо управлять этой Силой, а потому при нём она должна быть. Не отдаст!

Макар схватился за лапы волка, пытаясь отодрать их от себя, и мысленно держал, крепко держал Силу в себе.

Волк почувствовав его сопротивление, зарычал. Этот тихий утробный рык, как ведро холодной воды, подействовал на Макара. Он замер, лежал тихо, смотря на вожака.

Волк медленно убрал лапы, сел рядом.

Макар чувствовал, что Сила ушла. Но не вся. Теперь он был наполнен ею гораздо больше, чем до встречи с волком.

Он продолжал чувствовать тоже, обостренный слух, зрение и обоняние. Всё это осталось, но было не таким ярким и нестерпимым.

Его заполняли Силой, бережно и осторожно, как сосуд наполняют горячей водой. Вольёшь быстро — он лопнет. Но каждый раз вливали больше и больше, и скоро Макар наполнится Силой до краев. Он ждал этого дня. Ему нравилось, то что приносила с собой Сила.

— Прости, Русай. Трудно отдать её. Трудно, — садясь перед волком, тихо сказал Макар. Волк фыркнул, точно усмехнулся и уставился на дверь.

— Не хочу тебя отпускать.

Вожак медленно перевел взгляд на Макара. Положил свою большую голову на колени его, потерялся и тихо заскулил.

Макар не имел права удерживать его, да и чувствовал, что теперь волк будет рядом.

Он выпустил его и смотрел вслед. Волк бежал до первых деревьев не оглядываясь. Потом остановился, повернул морду в сторону Макара, посмотрел и скрылся в лесу.

17

Весь октябрь Макар провёл в обнаженном, посветлевшем лесу.

Вот уж правду говорят: «В октябре — семь погод на дворе»

Нередки первые утренники, днём яркое, ещё тёплое солнце менялось на холодный и унылый дождь, а к вечеру и первый снег можно ожидать.

Макар, точно чадо малое, не разумное, учился всему заново. Ходить по лесу, слушать лес и замечать, видеть всё то, что раньше было ему неподвластно.

Макара, как магнитом тянуло к кедру. К этому вековому старцу, символу суровой и бескрайней Сибири.

От него волнами исходила энергия, покрывая, точно обертывала всё вокруг.

Древние дома в деревне легко опознать именно по растущему, в углу двора, кедру. Раньше, когда дом закладывали, непременно молодой кедр сажали рядом, чтобы изба и жизнь живущих в ней людей была долговечной и крепкой.

Отец всегда говорил, что у кедра есть душа. Оно и в правду так. Макар слышал, чувствовал жизнь внутри этого царя леса. Душа пульсировала в глубине ствола, барабанила сильно и мощно. Как раньше он этого не замечал и не слышал.

Он многого не замечал. Не замечал красоты заката, яркости цвета, дурманящего запаха леса, земли.

Не замечал, что брёвна избы тоже живые, хоть и срублены очень давно. Приложив к ним руку, Макар ощущал решительность и настойчивость отца, его запах. Он поставил эту избу, его дух здесь и чувствовался. Макару было безумно интересно — неужели все избы хранят энергию строителя?

Ещё изба держала его запах, Макара. Она приняла его, как хозяина.

И всегда рядом был Волк, даже когда Макар его не видел, он чувствовал его рядом.

Макар научился многому. В радиусе километра, он чувствовал любое живое существо. Мог точно определить кто это, сохатый или волк, песец или ворона.

Видел он тоже идеально. Цвета вернулись, но когда Макар хотел рассмотреть что-то, зрение перестраивалось и он мог уловить мельчайшие детали.

Макар часто разговаривал с Волком и готов был поклясться, что он его понимал. Всё

понимал, только ответить не мог.

Исполнил Макар три условия из песни Русая.

Дай волку дорогу.

Дай волку еды.

В жилище своё

Ты его пригласи.

Осталось спасти волчонка седого...

Брачный период у волков ближе к весне. Потом самка месяца два вынашивает своё потомство. Так что, спасти волчонка, Макар сможет только в начале лета. Он был готов ждать долго. И дождётся этого седого волчонка, был уверен.

18

На улице светало, когда Макара разбудило предчувствие.

На него дул ветер, морозный, бодрящий. На миг до костей пробрало, а потом жарко стало. Он лежал на лавке, на лбу выступила испарина, тело приятно гудело, как после хорошей физической нагрузки. Макар улыбался.

Сегодня он увидит отца.

Как никогда Макар ждал снега. Не первого, который не успев лечь на землю, сходит и тает. Он ждал настоящий снег, по которому придёт на лыжах отец.

Весь день Макар был как на иголках. Натопил мыльню, наварил мяса, вычистил поляну свою от снега. Сидит, ждёт в избе.

Потом Макар услышал его: легкий скрип снега под лыжами, бряканье, встревоженная птица. Человек идёт.

Еще он услышал, как Волк, находившийся рядом с избой, рысцой уходил сейчас на безопасное расстояние.

Макар накинул тулуп и выбежал на улицу. Точно мальчишка, с улыбкой во все лицо он стоял и ждал.

Запах отца приятно щекотал ноздри, родной, знакомый запах. Близко, уже близко.

Отец показался через несколько минут. Медленно подошёл, снял лыжи, приставил их к избе:

— Всыпать бы тебе, за голову твою не покрытую и тулуп на распашку. Точно дитё не путевое.

Макар в голос смеялся. Обнял отца и не оторвать. И накатила волна такого беспредельного счастья, защищенности и уверенности. Рядом каменная стена, за которой ни чего не страшно, со всем справится, всё ему по зубам.

— Раздавить меня собрался? — улыбаясь, спросил отец.

А сам Макара не отпускает, сам его мнёт и нежит.

— Я соскучился, тятя, — куда-то в шею зашептал Макар. — Очень!

— Тоже тосковал, точно год не виделась, — согласился отец. — Так морозить и будешь? Или в дом зазовёшь?

Зашли в избу. Отец к печи прильнул, согреваясь:

— Стар стал. Раньше не заморозить меня было, как ты полуголый мог по морозу бегать. Сейчас даже после лыж подмерз. Слыхано ли дело, — усмехаясь, говорил отец.

А Макар на стол собирал.

Поели и в мыльню пошли. Парились знатно, долго. Любили они парные дела, обоих из мыльни не выгнать было.

Макар говорил не останавливаясь. Всё рассказывал, спрашивал, детство вспоминал.

— Одичал ты что ли, Макар? — качая головой, сказал отец. — Как баба стелешь. Я и не знал, что сын у меня балясник.

— Может и одичал малёха, — не переставая улыбаться, согласился Макар.

— Я там добро привёз. Занести на ночь-то надо. Завтра определим, что куда.

Макар оделся и вышел за дверь.

Отец сидел, попивал отвар и оглядывал избу. Усмехался в бороду себе. Раньше здесь берлога была. Ничего лишнего, печь, лавка и стол. Сейчас изменилась изба. Теплее стала уютнее. Вот даже занавеска на окне повешена. Все чисто, с душой сделано. Доволен был отец, что сын его в чистоте живет. Чистота должна быть во всем — в мыслях, чувствах, домах. Чист источник — чист ручей.

Макар затащил в дом мешки:

— Полны сани добра! — растерянно сказал Макар. — Ты зачем мне всё это завёз-то!

— Огород с матерью засаживали, на двоих старались. Сейчас мне одному много, — тихо сказал отец.

Макар разделся, сел рядом. Ни слова о матери за весь вечер ни сказали.

— Ты как, тятя, без неё?

Отец посмотрел на Макара, долго не отвечал. Думал Макар, что так без ответа и останется вопрос. Глупый вопрос. Не правильный. Если бы его спросили, он бы тоже молчал.

— Ты сколько со своей Беляной жил?

— Четыре года, — тихо отозвался Макар.

— А мы со Всемилой больше тридцати. Вот и думай, как тятке твоему.

Отец встал со стола, бодро встал, как стряхивая с себя что-то:

— Засиделись мы. Я не отдыхать пришёл. Охотника ноги кормят. Верно?

Отец заснул сразу. А Макар лежал и слушал, как он дышит. Глубоко, шумно. Макару было хорошо.

19

— Ребёнок. Мальчик, просыпайся, вставай. Утро на дворе. Иди работать, что кушать будем?

С самого раннего детства, так будил их отец. Присказка эта повторялась без конца, пока дети не вставали. Ох, как это раздражало в детстве. Казалось, куда проще, подойти и пихнуть. А сейчас Макар лежал с закрытыми глазами и улыбался. Точно в детстве оказался.

Вот уже больше недели отец утро начинал с этой присказки.

День в лесу проводили, силки ставили на соболя.

А по вечерам неизменно разговаривали, вспоминали, спорили. До позднего вечера не стихали речи в избе.

Макар очень любил зимние вечера в детстве. Делать особо было не чего. Мать затапливала на ночь печь, а отец с ребягнёй устраивались на лежанке. Он учил их молитвам, рассказывал истории.

И сейчас, лёжа на лавке, Макар слушал, как завывает буря, как в окно бьёт комьями снег. Отец тихо бубнил вечернюю молитву, поленья трещали в печи.

Закроешь глаза и кажется, что ты далеко-далеко от сюда, ты там, где нет проблем и всё ясно, как день Божий. А самое главное, рядом мама.

— Ты любил маму? — тихо спросил Макар.

Отец вздохнул:

— Любовь. Что за слово это вообще? У любого спроси, каждый по своему ответит. Любовь. Мелкое это слово, Макар, не выразит оно все, что чувствуешь, — помолчал и продолжил. — Раньше Макар по другому жили. Пятую заповедь помнишь?

— Чти отца твоего и мать твою, да благо тибудет, и да долголетенбудеши на земли — проговорил Макар.

— Верно. С малолетства нас приучали к безусловному послушанию, безропотному подчинению. Власть родителей от Бога, нарушение их воли — великий грех.

— Так ведь и нас так учили.

— Так, Макар. Да только, как бы мы не были умудрены опытом, и как бы нам не подсказывало родительское сердце, что хорошо, а что плохо для чадо нашего, но сейчас мы, родители, во многом даём волю своим детям. Раньше, Макар, чтобы ни сказал отец, чадо всегда обязано слушать и исполнять родительские наставления. Понимаешь, о чем говорю, Макар?

— Понимаю, тятя.

— Была у меня любовь. Дом в дом жили, точно как ты с Беляной своей. Да только, сосватали мне невесту другую. С Пригорного аж. Первый раз я её увидел до армии. Знакомили нас шумно и людно. Стояла она ни жива, ни мертва. Бледная вся, вздрагивающая. Да и я такой же был. Только у меня ещё сердце рвалось, Макар. Все нутро рвалось и противилось. Но я стоял и молчал. Ни слова, ни взгляда против отца не показал. В голове даже не было и мысли противится. Так воспитали, так жили, таков закон был.

Всемила и слова мне тогда не сказала. Нас и наедине не оставляли. Ни прикоснулись даже друг к другу. Знаешь же мать свою, знаешь её характер, так вот даже она, против воли родительской не шла. А вторая наша встреча была уже на брачевании. Первый раз друг к другу в молельном доме прикоснулись, после брачного молебна. Так и началась наша жизнь. Сам понимаешь, что не все гладко было. Притирались долго. Да, и Всемила чувствовала, что сердце мое не для неё бьется. Хоть я ни словом, ни делом, уприси Бог, не дал ей повода на переживания бабские. Ты как-то сказал, что не будешь рожать детей с нелюбимой. Только башка твоя и не чаёт, что когда женщина рождает тебе ребёнка — это больше, чем страсть, желание. Это больше чем любовь, Макар. Она дарит тебе такое нечеловеческое счастье. Я когда увидел тебя, у меня всё в душе перевернулось и заново сложилось. Маленький ты был, чёрный, точно зверёк какой. А для меня краше и желаннее на свете не было. После этого и на Всемилу другими глазами глядеть стал. Она для меня всем стала. Обо всем, Макар, забыл. Всё что раньше сердце рвало, ушло, как и не было.

Ну, что? Ответил на твой вопрос, сын?

— Ответил, — отозвался Макар.

В избе темно было, только от печи блики шли. Уютно было.

Первый раз отец о прошлом своём заговорил. Первый раз о делах их с матерью обмолвился. Макару до боли приятно было слушать про мать. Совсем мало времени прошло, как её не стало, а казалось, века прошли, так не хватало её.

— А я всегда один буду, тятя. Не первый год прошёл, как потерял я Беляну. Не правильно это, не нормально. Давно уже и забыть можно и заменить, а я как дурень живу. С утра встану, печь затоплю, по избе пройду и в лес меня гонит. Там до одури шатаюсь, только чтобы в избу пустую не возвращаться. Что же я за мужик такой, коли самого главного не смог ей дать. Всё к ногам её кинул, а главного не смог. Вырвать пробовал её из себя, да не

только в сердце она моем, она меня всего заполнила. До краев, до самой макушки, только она. И до боли хочется прикоснуться к ней, запах её почувствовать, улыбку увидеть, только для меня чтоб улыбалась. Но голова-то всё понимает, что мечты это, а сердце не остановить — надеется окаянное. Я вернусь по весне в деревню, тятя. Буду проситься в дом твой. Не могу один жить.

Макар замолчал. Лежал, тишину слушал и благодарен отцу был, что не услышал жалости, упреков, советов. Ничего не услышал.

Макар повернулся на бок, глаза закрыл, сон призывая.

А рядом, на соседней лавки, лежал самый его родной человек. Глаза его смотрели в черноту потолка и из уголка медленно стекала слеза. От бессилия, сердце рвалось на мелкие куски, выжигало нутро. Не выносимой болью душа болела, за сына.

Ах, если бы можно было боль забрать, всю бы её в себя принял, без остатка забрал, только бы чаду его легко было, спокойно.

За окном мело. Ветер поднимал миллионы снежинок, крутил их и подбрасывал, не давая опуститься на землю, а они ликовали, отдаваясь ветру полностью, откликаясь на любое его безумие.

Ветер завывал в голых кронах деревьев, и ему вторил тихий, тоскливый вой. Волк грустил с людьми, уже мирно спавшими в тёмной избе.

20

Прощание с отцом было тяжелым. Макар долго стоял на поляне перед домом, слушал. Весь свой слух накреп! Каждый звук, каждый скрип и вздох отца уловить хотел.

Рядом с Макаром сидел волк. Тоже уши наострил. Тоже слушал.

Когда отец ушёл далеко и слышать его Макар уже не мог, он к волку присел, за бакенбарды потрепал:

— Ну, что одни мы остались.

Вожак аккуратно лапы свои на плечи ему поставил и толкнул назад. Макар на спину упал, лежит во все глаза на волка смотрит. Понять не может, к чему это он. А волк твкнул, мордой снег скovyрнул и Макара обсыпал. Стоит, поскуливает, да точно приплясывает на месте. Макар в голос засмеялся, ну точно, как в детстве Русай с ним играл. Закинет в сугроб и сверху снегом порошит. Макар долго не думал, сам на волка кинулся, пытаясь его увалить. Да только куда там.

Всю поляну вспахали, всё снегом завалили, борясь друг с другом.

Потом опять у печи сушились, да согревались.

Макар благодарен волку был, что отвлѣк от грустных мыслей, что радость ему подарил, заместо уныния.

Потянулись серые, однообразные зимние дни.

Ох, и лютая зима нынче была. Порой, несколько дней на улицу нос не кажешь. Крепко держит мороз, точно в тиски всё стянул ледяными оковами. Трещит, скулит, выжигает все живое.

Волк давно не приходил и не чувствовал его Макар рядом. Зимой волки больше страдают от голода, чем от холода. На зиму у волка вырастает теплый и толстый мех, который не дает животному замерзнуть. Поэтому и не переживал Макар из-за пронзительных морозов, да и уверен был, что со своей стаей его волк. Объединившись легче поймать лося или зверушку какую.

Так Макар и коротал свою зиму один. И что радовала Макара, что не тянулась она,

нескончаемыми минутами, бесконечными днями. Зима летела. Морозы прошли и легче стало.

Он чутко чувствовал увеличения дня, чувствовал медленное оживание природы.

А когда февраль постучался в окно избы, своими частыми вьюгами, то и вообще веселее стало. То весна стучалась.

21

Макар сидел у печки и штопал вещи свои.

С вечера вьюга разыгралась, то жалобно в окно скреблась, то билась сильными порывами леденящего ветра.

А днём яркая погода была, безоблачная, но солнышко ещё не грело, оно только с середины февраля щеки припекать начнёт.

От печки шло тепло, мягкое, ласковое. Поленья потрескивали, в окно царапалась вьюга. Дремотно было Макару. Положил последний аккуратный стежок и стал ко сну готовиться.

Потушил керосинку, на лавку лёг. Сразу заснул, даже не крутанулся ни разу.

А проснулся от света яркого. Точно, как на лугу в полдень заснул. Солнце в глаза светит, а лучи под веки забраться хотят. Спокойно, блаженно и укропом пахнет.

Макар лежал, смотрел в потолок и улыбался.

Озаряющая светом весточку прислала. Разрешилась, значит Светозара. И, спасибо Господу, благополучно. Укропом пахло, значит девочка. И имя ей Всемила будет.

С хорошим настроением встал Макар. Всё улыбался. Дядькой стал. Считай, одиннадцатый раз уже дядька.

У них почитали старые обычаи, по дедовски жили.

Считалось, что девять детей должно быть в семье. Каждого из родителей создало четверо, отец с матерью, Пресвятая Богородица и Господь Бог. И мы должны оставить за тех, кто нас породил потомство. За отца — четыре и за мать — четыре. А первый ребёнок считался первородным, он всегда принадлежал Духу Рода.

Предохраняться и прерывать беременность строго запрещалось. Вот и рожали баба, сколько Бог дал.

Макар любил детей и они его любили. Племянники облепляли его со всех сторон, стоило ему появиться в деревне. Макар приносил гостинцы от зайчиков. Берестяные колечки для девчушек и деревянные ножи и сабли для мальчиков.

Всю зиму считай и строгал и плёл подарки эти. В другое время на то и минутки не сыщешь.

Волк стал чаще приходиться.

Когда первый раз, после крещенских морозов пришёл, аккуратно ещё Силу в Макара влил. Немного, но после этого Макар с неделю привыкал к новым своим ощущениям.

Казалось ему, что сам лес стал слышать и чувствовать саму природу. Каждое деревце и кустик он теперь трогал, нюхал, общался с ними.

Деревья старые пахли затхлым чем-то. Молодые — точно трава скошенная. Больные деревья тонко, еле уловимо вибрировали.

А если руку приложить на ствол и говорить с деревом, то оно откликалось, ей — Богу, откликалось. Через ладонь, точно струйки проходили, по венам текли, к Силе стремились. От здорового и молодого дерева — Сила питалась.

Со слабым и старым — Сила щедро делилась. И оно втягивало эту Силу в себя подпитывалось ею и легче ему становилось.

Макару до безумия это интересно было. Толи будет весной и летом. Сколько всего обрушится на него. Сколько всего сделать сможет.

22

Все утро в лесу с волком ходили.

Погода стояла тёплая, добрая. Солнце яркое слепило глаза.

Волк проводил Макара до избы и ушёл.

Ближе к вечеру Макар уловил далёкие голоса, скрип лыж, запах пороха и чей-то сильный, застарелый кашель.

По всему, трое взрослых идут и ребёнок.

Что за странности? Не мог в ум взять Макар.

Когда путникам до избышки оставалось совсем не много, с получасу ходьбы, Макару в ноздри ударил запах. Такой яркий, родной, тёплый, такой сладкий, такой любимый. Из тысячи узнал бы его. Из миллиона запахов только его бы в себя вобрал и дышал бы только им.

Так Беяна пахнет. Его Беяна. Несколько лет он не видел её, не чувствовал, а сейчас всё разом накатило на него, и желание, и ревность, и любовь, и отчаяние. Как заново все эти годы переживал.

Когда-то Макар так же пах, но нет теперь на нем этого запаха, ни крупинки не осталось. На другом теперь этот дурманивший запах. Он то и нёс его на себе сейчас к Макару.

Сила колыхнулась, заворочалась. Всё внутри завибрировало, заклокотало, точно вулкан просыпаться стал. В груди загло. Макар всю волю свою призвал, держал Силу, успокаивал. А она не унималась, точно своё почувствовала. Своё — родное. Ревностно вздыхала запах Беяны с другого и отчаянно рвалась, билась.

Макар почувствовал, как Волк заволновался, рядом кругами во круг избы заходил.

И вдруг стихло всё. Даже сердце не стукнуло, даже печь замерла.

Тишина, звенящая тишина.

А потом, сметая всё, от куда-то из глубины, мощным потоком, хлынула Сила. Прошла через него, разрывая путы и выплеснулась наружу, готовая разнести, затопить и разрушить всё вокруг.

Окна завибрировали, зазвенело все в избе, забилося. Серая дымка окутала всё, стол, лавки, печь. Они затрещали, под её тяжестью, застонали. Печь завывала, загудела. Огонь бешено бился о стенки и заслонку, ища путь на выход.

Макар стоял посреди всего этого безумия с огромными желтыми глазами. Его трясло. Сила толкала его в спину, заставляла сделать шаг, ещё один, ещё, ещё. Только одно желание было внутри, было снаружи. "Бороться за свою женщину! Вернуть!" А чтобы это сделать надо убрать Мирослава. Вот это и желала сейчас Сила, только это сейчас было важным, жизненно важным.

Сила полностью вошла в Макара, вся без остатка вернулась в его тело и толкнула его из избы. Не оглядываясь, не разбирая дороги бросился он, к идущим людям.

За секунду до удара, Макар заметил смазанную серую тень, слева от себя. Волк прыгнул на человека, обрушивая на него всю свою мощь.

Макар замер, а Волк уверенно держал его лапами, вдавливая в снег. Утробно рычал, не отрываясь смотря.

Макар не раздумывая ударил Силой. Ему некогда было сопротивляться и скидывать с себя Волка, ему во что бы то ни стало надо было добраться до Мирослава. Макар просто

выпустил Силу из себя и направил её на Волка.

Волк, казалось, ожидал этого, потому что навстречу серой дымки Макара вышел густой, вязкий столб молочного, плотного тумана. Рядом с ним, Сила Макара, казалась, лёгкой, воздушной. Волчья Сила сильней, могущественней, она развеяла дымку не задумываясь.

Макар трепыхался, бился на снегу, точно припадочный. А потом застыл. Острые, железные тиски сомкнулись на его шею. Слюна волка медленно стекала за шиворот рубахи.

Все пропало, мир, время, звуки, казалось, одни они во вселенной — волк и человек. И только бешено, неистово билась артерия, под клыками вожака. Один вздох, одно движение и челюсть сомкнётся, прерывая Макару жизнь.

Яркое свечение желтых глаз потухло, Макар обмяк, медленно приходя в себя.

Холод мгновенно проник в тело, мокрая рубаха нестерпимо жгла, ледяные иглы врезались в спину.

Макар застонал, сил не было терпеть тяжесть волка, капкан на шею, всепоглощающий холод и скулёж. Это его Сила, забившись глубоко в Макара, скулила, точно извиняясь, точно стыдясь своего проступка, своей не сдержанности.

Волк медленно разжал челюсть и взглянул на Макара. В его желтых, горящих глазах, человек прочитал многое, и упрёк, и жалость, и гнев, и разочарование. Это последнее чувство, в конец отрезвило Макара. Хотелось зарыться в снег, спрятаться, хотелось умолять о прощении, хотелось обвинить во всем Силу, но Макар знал, что не на ней вина. Он несёт в себе Силу. Он управляет и ведёт её. Он не сдержал! Не смог! Он проиграл!

Волк отошёл от Макара, посмотрел, на все ещё лежавшего человека, и ушёл.

Макар медленно встал. Все тело ныло, каждое движение причиняло боль. Его била легкая дрожь, то ли от холода, то ли от пережитого. Полностью опустошённый, будто его выжгли изнутри, он зашёл в избу, передел рубаху, умылся и одевшись вышел встречать гостей.

С чем пожаловали эти гости, он не знал.

Через четверть часа на поляну вышли четверо.

23

Эких птиц к нему занесло и зачем спрашивается.

Староста, Немир, мальчонка и Мирослав. Макар на нем взгляд задержал, потом медленно перевёл на старосту.

— Здрав будь! — сказал ему Макар и поклонился до земли.

Так всегда приветствовали старосту, как самого уважаемого человека в общине. Остальным Макар просто кивнул.

— Заходите! — тихо сказал и первым зашёл в дом.

Гости зашли не сразу, пока лыжи сняли, пока отряслись от снега.

— Мир твоему дому! — громко, обводя избу взглядом, сказал староста.

Этими словами он приветствовал Духа Рода, хранителя очага и порядка в доме. Зашел в дом — поприветствуй сперва его, потом хозяев.

— Благодарю, — отозвался Макар.

Мужики прошли и сели на лавки.

Макар молчал, и они молчали.

Странно все это было. Ни званы, ни прошены, в такую погоду, да в такую даль по пустому делу не придёшь. Только речи-то не начинались, только все молчание в избе висело.

— Кормить мне вас нечем. На всех моего варева не хватит. Отваром напою, да мёдом

угощу, — подходя к печи, сказал Макар.

— Нам сейчас горячее питьё во благо будет. Благодарим, Макар. Попьём, поговорим, а завтра уж есть будем. Чай, до утра до дюжим.

Макар налил всем горячего, только снятого с печи, отвара. Поставил на стол миску с мёдом и сел рядом.

Староста повернулся к мальчонке, он у печи терся, и очень медленно и громко, как чаду малому, неразумному сказал:

— Я сейчас о тебе речь вести буду. Из избы не выгнать, так что прости, если что услышишь, что не для твоих ушей будет сказано.

Потом повернулся к Макару и уже по-человечески, по-нормальному заговорил.

— Он, Макар, немтырь. Хотя мамка его говаривала, что говорит он, и говорит хорошо. Да, только мы того не слышали. Молчит, как стена. Он один остался. Пять дней назад его мамка сгинула, — староста отпил из кружки, замер на секунду, будто готовясь к долгому рассказу и продолжил. — До первого снега они к нам пришли. Из Осиповки путь держали. Как Баба с пацаном такой путь сдюжили, то не ведаем. Да только остались они у нас. Знаешь, всех веры нашей привечаем, никого не гоним. Ведать на то воля божья была, к нам их завести. Сначала к бабке Вецене их приселили. По весне думали избу поставить. Пусть живут своим хозяйством. Да, только на другой день Вецена привела их в молельный дом. «Нет места им у меня в доме, — сказала. — от матери за версту горелым воняет, а мальчонка, лес ждёт». Ой, баба, как что втемяшит в голову, не выбить. Ладно, к Поладе я их отвёл. Полада вдова, детей нет, мужа не появилось, одна так век и коротаёт. Вот к ней-то определил ходок. Жили нормально. Мать-то его работающая, лени в ней не примечали. Но странная была. Боязливая, и боязнь её перед всеми граничила с дикостью. Слова не вытянуть, прикоснуться к себе не даёт, точно скаженная. А мальчонка, — староста на мальчика глянул, он так подле печи и сидел. — Тоже не из умных, Макар. Тоже точно зверёк забитый. Только глазами своими шевелит, да народ пугает. По деревне слухи пошли, будто из деревни в деревню ходят, да беду носят. Пытался эти речи остановить, да бабы, сам знаешь какие. Как снежный ком, речи эти росли и множились. А пять дней назад, дом Полады вспыхнул. Огонёк небольшой, потушить его всей деревней легко можно было. Да, только, Макар, грех на душу возьму, а вот точно кто помог огоньку этому в адское пламя перерасти. Всей деревней поливали, да только дотла дом выгорел. Одна печь стоит. А с домом и Полада и матушка его сгинули. А малец, как выбрался никто не заметил. Только после, глядим, а он в сторонке жмётся. Днём общину всю собрал и слово молвил. Долго, ох как долго, уговаривал мальчика пристроить. Да только, никто его не берет. Даже моя бабка Бажена, уж на сколько далека от предрассудков и то: «Не возьму его» и весь сказ! И выходит, значит, Вецена и говорит: «Собирайся в лес, бери двоих мужиков. Немира и Мирослава. Мальчишку к Макару ведите. Ждёт он его. Во все руки заграбастает». Сказала и зашаркала на выход. А мы, как дураки, ей-богу, стоим и вслед ей смотрим. А она в дверях остановилась, повернулась и тихо так, точно шепчет, молвит: «Хоть раз я не права была? Много говорю, порой и глупости из меня выходят, да только, и глупости я не за зря трещу. Немир, Мирослав и ты — староста в лес должны идти. Одно знаю, туда вам дорога. Иначе, завоняем, как есть завоняем». И ушла, тихонько дверь прикрыла, оставила нас тихими, да оглушёнными.

— Я, Макар, до зимы переболел, так хворь в самую глубину забралась. Сидит во мне и всю жизнь тащит на себя, — тихо заговорил Немир. — Мне не по лесам бродить надо, мне на печи греться, да лечится надо. Но против бабки Вецены никто не пошёл. Хоть и не один я

против был.

Сказал и на Мирослава глянул. А тот только крякнул в бороду, да в кружку свою уставился.

— Вот так, Макар, мы и забрели к тебе.

Макар сидел и молча слушал, что староста ему говорил. Его мысли были далеко, безудержно клонило в сон и Макар из последнего держался.

— Как снег сойдёт, отправим наших в Осиповку, родных его искать. Мы, Макар, поймём и примем отказ твой. С утра уйдём. А пока. Сюда иди, малец, — поманил мальчонку староста. — Покажу тебя во всей твоей красе. Иди, иди не бойся.

Мальчик медленно, даже как-то не естественно медленно подошёл к столу. Встал рядом со старостой и повернулся к Макару.

Макар мазнул взглядом по рубашечке в крупную красную клетку, не с его плеча она была, сразу видно. Ручонки его висели вдоль тельца, как два тонких прутика. Сутулый, какой-то несуразный весь.

Макар посмотрел на лицо его и утонул, утонул во взгляде его медовом. Точь-в-точь мёд, липовый мёд, светлый, яркий с янтарным отливом. Не детские глаза, не детский взгляд. Даже как-то не уютно, что ли стало Макару под прицелом этого мёда.

Кожа светлая, прозрачная, даже синие жилки проглядывают. Белые ресницы, белые брови, волосы, торчащие в разные стороны, тоже были белые. Даже не белые, а точно сединой покрытые.

— Его зовут Беловук. Не привычное имя. Не наше, — тихо отозвался староста.

«Беловуук». Медленно, растягивая каждую букву, точно пробуя это незнакомое имя на вкус, про себя повторил Макар. «Белый волк» значит.

Внутри, колыхнувшись, прятаясь до этого Сила. Макар даже не обратил на неё внимания, у него сейчас бешено один за другим мелькали образы. Русай, волки, лес, туман, рябчики. Все смешивалось и переплеталось и тихо где-то далеко заунывно звучала песня.

Дай волку дорогу.

Дай волку еды.

В жилище своё

Ты его пригласи.

Когда ты спасёшь

Волчонка седого,

Постигнешь ты Силу

В ней жизни основа.

Макар, не сдержавшийся, засмеялся в голос. Ему было не важно, как он выглядел со стороны. Ничего сейчас не было важным, только растерянный и испуганный мальчишка, стоявший напротив него, имел для него сейчас значение.

— Так вот ты какой, седой волчонок, — весело, даже как-то задорно, сказал Макар.

Сказал и во все глаза на мальчишку смотрит. Будто налюбоваться не может.

— Ну, что, Волчонок! Останешься у меня?

— Не ответит он тебя. Берёшь, так бери. Не зря ходили, значит, — впервые, за все это время, подал голос Мирослав.

Сила больно кольнула. Макар сжал всё внутри, заковывая её. Э нет, он тут главный, не Сила. Ему решать когда выпускать её. Теперь он глуп не будет, теперь он следить за ней будет пуще прежнего, пока не научится владеть ей. Он хозяин.

— Я не скотину беру и не предмет какой. — глухо отозвался Макар.

Не понравились Макару, речи Мирослава. Злые, не добрые. Говорит, будто и нет здесь Беловука, будто предмет ему какой приволокли.

— Не злобьтесь, — аккуратно, кладя свою ладонь на плечо Макара, проронил староста.

— Беловук! Я всем сердцем хочу, что бы ты остался у меня, — глядя в самый мёд, начал Макар. — Сколько проживешь здесь, не ведаю. Но обещаю, учить тебя всему, что знаю. Обещаю жить с тобой в мире.

Мальчик опустил голову, будто решая остаться ему в лесу или нет. Будто взвешивая, все за и против. Потом поднял голову и посмотрел на Макара. И Макар мог поклясться, что за весь вечер увидел осознанный и чего-то желающий взгляд.

— Ну, и добро! — улыбаясь в бороду, бодро сказал Макар. — Пойдём, накормлю тебя.

Макар подошёл к печи, налил в миску бульон, ополовинил кусок мяса и положил его туда же в миску.

— Ешь! Нам силы много надо будет. В лесу тощий не сдюжишь.

Беловук ел как-то вяло, без удовольствия. Уставился в миску и копошил там ложкой. Макар посмотрел на него и вернулся к столу.

— Благодарю, Макар, — сказал староста. — Мы узелок не большой, с вещами Беловука, принесли. Деревней всей собирали. Его-то погорело все.

— Права бабка Вецена, с радостью его заграбастал! Да, Макар? — засмеялся Немир, а потом зашёлся кашлем, сухим, не хорошим.

— Медвежьего жира дать? — спросил у него Макар.

— Да, мне уже ничего не помогает. Мажу, пью, а толку ни какого, — прокашлявшись, тихо ответил Немир.

Еще не много о новостях деревенских поговорили, да улеглись все. Четыре взрослых и ребёнок, это много для избышки. Староста с Мирославом у печи устроились, тут же на полу и Беловуку постелили. А Макар с Немиром на лавках у противоположной стены легли.

Макар заснул сразу. Только глаза закрыл и провалился в сон. Даже снилось что-то, это точно Макар помнил.

Его разбудил кашель. Приступ, один за другим, обрушивался на Немира. Он не просыпался, так во сне и мучился. Спящих рядом людей это тоже не тревожило. Казалось, один Макар от каждого резкого, лающего кашля, вздрагивает.

Макар лежал и всматривался в темноту, туда где, как ему казалось должно быть лицо Немира. Аккуратно руку протянул, ко лбу прикоснулся. Проверить хотел, нет ли жара. Лоб у Немира был мокрый, липкий и холодный.

Макар убрал руку, замер на секунду, а потом опять приложил. Думал, показалось, а нет. Тонко, еле уловимо шла вибрация от Немира. Чувствовал Макар уже такую вибрацию.

От больных деревьев такая шла. Совсем не давно Макар рощу березовую лечил, каждое деревце в ней чахло. Хворь какая-то напала, вот он и помогал.

Макар переместил руку на грудь. Здесь вибрация ощущалась сильнее. И как тогда деревьям, Макар легонько влил Силу в Немира. Тело сразу отреагировало. Точно что-то изнутри Немира ухватило за Силу и начало всасывать её в себя.

«Душа его так старается. Лечит хозяина»-не отнимая руки, думал Макар.

Сколько это продолжалось, он не помнил. Даже задремал малеха. Очнулся от того, что Сила прекратила свой поток.

Макар лежал, старался не спать. Все к дыханию Немира прислушивался. Он дышал

глубоко, спокойно. Только к утру Макар дал себе расслабиться и заснул.

Тихо потрескивала печь, за окном мела метель, слегка постукивала в окно, не будила, усыпляла. В избе было темно, все мирно спали и только глаза, цвета липового мёда, пристально смотрели на спящего Макара.

Все видели. Неужто всё поняли?

24

С утра Макар спустился в ледник, взял рыбы, несколько видов, как полагалось для вкусного и наваристого бульона и наварил ухи.

Мужики ели молча, быстро, с удовольствием. Макар краем глаза все на Немира поглядывал. Он был бодрый и весёлый. Шутит, что дух лесной ему хворь отгоняет. Даже серость с лица сошла, щеки точно у молодого, да здорового зарумянились.

Макар был доволен, хотелось спокойно подумать о том, что произошло ночью. Неужто людей врачевать может. Даже и не задумывался об этом. Даже в мыслях такого не было. А тут вон как вышло.

— Угощение от души лучше мёда-сахара, — вставая из-за стола, сказал староста. — Благодарим, Макар.

— На здоровье.

— Мы с Немиром потопаем тут рядом с часик. Да обратно, в деревню пойдём. С спокойным сердцем пойдём, Макар.

Макар тоже вышел из избы, набрал полный чан снега, натопит воды, посуду сполоснет.

Мальчонка в углу за печкой сидел. Тихо сидел, руки на коленках держит и точно первый раз их видит. Каждый пальчик, каждый ноготок разглядывает. Вертит их у лица. Странный малец. Точно в своём мире живет.

Ну, да ладно, Бог с ним. Все мы странные, если на то пошло.

Макар тоже любил волосы мамкины трогать. Ручкой в них зароется и тянет на себя, пропуская прядки через пальчики. Волос у мамы густой, блестящий. В детский кулачок вся копна не помещается. А длиннющие были! Помнит Макар, мамка сядет на лавку, он ей волосы расплетет, прижмётся к ней, спина к спине, а волосы перед собой рассыплет, так его и не видно. Потом на трогается, на щупается и мордашкой в волосы зароется и дышит не надыхитесь. Макару теперь за всегда запах укропа мать напоминал.

У замужней женщины всегда две косы и головной убор должен быть — шашмура. Без него женщина ни перед кем не должна показываться, только мужу дозволено видеть жену без шашмуры.

Ребёнку-то не объяснишь, что нельзя на дворе снимать шапочку мамке, нельзя волосы распускать. Вот приходилось Всемиле в доме прятаться, пока чадо не наиграется с её волосами и плестись по пять раз на дню.

А потом появился Яролик и мамка до волос своих допускать не стала. Не до этого стало.

Макар поставил чан со снегом на печь, развернулся было из избы идти, да остановился.

Мирослав стоял у окна. Аккуратно пальцами водил по вышивке, что шторку украшала. Каждый лепесток, каждое соцветие, всё своими ручищами касался. На фоне белой занавески, руки его загорелые, казались грязными, чёрными.

Беяна занавеску расшивала. Для него, для Макара. Лепесток вышивает, улыбается и приговаривает: «Это нам на счастья». Ягодку — «на урожай обильный».

Каждый стежок, каждая веточка на шторке, вот так заговоренная на их семью. А цветочек, что на левой занавеске, тот что синий с желтыми прожилками, решила Беяна на

первенца их вышить.

А сейчас, чужие руки трогали, мяли их добро. И ведь понял Мирослав, как есть понял, чья эта работа. Неужто не видел, работы жены своей, а у каждой мастерицы работы свои, особенные. Понял он, от того и стоит, мнёт, да скалится.

Макар к печи отвернулся. Не приятно ему на Мирослава глядеть, ухмылки его злые видеть.

Мирослав к стене привалился, руки на груди сложил, стоит и взглядом Макара прожигает.

— Какого это, бабу любимую потерять, Макар? Каждую ночь думать, что с другим она нежится? Знаешь, какие она мне речь-то говорит?

Макар даже сплюнул. Сила сидела смирно, но чувствовал Макар, что готова она, одно слово его и вырвется, сминая все на своём пути.

— Не срамно, про бабу свою такие речи вести? Не для чужих ушей то. По что унижаешь её, при мужике чужом? — Макар смотрел на Мирослава в упор, ни на секунду глаз не оторвал.

Мирослав оторвался от стены, на шаг ближе к Макару оказался.

— А при чужом ли? — потом стёр с лица своего улыбку и серьёзно добавил. — Слышал, весной в деревню ты возвращаешься. Правда то?

Макар молчал. Тяжело смотрел и молчал. Слова Мирославу не скажет. Не его это дело, не его.

— Значит, правда, — приняв молчание Макара за согласие, проговорил Мирослав. — Одно скажу, хоть взгляд увижу, хоть малейший интерес увижу... Беда будет, Макар.

— Какой же ты дурак, Мирослав, ей-богу, дурак.

Мирослав весь напрягся, кулаки сжал. А у Макара, только одна мысль успела мелькнуть:

«Господи, как же хочется его ударить».

Вдруг в печном углу брякнуло что-то. Беловук вскинулся весь, шмыгнул меж ними и давай по избе бегать. Вот именно бегать. Мужики стояли и недоуменно, даже как-то испугано следили, как он пробежал к лавке, потом в окошко заглянул, к столу кинулся, под него глянул и опять к окну. Точно ищет что-то. Потом к печи юркнул, там щепок много от дров скопилось. Сел прямо подле них и ломать стал. Сломает щепку — отложит, сломает — отложит.

Макар с Мирославом долго смотрели на мальчика. А тот будто и не бегал вовсе. Щёлк. Шёлк. Спокойно сидит. Делом занят.

— Хороший у тебя сынишка появился, — зло сплюнул Мирослав. — Вот в тятку и поиграешь.

Развернулся и вышел из избы.

Макара не обидели его слова. Ему жалко его стало. Злой, не чистый человек. Мысли дурные в голове держит, от того и поступки и речи поганы.

Макар посмотрел на Беловука, а тот аккуратно щепочку отложил и на Макара взглянул. Вздохнул тяжело, только что головой не покачал, мол:

«Ну, вы мужики, даёте». Встал, отряхнул штаны от щепок и ушёл в печной угол.

Макар даже растерялся, не уж-то, нарочно дурачком прикинулся. Э, да ты не так прост, как кажешься.

Проводили Макар с Беловуком гостей своих, сели напротив друг друга за стол. Сидят-молчат.

У Макара душа в лес рвалась. Всем сердцем он желал с волком встречи. Помнил он взгляд его последний, взгляд полный разочарования и упрёка. До сих пор озноб по коже.

Хотел вновь восстановить те нити доверия, которые между ними были. Хотел веру волка вернуть.

Но не мог Макар сейчас уйти, одного Волчонка оставлять сейчас не правильно было бы. Он и так сидел напротив него, растерянный, испуганный, напряженный весь. Смотрел на Макара затравленно как-то.

Как к нему подступиться Макар не знал. Что сказать? Как вести себя с ним? Может и не надо выискивать особые манки. Может общаться с ним, как с Таиславом. Просто и по — дружески?

Да и вообще, кто сказал, что мальчишка блаженный? Люди могут всякое говорить и предполагать. Чуть отличается от других, так сразу юродивый. Но Макар всем нутром чувствовал, не слабоумный мальчишка. Тут другое что-то было.

— Не проголодался? — спросил Макар, подождал пару мгновений и добавил. — Днём уху доедим, а к вечеру ещё, что-нибудь сварим.

Опять помолчали, сидят друг на друга смотрят.

— Так как ты молчун у меня, то придумать бы нам должно что-то, что бы без языка понимать друг друга. Нам так проще будет прижиться, — немного помолчав, Макар добавил. — Знаешь, что такое азбука Морзе?

Макар хоть и понимал, что мальчишка ему не ответит, но всё равно паузы делал. Смотрел за его реакцией, хоть и лицо Беловука оставлялось бесстрастным, но глаза его были живые, гораздо более разговорчивые, чем их хозяин.

— Ну, положим, я в твоём возрасте, тоже не знал, что это. И это не страшно. Так вот, Беловук, Морзянка- это азбука, где буквы, цифры и даже знаки препинания, закодированы звуковыми сигналами. Точка и тире, — Макар постучал по столу, точно мелодию выбил.

Макар на флоте служил. Закинуло его тогда от родных мест, ох как, далеко. Все новое, все не известное, новые запахи, ощущения. Все это пугало жутко, но и пьянило и восторгало. Никогда он не забудет, когда первый раз увидел море. Он просто стоял и пошевелиться не мог, точно придавила его громадина эта, силище невероятное, красота неопишуемая.

До сих пор, с каким-то трепетом он вспоминал то время.

Макар, конечно, понимал, что азбука Морзе трудна для мальчишки будет. Её быстро не освоишь, но упростить можно. Взять за основу, так сказать.

— Давай, начнём с простого и самого главного. С «да» и «нет». Один, короткий стук, — Макар ударил по столу один раз. — будет на нашем с тобой языке — ДА. А два удара — НЕТ.

Макар внимательно на Беловука смотрел, бил по столу, а глаз с него не спускал.

Повторил ещё раз и настучал ещё раз: тук — «да», тук-тук — «нет»

— Понял? — замер и на Волчонка смотрит, да на руки его, спокойно лежавшие на столе.

Мальчишка не шелохнулся, но во все глаза на Макара смотрел, внимательно, настороженно, даже с подозрением каким-то, точно напротив него полоумный сидит и стучит.

«Ладно, — подумал Макар. — пушай обмозговывает»

— Ещё, Беловук, важно уметь сообщить об опасности или помощь уметь попросить. Это на нашем языке будет три удара. — Макар постучал три раза. Тук-тук-тук. — Бьешь три раза и я понимаю, что помочь тебе надо. Понимаешь?

И опять сидит, ответ ждёт.

Тишина.

Макар не огорчился и заставлять стучать не стал. Уверен был, что дойдёт до него или уже дошло. Кто ж его поймёт пока.

— Если ещё что понадобится, ещё туктуки придумаем, да? — вставая с лавки, бодро сказал Макар. — А теперь дела. Одевайся — снег пойдём чистить, да затопим мыльню. Оба чумазые — страшно смотреть.

Пока снег чистили, Макар ещё одну странность заметил: лопату мальчишка в руках своих, отродясь не держал. Сразу это в глаза бросалось.

Деревенские, в этом возрасте, уже всю по хозяйству помогали, все умели, все могли. А Беловук, точно под колпаком жил что ли.

"Гни деревце пока гнется, учи дитятку, пока слушается."- так Русай всегда говорил.

Все в детстве прививали, с малолетства. Конечно, работу давали по силам, постепенно, с каждым годом, увеличивали нагрузки и обязанности.

Макар с десяти лет отцу помогал боронить поле, а в четырнадцать, так вообще на ровне работал. Нет ничего сверхъестественного, чтобы сын двор почистил, лошадь запряг, скотину пас.

А Беловук, не знает, как к лопате подойти. Ей-богу, странно. Этому и мать может научить.

Понятно, что и охотничьего дела мальчишка тоже не знает. Как день божий, то ясно Макару стало.

Макар, ни громко, ни нарочито, стал под нос себе бубнить, да комментировать, все его действия.

«Ставим лопату на землю, поддеваем снег, прокатывает, пока полная лопата снега не стала и сваливаем снег в сугроб»

Вернётся к началу и опять тоже самое повторит: «Ставим лопату на землю, поддеваем снег, прокатывает, пока полная лопата снега не стала и сваливаем снег в сугроб»

Так, считай, и повторял, пока всю поляну не вычистили. Где-нибудь, да отложится, так рассудил Макар.

Мальчишка устал. Раскраснелся весь, шапку на затылок закинул. Дышит глубоко, полно.

Макар не останавливал его, только в начале сказал, чтоб силы свои рассчитывал. Устал — отдохни. Так нет, упорно мальчишка снег таскал. Без передышки. «Ну и пушай, с денёк поломаешь мышцу, потом легче будет. Это его передышать научит» — так рассудил Макар.

После мыльню затопили.

— Я тут, рядом постою. Подожду тебя. Раздевайся и мыться иди, — сказал Макар, выходя на улицу.

Пушай один раздевается, в мыльню идёт, кто ж его знает, может ещё застеняется. Хотя, что стесняться-то? Всё у всех одинаково.

Макар и вправду боялся его одного оставить в мыльне.

Сначала тихо было. Будто там и нет никого. Макар даже откровенно прислушиваться стал, тишина напрягала. Потом вода заплескалась, звякнул таз. Моется, значит, ну и, Бог ему в помощь.

В таком возрасте Макар с отцом мылся. В деревне до лет пяти мамки своих чад мыли, после строгое ограничение было — мальчиков отцы мыли, матери-девчат.

Макар, предложил Беловуку помощь, но тот весь сжался, потому Макар, пока мыльня прогревалась, просто молчал, не навязывался.

Макар зашёл в раздевальню, на лавку сел, протянул ноги и стал ждать мальчишку.

Тепло было, хорошо. Макар очень париться любил, после мыльни чувствовал себя сильнее, здоровее что ли.

А Русай, вспоминая своё детство, сказывал, что всей семьей вместе завсегда мылись. В субботу натопят мыльню, все туда забьются, малых в угол, на пол посадят, чтоб пар их с ног не сбивал, мать отца намылит, попарит и за деток принимается, потом сама ополоснётся и всё, семья чиста. И так, считай, пока дети из семьи не уходят, так вместе и моются.

Странно это было для Макара, стыд один.

В его семье все мужики мыльню уважали. Русай всегда говорил: «Помылся — будто заново родился!». Он вообще считал мыльню особым, почти священным местом.

«Здесь, — говорил он. — соединяются четыре стихии. Огонь, Вода, Земля и Воздух. Человек вбирает в себя все эти стихии, когда парится. Силу берет, а она не противится, сама в него лезет»

Да, вообще мыльня особое место для всех деревенских. Рожают в ней, перед брачеванием завсегда моются, да парятся, на второй день, после, тоже за правило в мыльню идут.

А ещё она все недуги лечит. Считается даже, что если больному не помогла мыльня, то ему уже ничто не поможет.

В каждой семье под потолком, в сенях, разные веники висят, в некоторых даже травы лечебные прячутся: пижма, мята, Melissa, Иван чай.

У каждой семьи — свои веники. Если веники из крапивы и пихты висят, то кто-то в доме страдает от болей в суставах, спины, да ногах.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Веник рябиновый, да с парой веточек пижмы бодрит. На ночь им нельзя париться, не заснёшь. Так всю ночь бодрствовать будешь, да песни распевать.

А когда в деревне начинается кашель, да насморк, и все, играя в общей кучи, друг друга и заражают, мамки тогда достают черемуховые веники. Только ими в этот период болезненный и парят чад своих, чтоб не заразились и не заболели.

Помнит Макар, как в детстве не нравилось, когда веник по телу гуляет. Всю силу собираешь, чтобы вытерпеть это, зато потом, сидишь на лавке, греешься и воду, в которой запаривался веник черемуховый, пьёшь. Вода эта, пока в ней запаривается веник, много полезностей на себя берет. Русай рассказывал, что раньше веточки черемухи в воде пару часов подержат и водой этой раны промывают. Всю заразу она смывала, затягивались раны без гноя и красноты.

А ещё Макар с детства помнит и любит веник из полыни. Один он в семье его жалует. Редко кто запах этот горьковатый переносит. А Макар любил. После такой мыльни, точно груз с тебя снимают, успокаивает полынь, веру и силу даёт.

В детстве Макар спал плохо. Извёл всех, как спать, так орет, как скаженный. Глаза лупит и ни в одном сна-не видать. Бабка Томила его в мыльне полынью била, и поуспокоился малыш, спать начал.

Дверь тихонько приоткрылась, высунулась светлая, мокрая голова Беловука. Смотрит на

Макара, не моргнёт.

Макар показал на полотно свежее, и на лежавшие аккуратной стопкой чистые вещи.

— Я в избу пойду. Насухо вытрись и оденься полностью. Нараспашку не иди, хоть и охота будет. По себе знаю, что охота будет. — улыбнулся мальчонке и вышел из мыльни.

26

Весь вечер Макар Беловуку рассказывал про себя, про свою семью, истории детские вспоминал. Сам себе удивлялся, не из болтунов он был. Но ему казалось, что эти рассказы, речь человеческая, расслабит что ли мальчишку. Ласковое слово, что весенний день, главное, не торопиться.

Беловук мать потерял. А мама — это весь мир, Макар это точно знал. И понимал, что чувствует сейчас ребёнок этот, не понаслышке понимал.

Весь мир Беловук потерял, заменить Макар мать не хотел, да и не сможет, он другом постарается быть. Всем сердцем этого желал.

Беловук уже на лавке лежал, Макар тоже ко сну готовился.

За окном было тихо, горела керосинка, отбрасывая на стены причудливые тени, приятно потрескивала печь.

Макар посмотрел на мальчишку и улыбнулся.

Вроде, вечер, как вечер. Вроде, все также, как и всегда. Но с ребёнком дом, как-то преобразился, потеплел. Первый раз за долгое время Макару было по — настоящему хорошо и уютно. Даже Сила, свернувшись глубоко внутри, нежилась и наслаждалась.

Ей нравился Беловук.

Макар присел рядом и также как и когда-то мама, тихо, распевно начал сказ:

Сказ про Лешенку

«Жил у нас в деревне мальчонка один. Бранко его звали. Пошел он с матушкой своей в лес. Говорит она ему: «От юбки моей не отрывайся, да в спину мне приговаривай «Бранко здесь, ни куда не исчез», Понял наказ?». Бранко головой кивает, да присказку повторяет.

Ходят они по лесу, почти полная корзинка грибов уже. И вдруг, понимает мать, что уж, как три гриба не слышит присказки сына. Глядь, а он на подоле не болтается. Нет его. Кричала, выла мать. По лесу рыскала, точно медведица, медвежонка своего выискивая, руки белые заламывала, да так в деревню одна и воротилась.

А Бранко — то, всего на секунду ручонку оторвал от мамкиного подола. За костяником потянулся, все три ягодки в рот положил и говорит: «Бранко здесь, ни куда не исчез». Глядь и нет никого.

Испугался, встал, как вкопанный и слушает, ждёт когда мать, аукнет. И слышит, он совсем рядом, будто плачет кто. Он туда рванул, думал мать о нем кручинится. Нет никого. С другой стороны звук услышал, он туда побёг.

Так бегал малец долго.

А в лесу-то хорошо. Пташки поют, солнышко пригревает. Он в тенек-то сел и разморило его. Глазёнки прикрыл и задремал малёха. Так до вечера и почивал, на травке зеленой, пахучей.

А как темнеть стало, глазёнки открыл, да понять не может, где он.

Глядь, на пеньке мохнatom, чуть в сторонке, чудо сидит, спиной к нему повернутое. Маленькое такое, горбатое, с руками сучковатыми.

Во все глаза Бранко на него уставился. По чуду глазами скользит, все понять не может — кто это. Потом только, как по затылку ему кто стукнул, вспомнил сказ мамкин — про

Лешенку.

Она может заплутать человека даже там, где и заблудиться-то не возможно. Изматывает его, мучает, и ждёт когда, обессилит, да от голода и жажды помрет.

И в головке-то его маленькой, одна мысль забила: «Бежать надо. Во что бы то ни стало, спастись надо».

Встать хотел, а ножки его не идут. Руками за дерево цепляется, а руки-то его, точно прутьи свисают. Крикнуть хотел — ни звука из уст его не вышло. Лежит, точно матрешка безвольная. Только глаза пучит, да сердечушко бешено бьется.

Вдруг слышит — шлёп. То Лешенка со своего трона спрыгнула и давай вокруг мальчика круги наворачивать. Ходит и приговаривает: «Бранко здесь, ни куда не исчез. Мяско его неженко, полакомится Лешенка».

В это время вся деревня у молельного дома собралась. Мать, точно мертвяк стоит, вся жизнь из неё ушла. Отец рядом, под стать жене, качается.

Вот староста и слово держит: «Знамо, кто мальчонку уволок — Лешенка. Она баба вредная, своего не отдаст, хоть задабривай её, хоть худом пужай. Мы к лешему пойдём. Только он помочь сможет, от козней жены своей избавить».

Взял староста блюдо, поставил на него плоску мёда, да три ржаные лепешки рядом кинул. Сам в лес пошёл, один. Баб, леший любит, их с собой страшно брать. Мужиков взять, так подумает, с войной на него идут. Рассудил староста, что одному лучше идти.

Дошёл до опушки, двадцать шагов вглубь леса отсчитал и остановился.

На все четыре стороны поклонился. Поставил поднос и говорит: «Всегда мы ладно жили. С уважением к тебе, да к лесу живем. Нежданно, негаданно беда у нас приключилась. Жена твоя — Лешенка, с мальчонкой нашим заигралась. Слезно просим, Бранко вернуть. Медку тебе, да лепёшек принёс. Пожуй — подумай о беде нашей и о просьбе».

Леший никогда человеку специально не вредит, он скорее шутит. Только шутки его злые, да грубые завсегда выходят. Но если к нему с душой-то открытой придешь, то и послушать может и просьбу выполнить. На то и надеялся старость.

Поклонился опять на четыре стороны и спинкой из леса потопал. Двадцать шагов отсчитал, глядь, а опушки-то и не видать. Так три раза по двадцать считал, да все поклоны бил. Шутит леший, это хорошо.

На опушки ночь просидели: староста, мать и отец Бранки. Глаз никто не сомкнул, ни водички, ни крошечки в рот не положили. Только во все глаза в лес всматривались.

Первый лучик их уже коснулся, а весточки из леса нет.

Темно в лесу, там ещё зорька-то не загостилась. Потом глядь, а промеж деревьев, далеко-далеко, будто огонёк мелькнул. Дернулась было мать, а староста её придержал: «Не про нас огонёк, сиди мать».

Через пару вздохов ещё мелькнуло, точно ближе искорка подбирается.

Тут уж отец не выдержал, на ноги вскочил. Староста тоже встал, да тоже и ему нашептал. Мол рано ещё. Терпи.

А когда уже за ближайшими сосенками замаячило, тут уж и время пришло человеку в лес зайти.

Зашёл староста в лес один, а вышел с драгоценной поклажей.

Бранко без чувств был. Лежит, ручка, как занавеска на ветру колышется. Бледный как полотно. Холодный, как ледышка. Староста его на руки отцу передал, перекрестил семью и в деревню отправил. А сам остался.

В лес боле не заходил. До рассвета в нем полно всякой нечисти. Он с опушки лешему благодарность отдал. Руку к сердцу приложил, поклон совершил, да в деревню ушёл.

А лес притих на мгновение. Даже ветер в ветвях замер. Ни шороха, ни шелеста, ни хруста.

Сотни глаз, в это время, на опушку глядело. Редко человек божий нечисти кланялся.

— На том конец моему сказу, — сказал Макар и к печи пошёл, дров на ночь подложить.

Мельком на мальчонку взглянул и остановился.

Беловук скукожился весь, глаза, свои медовые, выпучил и на Макара смотрит. И столько восторга, ужаса во взгляде этом, что у Макара даже мелькнуло: «Испужался, что ли?». Потом отбросил эту мысль. Глупости какие. Мамки детям своим с малолетства сказки-то про нечисть сказывают. Это почитай первое учение. Ещё малец и говорить-то толком не может, и ходить только пытается, а мать уже сказки наговаривает.

Каждому возрасту свой сказ. Не для страшилок ради, не для испуга, для благо и понимания законов жизни, те сказы. В лесу от матери не отходить, болота стороной держать, в бани одному, при жаркой печи, запрещалось малому чаду находиться, в избе свои законы и правила. Всё это через Лешенок, Шишиг, Банников, Домовых и прочей нечисти ребёнку в голову вкладывали.

Так, не уж-то, мать Беловука, ему сказки эти не сказывала? Ведь работа это её, первостепенная работа, чадо своё обучить. Может и взаправду блаженной была?

То что мужское дело, Волчонок его не знает, он уже понял. Сам его обучит. Все что знает, все что с возрастом своим приобрёл, всё мальчику в голову вложит. Да и сказки бабские ему расскажет, непереломится.

— Не хотел напугать тебя, Волчонок, для другого сказ вёл, — присаживаясь рядом с мальчиком, начал Макар. — Верить или нет в нечисть разную — твоё дело. Порой люди, придумывают что-нибудь, от того, что объяснить многое не могут. А если, не дай Бог, дитё в лесу заплутало или в болоте утопло, человеку легче в этом нечисть обвинить, нежели на себя такой грех весить, что не усмотрел, не уберёг. Понимаешь, о чем говорю, Беловук?

Мальчик внимательно слушал Макара. На лице его живом, все прочитывать можно было. Понимал он Макара. Понимал.

— Ты в лесу сейчас живешь, Беловук. Лес дарит жизнь, но он может жизнь эту и забрать. Определенные правила Лес накладывает на своих жителей. На первое время приклеиться должен ко мне. Ни на шаг не отходить. Я иду-ты идёшь. Я остановился-ты, как вкопанный встал, — Макар внимательно на Беловука посмотрел. — Ну, будет, спать пора.

Макар потушил керосинку, лёг на лавку, поворочался и тихо, шепнул в темноту.

— У меня есть друг, Волчонок. Особенный друг. Долго мы с тобой жить будет, от знакомства не уйти. Но об этом после, мальчик, после. Бог с тобой, спи.

Макар отвернулся к стене и закрыл глаза. Пока засыпал, всё взгляд на себе чувствовал Беловука. Много Макар пищи ему сегодня для ума дал, пуцай думает, отоспаться всегда успеет.

Было б заложено, будет и рожено.

27

Макар проснулся рано.

За окном, в утренних сумерках тихо выводили, только им ведомый танец, снежинки. Крупные, чётко вычерченные края их были острые, идеально правильные, точно ребёнок каждую на бумаге вывел.

Их дивная легкость, и мысли Макара увлекла в этот головокружительный танец, от того думы его летели так же легко и плавно.

Сильно изменилась его жизнь. Встреча с Русаем, обретение Силы, Беловук.

Макар посмотрел на всё ещё спящего мальчишку и улыбнулся. Даже если бы не было про седого волчонка в строках песни Русая, он бы с радостью приютил мальчишку и так.

Вот ведь, бабка Вецена, и здесь права оказалась. «С радостью его заграбастает» — так она сказала старосте. И как никогда оказалась права.

Макар понимал, почему она старосту к нему отправила.

Стар уже староста, а против бабки Вецены не пошёл, в такую даль побрел. И не зря. Макар уважал старосту, и доверял. Редко против него шёл, считай только один раз послушался, когда с Беляевой к мирским врачам ходили.

Слово старосты имело большой вес, и если бы Макар воспротивился мальчишке, то достаточно было надавить, привести веские аргументы и Макар бы сдался.

Немира, тоже понятно зачем Вецена отправила в лес к Макару. Только откуда ведомо бабке о Силе, о способностях его, если Макар сам не знал, что не только деревья врачевать может.

Всем сердце желал он Немиру здоровья. И надеялся, что одной ночи будет достаточно для выздоровления, а если нет, то тело его, теперь окрепшее, само хворь вытравит, освободит хозяина.

С Мирославом было сложнее. Но чувствовал Макар, что не для раздражения ради в лес он попал. Сила дана Макару огромная и он должен уметь с ней жить и владеть ею. Контролировать и сдерживать — вот главное дело его сейчас. Одному в лесу хорошо, а как в деревню попадёт. Что тогда? На каждый раздражитель Силу свою выпускать будет? Нет, тут Вецена тоже все правильно просчитала, или нашептал кто, то одной ей ведомо.

Макар слух свой напруг.

Тишина... нет волка поблизости. Аккуратно Силу выпустил, вложил в неё зов для Русая. Волк его должен почувствовать, даже на очень большом расстоянии.

Прошла неделя.

Неделя, как Беловук у Макара жить стал.

Неделя, как Макар не видел и не чувствовал вожака.

Каждое утро зов свой отправлял в лес и ждал. Слушал, но ощущал тишину. Волка не было рядом. Волк не отзывался.

Понимал Макар, что пока сам волк не придёт, пока сам не решит показаться, не найдёт он его, хоть зазовись.

28

Эту первую неделю, Макар Беловука каждый день в лес водил. Пусть привыкает мальчишка.

Рассказывал ему про всё, что за деревья, что за кустарники их окружают. Про каждый след и хозяина этого следа рассказывал.

Волчонок слушал внимательно. Кое-что первый раз слышал, это Макар сразу улавливал, кое о чем уже знал.

— Видеть и читать следы, каждый охотник должен отлично. Все должен примечать и поломанную ветку, и остатки еды, и царапины на коре. Вот, например, смотри.

Макар указал на следы, их прямая дорожка, отчетливо виднелась на снегу.

— Представляешь, я когда-то не мог отличить след лисицы или волка от собаки, —

Макар засмеялся. Вспомнил то время, когда все следы для него были одинаковы. — Мне нравилось изучать следы. Отец интересно рассказывал, с историями, с байками охотничьими. Я и сам много экспериментировал. Каждый день след Ярика, собаки нашей, сравнивал. Он по снегу идёт, а я наблюдаю, как след его меняется через час, через сутки. Плотность и форму, все примечаю. Это, Волчонок, для того, чтобы безошибочно знать какое время назад по тропе зверь прошёл.

Макар присел на корточки, аккуратно прощупал след. Потянул вниз мальчишку.

— Потрогай след и поверхность снега рядом.

Беловук сначала на Макара внимательно посмотрел, точно боясь какого-то подвоха, а потом осторожно сделал, как просил Макар.

— Чувствуешь? След практически не отличается от остального снега. Это говорит, что зверь прошёл здесь недавно. Часа два назад, не больше. А вот если бы след уже затвердел и покрылся корочкой, то это старый след и животное уже ушло далеко. А ещё, — Макар взял, рядом валявшейся тонкую палочку и разделил след. — Видишь? След легко разделился, значит свежий. Как думаешь, кто здесь прошёл?

Беловук не отрываясь смотрел на следы. Молчал, но видно было, что думал, гадал мальчишка в уме-то.

— Это лиса. Смотри, Беловук, подушечки двух передних пальцев немного выдвинуты вперед, а отпечатки двух крайних пальцев находятся позади них, обхватывая коготками их по бокам. Запоминай. Смотри и запоминай.

Макар пошёл дальше. Он много рассказать может, очень много. Иногда даже боялся, что излишне болтлив. А с другой стороны, не праздно же речи ведёт. Больше расскажет — больше в голову Беловуку войдёт.

— Её ступня густо покрыта длинной шерстью, от того она ходит точно в валенках. Лиса никогда не ранит лапы, даже на жесткой кромке наста. Собака, по такому насту кровяные следы оставит, лиса — нет. В сентябре только для лисы любой шаг — это боль. Точно по иголкам ходит в сентябре-то. Линяют у неё волосы на подошвах, от того и босая. Любая собака её догнать может.

Беловук тревожно на Макара смотрел. Столько жалости было во взгляде, что Макар напрягся даже. Как Таислав его, жалеет животину. Немного позже охотиться с собой возьмёт мальчишку, вот там и проверит свою догадку. Уверен был Макар, что Беловук никогда на охоте не был, не видел, как мяско к нему на стол попадает.

Волчонок впереди шёл, а Макар за ним держался. К избе дорогу держали. Будет, на сегодня прогулок, ведра возьмут и на ручей за водой.

Беловук резко остановился и присел, рассматривает что-то.

Макар подошёл и тоже замер.

На тропе виднелась ровная цепочка следов. Одного взгляда было достаточно для Макара, что бы понять, кто шёл по тропе.

Это волк. Его волк. Он следы оставил.

Как же Макар не почувствовал его? Разве могло быть такое.

Как-то легко, радостно на душе стало. Значит, не зря каждый день зов отправляет. Волк его слышит, волк его чувствует.

Макар до дома шёл и улыбался. И солнышко ярче засветило, и ветерок игриво обдувал лицо.

Когда к куче наваленного снега подошли, того что после чистки поляны остался, Макар

развернулся и толкнул Беловук в него, да сверху ещё и припорошил малёха. Засмеялся Макар. Так всегда Русай с ним играл.

Только быстро улыбка с уст его пропала.

Беловук, свернулся в калач, руками голову прикрыл. Лежит и не шелохнётся.

Макар растерялся даже. Поиграть хотел, как со всеми детьми на деревне у них играют, а тут выходит, испугал мальчишку.

Макар поднял Волчонка, от снега отряхнул.

— Это игра, Беловук. Я тебя в снег толкаю, после, если ловкости и сил хвалит, ты меня завалить должен, да снежком припорошить. Ничего здесь страшного и большого нет. Это всего лишь игра.

Макар подтолкнул мальчишку вперёд. Да уж, не прост малец, не прост.

29

Утро выдалось яркое и тёплое.

Весна уже чувствовалась в каждом вздохе природы. Она приходит каждый раз по-разному, но не спутаешь её с простым потеплением. Запах другой, пение птиц другое — весенние, радостные.

Макар в мыльне был, когда услышал звук, инородный, не лесу принадлежащий.

Точно стучит кто-то.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Макар замер на секунду, слух напряг. Точно — стучат, дребезжит всё, как по стеклу барабанят.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Макара, как молния прошибла:

«Три удара! Беловук! Помощь!»

Сшибая все на своём пути, Макар кинулся из мыльни.

Пару шагов только сделал и остановился, точно в стену невидимую упёрся.

Посередине поляны стоял волк.

На солнце шерсть его играла серебряными бликами. Снег искрится серебром и волк, красоте этой не уступает. Макар всего на мгновение замер, залюбовался картиной этой.

И ведь не почувствовал жожака, даже Сила на него не среагировала. Разве может быть такое?

Волк на Макара даже не взглянул, все его внимание было приковано к мальчику. Волк смотрел на него внимательно, изучающе, склонив морду на бок.

А Беловук, прижавшись всем телом к избе, замер у окна.

Лицо его напоминало сейчас Макару маску ужаса. Точно статуя стоит, казалось, он даже не дышал, и только тоненькая, белая ладошка, бешено билась по стеклу.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

У Макара сжалось все внутри, тихо подошёл к Беловуку. Аккуратно присел, чтобы на одном уровне с ним быть, чтобы взгляд его поймать и заговорил, спокойно и твёрдо.

— Все хорошо, Волчонок. В избу иди, я через минуту приду. Помнишь уговор наш? Я иду — ты идёшь, я стою — ты стоишь, я говорю — ты делаешь. Просто верь мне, парень. Иди.

Макар встал и открыл Беловуку дверь. Мальчик, на негнущихся ногах, медленно зашел в дом.

Макар прикрыл за ним дверь и повернулся к волку.

Какое-то время они смотрели друг на друга. А потом не сговариваясь, точно по отмашке, сделали шаг друг к другу.

Макар улыбнулся.

Иногда один шаг на встречу, заменяет тысячу слов.

Человек подошёл к волку, сел на колени подле него и посмотрел в жёлтые глаза. На этом расстоянии они были огромные, как два горящих солнца. Они и грели, как солнце.

— Мальчик — это «Волчонок седой». - тихо, сказал Макар. — Зазвучала твоя песня, Русай, зазвучала.

Волк аккуратно уткнулся в ладонь Макара. Как в первую их встречу, потерялся мокрым носом, лизнул. Язык шершавый, тёплый, легонько прошёлся от кончиков пальцев до запястья.

У Макара по всему телу мурашки разбежались.

Мир между ними. И это было самое главное для Макара. Всем сердцем этого желал и ждал, казалось, бесконечно долго ждал.

Волк посмотрел поперёк плеча Макара.

Макар обернулся и увидел в окне Беловука. Он точно прилип к стеклу, во все глаза смотрел на то, что происходило сейчас на поляне. Бледный, испуганный, непонимающий.

Волк ткнул Макара в живот, мол иди, и пошёл в лес.

Макар не шевелился, пока волк не скрылся из виду.

Лицо обдувал легкий ветерок, он приносил с собой запахи леса, запахи скорой весны, запах спокойствия.

Макар подставил ветру лицо. Дышал глубоко, свободно. Было так хорошо на душе.

Вроде и без зубов совесть, а ведь изгрызла.

Макар зашёл в избу, плотно прикрывая за собой дверь. Раздевшись, сел на лавку у окна, рядом с мальчиком.

— Есть люди, Беловук, которые во время опасности — замирают. Мысли у них останавливаются, руки-ноги ватными становятся. Все у них внутри замирает, вся жизнь останавливается. И есть другие. От страха кровь у них стынет, всё нутро выворачивает, но они действуют. И я бесконечно доволен, Волчонок, что ты не из тех кто замирает. Сил в себе нашёл об опасности предупредить и на помощь позвать. Ты молодец, Беловук!

Макар запустил руки в волосы свои, взлохматил их. В окно взглянул.

— Помнишь, говорил тебе, что друг у меня особенный есть. Так ты свиделся с ним сегодня, Беловук. Волк этот и есть мой друг. Многого объяснить тебе не смогу, от того, что сам не всё знаю и понимаю. Но одно ведаю, и хочу чтобы ты услышал и поверил мне на слово. Волка этого зовут Русай. Это Род мой. Кровь моя. Оттого, сам понимаешь, все для него сделаю, как себе ему доверяю и люблю его отчаянно. И он всем сердцем ко мне прилипший. Особенный это волк, и я особенный. Я, Волчонок, пока честно до конца не ведаю всего, но, думаю, мы — Хранители этого леса. Как Чомор. Знаешь, кто такой Чомор?

Мальчик молчал.

Макар смотрел на него внимательно. Все думая, не глупит ли он, рассказывая все мальчишке. Хотя, что таится, если и сам всё он видел и ещё много чего увидит. Чем в неведение его держать, да придумывать разные небылицы, лучше все честно рассказать. Честность всего дороже.

Сказ про Чомора

— Давно это было. В ту пору звери и птицы говорили ещё на одном языке, люди умели

понимать их, а звёзды, видевшие те события, поседели от времени.

Каждый год по весне, как только сходил снег, на лес опускался Туман. Ровно семь дней и семь ночей он окутывал лес своими молочными руками.

Никто из деревенских к лесу близко не подходил. Были глупцы, кто осмеливался войти в Туман, но после их и не видывал ни кто. Имена их стирались из людской памяти, даже шепотом не смели упоминать тех, кто посмел потревожить Туман.

Семь дней и семь ночей Туман лечил и восстанавливал лес. Каждое деревце, каждый листочек, веточку, кустик и травинку. Каждую животину лесную, каждую птицу, букашку и рыбину речную. Во всё вдыхал жизнь, во всё вдыхал мудрость и Силу свою.

На восьмой день Туман исчезал.

На большой поляне, что на опушке леса лежала, зеленела новая, изумрудная трава. На деревьях набухали почки. В лучах утреннего, весеннего солнца всё точно сверкало, казалось чистым, свежим, обновлённым.

Аккурат под вечер, на поляне этой собиралась вся деревня.

Разжигали три больших костра.

Длинной вереницей выстраивались люди к кострам этим.

Мужики и бабы, старики и дети. Все! Даже кого уже ноги не держали, даже кто ещё на этих ногах сам ходить не научился. Все были на поляне!

В руках у каждого по три куколки соломенной. Для каждого костра — куколка.

Подходил человек к кострам, и обет держал.

«Лес-это дом мой.

Подобно тому, как дом свой обегаю от грязи внешней и внутренней, так и обещаю, лес оберегать и сохранять.

Лишнего не возьму,

Забавы ради не убью,

Не разорю и не сломаю.

Серебро не убиваю»

Нашепчет, куколок по трём кострам разбросает и в сторону отходит.

Медленно продвигалась вереница людская. Никто никого не торопил.

Важен был обет! Каждый год его шептали Туману и свято соблюдали.

После костры тушили.

Три кучки пепла, все что оставалось от больших, высоких костров.

И опять выстраивалась вереница. Только уже не одна, три их было.

Первый костёр зажигался для Рыбаков.

Второй для охотников.

Третий для собирателей ягод, грибов, трав.

И вот, когда гасли костры, каждый человек выбирал, к какому кострищу подойти.

Подходя, брали люди по горсточке пепла, да в мешочек ссыпали. Мешочек этот весь год пуще всего берегли.

Точно договор подписанный с Туманом, тот мешочек был.

По темноте вся деревня возвращалась в дома свои.

И так продолжалось из года в год, из вечности в вечность.

Охотились, рыбачили и собирали с чистым сердцем, с нерушимым обетом.

Но наступил год, когда всё изменилось.

Ровно через неделю Туман вернулся.

Вся деревня стояла на поляне, всматриваясь в темные, пепельные всполохи Тумана. Стояла мертвая тишина, люди, казалось, оцепенели от страха и ужаса.

Никогда такого не было. Никогда Туман не появлялся два раза в году. Никогда он не был таким темным.

Деревня, точно застыла, тишина стояла страшная, люди боялись.

Только на четырёх дворах голосили бабы, за одну ночь ставшие вдовами. Мужья их в лесу были, когда вернулся Туман.

На третий день староста всех в молельный дом зазвал.

Всегда шумно было на собраниях общих. Все могли высказаться, все равны были, каждый слово держал. Но теперь молчали люди. Смотрели на лес и молчали.

С пригорка, на котором молельный дом стоял, как на ладони открывался лес, поляна большая, река. И всё это было укутано Туманом, густым, неестественно темным, мрачным и угрожающим Туманом.

— Не буду обманывать вас, не знаю я что происходит. Ни в одном временнике не нашёл ни чего похожего. Не было никогда такого. Первые мы события такие переживаем. И, надеюсь, переживем. Одно знаю, не просто Туман вернулся. Случилось что-то в лесу, чувствую не хорошее случилось. Кто так напакостил, лучше пусть сам сейчас выйдет, да покается.

Староста замолчал. Медленно взгляд свой по толпе вёл. Внимательно всматривался в такие родные, любимые лица и не верил, всем сердцем не верил, что кто-то так согрешить мог. Так Туман, да лес обидеть.

— Я на поляну пойду. Замаливать перед Туманом грехи. Кто силы в себе имеет, со мной пусть идёт.

Целый день, до вечера позднего больше половины деревни, на коленях стояло на поляне большой.

Но не были они услышаны.

Не ушёл Туман, казалось, ещё гуще и темнее только стал.

Через пять дней, люди стали роптать. Лес, река — кормильцы людские. Не выжить без них-то, не выжить.

А на следующий день пришла беда, которой и не ждали.

По деревне бежал человек. Он кричал, руками размахивал, точно полоумный. Люди высыпали из дворов своих, как горох рассыпанный. За человеком хлынула лавина людская.

Вновь вся деревня на поляне собралась. И страшное увидели они.

Все деревья в лесу чахнуть стали. Почки набухшие, листочки новорожденные почернели. Срывались они с сухих, ломких веток и в Туман падали. А Туман точно сажа. Жуткий, опасный.

В глубине леса скрип, треск, хруст — точно деревья ломают, выкорчёвывают.

В глубине леса визг, рёв, вой — точно все звери лесные от ужаса враз пасти свои раскрыли.

Гул этот нарастал, а народ, от ужаса парализованный стоит, шелохнуться боится.

А потом птицы падать с небес стали. Замертво падать.

Вороны, рябчики, утки, воробьи. В самую гущу людскую упал большой глухарь.

Он-то и выдернул людей из кошмара этого. Не разбирая дороги, бросились люди от леса. Как от чумы бежали. Кто-то в этой истерике падал, но уже не мог подняться, десятки ног топтали его, спасаясь сами. Дети орали, бабы визжали, мужики, отродясь рот свой не

поганившие, ругались сейчас чёрным матом.

А потом резко, как по указке кого, остановились. Все. Разом остановились.

В нос ударил сильный запах сырости и гнили. Не выносимый запах тухлятины не давал сделать большого, глубокого вдоха.

Река, которая течение имела быстрое, легкое, теперь аккурат в болото превратилось. Вода стоячая, вонючая.

На поверхности воды, среди тины, кверху животами плавали рыбы.

До самой ночи, люди черпали, ещё свежую, пригодную для питья воду из колодцев. Заполняли ей всё, каждую плошку, каждую посудину.

К утру и колодезная вода прогнила.

Многие мужики, посадив всю семью свою на повозки, уходили в соседние деревни. Но все возвращались.

Не принимали их в другие поселения. Люди суеверны, от этого и жестоки. Как от болезных сторонились, на верную смерть их обрекая.

Потянулись долгие, темные дни.

На каждом дворе наглухо зарыты ворота и ставни. Никто не выходил дальше ограды своей, боялись громко жить, громко говорить, громко дышать, словно это могло ещё больше беды накликасть.

Рано утром, только светать стало, на улицу выскользнула тень. В утренней, сонной тишине, скрип ворот, казался, оглушительным, но он был не услышан и это радовало человека, быстро идущего к молельному дому. Он зашёл на пригорок, не оглядываясь на деревню, на лес, на Туман, человек зашёл в дом и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Долго человек со старостой беседу вёл, да ведать, добрый разговор был, сам староста вышел, проводить человека.

— Иди домой, Чемир! Встретимся на поляне, — обнимая человека, сказал староста.

Староста собрал всю деревню на поляне, когда солнце уже было высоко.

Он всматривался в серые, обреченные лица, а они всматривались в него.

— Нет прощения мне. Виноват я перед вами. Не смог защитить и уберечь. Ведать, мало во мне силы и веры, но есть человек, который нашёл в себе все то, чего мне не хватает. Есть человек, который ради деревни всей решил себя положить.

Староста впился глазами в толпу людскую, и столько надежды было в этом взгляде, столько не поддельного восхищения.

— Подойди ко мне, Чемир. Пусть все видят героя. Пусть все видят спасителя нашего.

Из толпы вышел мужчина.

Молодой, красивый. Чемир был высокий, считай выше всех в деревне был. Хороший охотник, добрый человек.

Много невест мечтали о такой муже, но выбрал он себе одну и подарила она ему сына. Два года мальчишки было, такой же чёрный, кудрявый, как и отец.

Чемир повернулся к людям. Глаза от травы чёрной, да жухлой не поднимал. Губу нижнюю закусил, так и стоял молча. И все вокруг молчали. Понимали, что не легко Чемиру слово своё последнее держать. Ждали все. Долго ждали.

— Если сказать, что не боюсь я, то ложью это будет. А сказать — так вроде мужику это и говорить-то не по чину. Но одно знаю и уверен в этом всем сердцем. Туман примет меня и исправить все это, — Чемир обвёл рукой лес мертвый. — смогу! Простите меня.

Чемир резко развернулся и пошёл к лесу.

Жена его не была удивлена, был разговор между ними, было прощание.

Она крепко прижимала к себе чадо своё черноголовое, а по щекам катились крупные слёзы.

Чемир остановился. Весь вытянутый точно струна, пальцы крепко в кулаки сжаты. Он был напряжен и серьёзен.

Туман клубился аккурат у ног его. Совсем рядом, шаг — и он полностью поглотит человека.

Чемир сделал глубокий вдох и сделал шаг вперёд.

Над поляной пронёсся вздох, толи ужаса, толи восхищения. Люди во все глаза смотрели на Туман, который не поглотил Чемира, не обернул его своими чёрными, опасными щупальцами.

Туман, точно тропинку для человека сделал, разошёлся в стороны, приглашая и принимая его в свои владения.

Чемир на секунду замер, а потом уже не сомневаясь, пошёл вглубь леса, по тропе туманной.

Люди, затаив дыхание, с ужасом и трепетом смотрели, как аккуратно замкнулась муть смоляная за родным им человеком. Одни видели, как рос Чемир, другие росли вместе с ним. Нет чужаков в деревне, все друг друга знают, все близки, а иначе не прожить, а иначе не выжить.

Весь день деревня с поляны не уходила. Тут же костры жгли, варево себе готовя, тут же детей укладывали.

С надеждой и мольбой в Туман вглядывались. Ждали. Верили.

А потом над поляной раздался звонкий детский голос:

— Тятка! Туман оживает!

Все головы, по команде этой детской, повернулись к лесу. Истину уста детские вещали.

Заволновался Туман, точно ветер его колыхал, закручивал. Мгновение назад ещё чёрная, непроглядная Марь серой стала, затем дымчатой, молочной, ясно-белой, точно старец седовласый.

Яркий свет озарил, уже медленно погружающуюся в сумерки, поляну.

Звонкое, блестяще-белое серебро разлилось над лесом. Неимоверно, завораживающе прекрасно.

Никто с места не сдвинулся. Все, как зачарованные стояли и на великолепие это смотрели.

После вспышки серебряной, Туман исчез.

И началось, то что никто после объяснить или пересказать не мог.

Деревья наливались соком. Стволы их приобретали естественный, живой, здоровый цвет. Ветви из стволов этих вырастали, из веток — почки, из почек — резные, изумрудные листья. Трава зеленела, стебли из неё поднимались с набухшими, готовыми распуститься бутонами.

Всё это происходило быстро, на какой-то неестественной, не виданной скорости.

Мгновение! И вот люди уже слышат такой родной, такой драгоценный шум реки. Живет, плещется вода чистая. Вновь бежит, торопится река. Не остановить её, не удержать.

Люди не успевали следить за изменениями этими быстрыми. На одно залюбуются, а рядом уже мухоловка-пеструшка заливается. Птицей заслушаются, да пышное цветение боярышника пропустят.

Когда преобразилось всё вокруг. Когда всё стало так, как и должно было быть, вперёд вышел староста.

Он выглядел растерянным, взъерошенным, пару раз пытался слово из себя выжать, да только руки и разводил в разные стороны, а потом, руки эти, безвольно вниз падали, ударяя старосту по ногам. Так и стоял, да пыжился.

На помощь ему дед столетний вышел, самый старей в деревне.

— Понимаем смятение твоё, понимаем. Мы тоже такое не видывали. Бог даст, никогда больше и не увидим. Но все! Все кто свидетелем сего Чуда стал, запомнить это должен. Должен жить в памяти людской сказ про Туман! Сказ про Чемира.

— Че-мир! — по слогам вторил ему староста. — друг мира, значит. Не зря ведать человеку имя даётся, не зря. Но то живое, человеческой имя.

Староста замер на мгновение и лицо его озарилось.

— Прав ты, дед. Должен жить в памяти людской сказ про Туман! Сказ про спасителя нашего. Но не Чемиром, отныне звать его будем. Чомор — он теперь. Чомор — тот, кого принял Туман!

Так и идут теперь по лесу вместе Чомор и Туман. Хранители леса, Хранители древней мудрости и Силы. Не раз в году лечат и восстанавливают все живое. Каждый день трудятся, каждую минуту на чеку.

Спроси любого человека, всякий хоть раз, но видел дела Чомора.

То там, то здесь Туман появляется. Стороной его обходят, не тревожат.

Лес-это дом мой.

Подобно тому, как дом свой обегаю от грязи внешней и внутренней, так и обещаю, лес оберегать и сохранять.

Лишнего не возьму,

Забавы ради не убью,

Не разорю и не сломаю.

Серебро не убиваю.

Макар замолчал. Внимательно на Беловука посмотрел.

— Таков сказ про Чомора, Волчонок. Туман-это Сила его. Во мне тоже есть Сила, ести Туман. Врачевать и помогать могу всему живому. Получается, Чомор не такая уж и выдумка. Получается, не все сказки ложь.

Макар опустил глаза, точно готовясь сказать, что-то не приятное, но потом словно передумал. Прямо на Беловука посмотрел и добавил.

— Не буду унижать тебя, прося сохранить всё это в тайне. Ты всё понимаешь, Беловук. И я рад, что ещё одна душа знает тайну мою. Легче мне. Понимаешь, о чем говорю, Волчонок?

Беловук не моргая смотрел на Макара. Он крепко сжал губы, задышал часто, глубоко и не отрывая взгляда, уверенно и громко ударил один раз по подоконнику.

30

Весна в этом году выдалась тёплая, пригожая.

На душе у Макара было спокойно, мягко и приветливо, может от того и все вокруг казалось таким же.

Снег медленно, но верно сходил, обнажая ещё голую, промерзшую землю. Хрустальная капель весело отзывалась в сердце долгожданной музыкой весны. Все оживало, все просыпалось.

Отныне, куда бы не пошёл Макар с волком, завсегда Беловук идёт рядом. Чтобы не делали они, мальчишка точно приклеенный.

Волк бережно к мальчику относился. То уткнётся ему в живот, то потрется, точно ласкает, тепло даря. Беловук допускал волка на такие близкие расстояния. Не сразу, конечно, но привык быстро. А Макару пока приковаться к себя не позволял. Весь напрягался сразу. Макар и не лез к нему, будет время привыкнет, допустит и его к себе.

В конце апреля волк передал Макару ещё Силы.

Макар перед этим Беловуку всё рассказал. Главное, хотел предупредить, что тяжело будет мальчишки. Один он останется.

Макар, в дни приема Силы, лежал на лавке не в силах ни встать сам, ни слова молвить. Все тело точно набухало, тяжелело. Всегда неудержимо клонило в сон. Хотелось просто закрыть глаза и спать.

Но раньше он был один и беспомощность эта не доставляла ему неудобств, сейчас же все мысли были только о Беловуке.

Макар наварил еды на пару дней, дров впрок натаскал. Не умолкая всё говорил-говорил, пшибко переживал за мальчишку. Он хоть и смышлённый, но совсем не приучен ни к чему.

Макар лежал в киселе, в облепиховом киселе. Цвет был ярко-оранжевый, он слепил глаза. Макар жмурился и смеялся.

Над его лицом всплыло лицо матери. Она улыбалась ему.

— Любимой мой! Желанный! Самый лучший, — нежно наговаривала мать.

— Не балуй. Такого мальчику не говорят, — Откуда-то из далека, доносился голос отца.

— Разве от этого балуются дети! Я ему этим силу даю.

Мама пропала и на её место пришёл отец. Он долго разглядывал Макара. Лицо его трогал. Брови, глаза, нос всё своим пальцем гладил, точно красками разрисовывал.

— Жизнь моя! Радость моя! — шептал отец.

Макар блаженствовал. Ему было так спокойно, надежно. Будто разом все проблемы ушли, не волновало ничего, не думалось ни о чем. Сплошное, безграничное счастье, оранжевое счастье.

— Будет дрыхнуть-то, Макарушка. Открывай глаза, да уши наостри. Важное говорить буду.

Макар слегка приоткрыл глаза. Над ним склонилась бабка Вецена.

Как встретишь Бера, мёд едящего, забери клык его. Сделай мальчику своему оберег, аккурат на шею повесь и пусть носит не снимая. Надевая оберег, шепни три слова: «Война, охота, сила». Да объясни опосля ребёнку: «Война внутри тебя, добро и зло борются. Чистый источник запоганили, но должен он очиститься». Про охоту, так скажешь: «На охоте есть жертва и охотник. Не жертва ты, горе твоё кровью очистили». А про силу так молви: «Сила твоя в этом клыке, как рассыпется он, так и силу обретёшь, а с ней и спокойствие придет». А как рассыпется он, Макар, то и волчонка седого спасёшь. Завершишь песню-то. А тепер вставай, младенчик кисельный.

После слов этих, Макар вниз ухнул. Тело чувствовать своё стал, запахи изменились, темно стало.

Глаза открыть пытался, да точно склеенные они оказались, не разодрать. А потом рука чья-то под шею нырнула и холод к губам приник. Потекла влага тёплая, желанная, с кислинкой облепиховой.

Макар пил жадно, долго.

Глаза приоткрыл. Совсем рядом лицо Беловука маячит. Сосредоточенное, серьезное. Губы Макару утёр и рядом сел.

Макар приподнялся, на стену облокотился.

В избе темно было, на столе только свеча горела. Керосинку Беловук никогда не зажигал, свечи больше жаловал.

На столе, около свечи, уголёк лежит и аккуратно четыре чёрточки выведенные рядом.

— Это ты дни считал? — каким-то чужим, скрипучим голосом спросил Макар.

Мальчик голову опустил, на руки свои чёрные, чумазные смотрит. Макар улыбнулся, много сказать хотел, да только скрежет и выходил.

Из глубины избы, в свет вышел волк. Макар его сразу почувствовал, как только очнулся, но не ожидал, что в избе он. Не оставил мальчонку значит, рядом был. Благодарен был Русаю за это, безмерно благодарен.

Макару вдруг так ладно стало, хорошо. Не один он теперь. Рядом родные ему люди. Как же быстро Беловук для него родным стал. Три месяца плечо к плечу живут, а от одной мысли, что заберут его, тошно становится. И ведь не отдать нельзя. К родным заберут-то, а родные завсегда ближе и важней. Неверное.

Гнал от себя Макар мысли эти. Будет время, будут и переживания. А пока пусть идёт, как идет.

У Макара громко живот заурчал. Четыре дня не ел. Только пил, за что благодарность Беловуку.

Волчонок, услышав трели живота Макара, подскочил. Макар сам хотел встать, но Беловук остановился и руку вперёд протянул останавливая Макара, на лавку показал и себе в грудь рукой ударил. Развернулся и к печи пошёл.

Макар, раскрыв рот, на него смотрел. Первый раз Беловук с ним общался. Первый раз жестами, что-то объяснил.

Макар лежал и улыбался широко и счастливо. Наверно, такие же чувства испытывают родители, услышав первое слово чадо их.

Ещё день Макар бока давил. Странное чувство, внутри Сила пылает, Сила кипит, а телс сдюжить Силу эту новую пока не может. Но это пока. Просто нужно время. А его у Макара было много.

31

Они вышли в лес рано утром.

Беловук с волком впереди шли, Макар за ними топал.

Волк первым его почувствовал. Макар мгновенно ощутил перемену в нем. Волк напрягся и Сила, легкой дымкой окутала его тело.

Макар тоже Силу призвал. Весь сосредоточился, все чувства свои обострил.

Это была не опасность, что-то другое в воздухе летало. Напряжение, боль, отчаяние и запах резкий, точно луком пахнуло, аж глаза зажгло.

Волк утробно зарычал.

Перед ним колыхалась тонкая чёрная нить. Другой конец её уходил дальше по тропе.

Макар окликнул Беловука. Мальчишка, почувствовав напряжение своих спутников, в мгновение рядом с Макаром оказался, а он его за спину к себе задвинул. Не понимал Макар, что их ждёт впереди, но лишним не будет парня прикрыть.

Волк, в это время, аккуратно начал вплетал Силу в чёрную нить. Она встрепенулась и начала удаляться, точно вести их начала к началу своему.

Он лежал рядом с поваленной сосной.

Земля вздыбилась, оголяя вывороченные корни, некогда огромного, благородного дерева.

Он тоже был выворочен, выхвачен из своей жизни, огромный, священный Бер.

Волк медленно подошёл к медведю.

Он был ещё жив, Макар чувствовал его дыхание, его боль и отчаяние. И запах, не выносимый, острый, обжигающий запах смерти.

Макар видел отверстия от пуль. Беспорядочно палили в животину. Медведь сильное животное, если сразу не попасть в позвоночник или сердце, то он может уйти от охотника, что он и сделал. И теперь нашёл себе место рядом с этим деревом.

Нет ничего вечного под солнцем, и эти два исполина, тому доказательства.

Волк наклонился к морде медведя и выдохнул ему в пасть Силу. Нежная, белопрозрачная дымка плавно скользнула к медведю и он вдохнул её.

Это был его последний в жизни вдох.

Беловук смотрел во все глаза. Он поежился, точно озноб его прошиб.

— Бывают ситуации, когда избавление от страдания, самое верное решение. Это не охотники сделали, Беловук. Ни один настоящий охотник, весной на охоту не выйдет. Запрет в это время. Мы таких называем «псовый охотник». Их рук дело.

Волк подошёл к Макару, ткнул его мордой в живот, а сам отправился вглубь леса. По всем правилам, наказать псов этих надо. И если правильно в голове у Макара все ниточки сошлись, то за этим волк и пошёл. Это работа его, первостепенная работа.

Теперь и им пора уходить.

Только одно дело было у Макара. К бабке Вецене по-разному можно относиться, но никогда ещё она Макара не подводила. Сон ли это был, видение ли, наваянное Силой, но помнил его Макара. И от того и выполнил его беспрекословно. Забрал он клык Бера, мёдящего.

Много поверий было связанных с клыком медвежьим. Многие охотники из их деревни носили пояса с нашитыми клыками, а ночью их под голову клали, чтобы дух медведя защищал их и в темное время.

Подвешивали клыки к колыбели. Просили Бера караулить чадо малое, сильным просили сделать и смелым, как он сам, да чтоб по правильной тропе всегда ходил.

Да, и в родительском доме есть клык свой. Всю жизнь, как себя помнит Макар, клык этот, в косяке входной двери торчит. То защита, сильная защита семьи и дома.

Весь вечер Макар работал с клыком.

Отскоблил его ножом, потом наждачной бумагой легкой прошёл. Взял шнур, обвязал его узлом вокруг клыка и готов оберег для Волчонка.

После ужина, когда спать готовится стали, Макар и поймал момент для подарка своего.

— Я хочу дать тебе одну вещь, Беловук. Раньше, в далекие времена, оберег был высшей защитой от злых духов, от всякого зла и несчастья, а ещё силу он дарил обладателю своему. Верили, что оберег спасёт и сохранит от всего дурного. Верить в это, твоя воля. Но иногда человеку нужна всего лишь маленькая помощь и все он одолеет, со всем справится. Пусть этот оберег и будет для тебя этой маленькой помощью.

Макар аккуратно надел клык на шею мальчику.

— Война, охота, Сила, — тихо зашептал Макар. — Война внутри тебя, добро и зло борются. Чистый источник запоганили, но должен он очиститься. На охоте есть жертва и

охотник. Не жертва ты, горе твоё кровью очистили. Сила твоя в этом клыке, как рассыпется он, так и силу обретёшь, а с ней и спокойствие придет.

Беловук вздрогнул всем телом, от Макара отстранился. Из глаз его слезы градом полились. Он хватал ртом воздух, точно задышаться стал, из горла его звуки вываливаться стали, громкие, лающие, надрывные.

Господи, как же хотелось прижать его к себе, ласкать его и нежить. Всю боль его и отчаяние ласками этими забрать или хотя бы облегчить страдания его.

Беловук проплакал всю ночь. Сдерживал себя, в подушку выл, но в ночной тишине рыдания эти, казалось, разносились на многие километры.

Макар тоже не сомкнул глаз. Вместе с мальчиком своим переживал эту страшную, долгую ночь.

А за окном шёл дождь, сильный, холодный. Молнии на мгновение прогоняли ночную чернь, а после сильные раскаты грома, заглушали всхлипы ребёнка.

Природа рыдала и выла, грохотала и взрывалась вместе с маленьким мальчиком, уже хлебнувшим совсем не детские страдания.

Нет ничего лучшего, чем слезы. Они избавление. Избавление от страхов и боли, от ужасов прошлого и неизвестности будущего. Они природное снадобье, которым владеют все.

Но не все им, почему-то лечатся.

32

Макар проснулся, когда солнце уже было высоко. Ярко в избе было, аж глаза слепило. Не заметил он, как заснул и не понимал, как вообще заснуть смог.

Макар подошёл к Беловуку, тихо наклонился к нему, в лицо всматриваясь. Он припухший весь был, веки красные, тяжелые. Пол дня не будил его, жалел. А когда вечереть стало, заволновался.

Подошёл к нему, ещё раз посмотрел внимательно. Руку на лоб приложил, а он точно печка в самые холода, раскалённый весь.

Макар, растерялся, по избе как болван забегал. За что хвататься не знает. Как впервые раз жар у кого увидел.

Потом успокоиться себя заставил. Холодную, влажную тряпку на лоб положил, питьё сделал. Только в Беловука ни капли ни попадало. Всё обратно из него выходило.

Макар всю ночь рядом просидел, беспомощно на мальчишку глядя. Не помогало ничего. Жар крепко держал.

А потом, как прозрение пришло. Что же он, окаянный, глупый, да неразумный такой. Сила! Вот к чему впервые очередь обращаться надо было.

Макар положил ладонь на голову Беловука. Аккуратно, нежно стал вливать Силу в мальчика.

И пришло облегчение, и Волчонку и ему. Жар стихал.

Так они два дня и промаялись. Два дня Макар в мальчика Силу вливал. Волк тоже рядом был. Как два санитаря дежурили подле Волчонка, выхаживали, точно мамки чадо своё.

На третий день жар окончательно ушёл.

Беловук оживать стал. Не спал теперь целыми днями, просто лежал, вялый, слабенький и мокрый весь.

Макар сел рядом, озабоченный и серьёзный. Волк тоже рядом был, морда его на ногах Волчонка лежала.

— Беловук, мне тебя переодеть надо и обтереть насухо. Пот, болезнь твою выгоняет, его

на теле держать нельзя.

Сказал и ждёт. Готов был, что мальчишка опять шарахнется от него, как от прокаженного, но Беловук лежал спокойно и смотрел открыто как-то, по-доброму что ли.

Потом неуклюже, слегка качаясь, присел на лавке и руки кверху вытянул.

Макара захлестнула волна облегчения. Неужели, ниточка между ними завязалась, такая долгожданная ниточка доверия.

Макар стянул мокрую, липкую одежду, обтер насухо и надел на мальчика свежее бельё.

— С Русаем побудь. Я в мыльню схожу, сполосну одёжу твою. Не хочу, чтоб болезнь в доме копилась. Смою её проклятую.

Макар вышел из избы. Солнышко чудно пригревало. Хорошо было. Полной грудью вздохнул Макар и в мыльню потопал. Там яростно, на три воды одежду Беловука выстирал, да в дровянике повесил. Пусть продувает.

33

Приближался праздник трёх костров, день когда Макар родных своих навещал.

С радость ждал он этот день и с печалью великой. Ещё год назад семья была полная, ещё год назад мама с ними была. Последний раз он её тогда видел.

Макар зашёл в дом, вдохнул запах родной, отца приветствовал, завсегда первого отца привечают. Мама стояла и ждала когда к сыну и ей прикоснуться можно будет и дождавшись уже не отпускала.

Никогда мать не сдерживала себя в ласках, ни в детстве, ни во взрослой жизни детей своих.

— Чадо в любви возвращённое, силу имеет великую и крепкую веру в себя.

— Излишняя любовь, как и равнодушие-клетка для ребёнка. Из неё потом, ой, как тяжело вырваться.

— А я лишнего не даю и до конца не заполняю.

Извечный спор матери и отца. Всю жизнь он Всемилу придерживал в чувствах её, хоть и сам детей своих украдкой нежил.

Другая встреча в этом году будет, но на смену одной Всемиле — другая пришла. Первый раз дочку Светозары увидит. Маленькую Всемилу, в честь бабки названную.

Все мысли у Макара о встречи были. Но Сила его новая отвлекала, будоражила и кипела в нем, точно чугунок на печи с закрытой крышкой. Выход ей нужен был.

Пока Беловук не окреп ещё после болезни, Макар оставлял его в избе. Аккурат у окна посадит, а сам на поляне с волком Силу свою новую пробует. Беловук, как зритель у них был, во всех глаза наблюдал.

Макару никогда так интересно и увлекательно не было. Тоже чувство было и в детстве, когда отец охоте его учил. Макар всегда любил что-то новое узнавать. «Не стыдно не знать, стыдно не учиться»- всегда так Русай приговаривал.

Волк долго между березами ходил, к каждой боком прикоснется, постоит, послушает дерево. Макар за ним. Тихие были деревья, здоровые. А потом точно прилип Русай к березке одной. Макар к ней ладонь приложил. Старое дерево, шумное, болезненное. Но помочь ему можно, с их помощью оно ещё несколько лет глаз радовать будет.

Волк на несколько шагов от дерева отошёл. На Макара посмотрел, мол наблюдай, парень, учись.

Медленно, откуда-то из груди волка стал выходить туман. Плотный, густой, глубокого молочного цвета. Широкий туманный столб направился к дереву, он аккуратно проник в

землю и уже оттуда, из самых корней, по спирали стал обнимать березу. Туман пополз по стволу вверх, окутывая его точно покрывало. Достигнув вершины, он начал исчезать, казалось, само дерево втягивает его в себя.

Макар во все глаза смотрел и как только Русай закончил, сам был готов попробовать.

Макар обратился к Силе. Она была тоже готова, только скажи и всё сделает.

Он вытянул руки вперёд и начал неторопливо вытягивать её из себя.

Легкий, прозрачный пар отделился от его рук. Макар даже расстроился. Он ощущал в себе Силу мощную и великую, и все на что он способен — это пар? Он ещё несколько раз пытался выпустить из себе хоть что-то напоминающее Туман, но все его попытки были никчёмны.

Макар закрыл глаза, задышал глубоко и ровно. Ему надо успокоиться. Он пытался вспомнить, что-то хорошее, доброе. Картинки мелькали перед ним. Мама, отец, племянники, Беловук... но все они исчезли, растворились перед другим, таким ярким, почти осязаемым образом.

Он увидел Беляну. Она просто и нежно улыбалась ему. Волосы, обрамляющие лицо её, точно туман, серые, дымчатые. Он тоже улыбнулся ей.

И в момент этот, явственно ощутил колыхание Силы. Она сконцентрировалась в его груди и потекла из него.

Макар открыл глаза и замер. Ему не было страшно, это было потрясающе.

Яркий, ослепляющий столб стремился из его рук к дереву. Это был не Туман, как у волка, это было точно жидкое, живое Серебро и оно медленно облепляло ствол дерева. Оно поднялось вверх к самой макушки, а потом, замерев на мгновение, рассыпалось на миллионы блестящих искр. Они разлетелись в разные стороны, как волшебный, серебряный дождь. Макар чувствовал в каждой капле Силу и ко всему к чему она прикоснулась, к соседним деревьям, кустам, земле, всем она дарила жизнь.

Макар глазам своим не поверил, несколько мгновений просто стоял, как истукан. Потом медленно перевёл взгляд на Русая.

Волк не шевелился, тоже точно окаменел. Его большие желтые глаза не мигая смотрели на Макара. С каким-то испугом, с каким-то сомнением прожигали его насквозь.

— Это плохо? Да? — как-то сдавленно, спросил Макар.

Волк вздрогнул всем телом, как очнулся от стопора своего и медленно подошёл к Макару. Уткнулся в ладонь ему, на мгновение замер и потрусил в лес.

Макара остался стоять на поляне растерянный и напряжённый.

А в окне белела мордашка. Огромные глаза, цвета мёда неотрывно смотрели на Макара. Беловук улыбался, точно чудо увидел.

34

Макар проснулся от толчка в живот.

Резко открыл глаза, будто и не спал вовсе. Всегда просыпался сразу. Голова быстро от ночных нег просветлялась.

Посмотрел на Беловука.

Тот спал. Как всегда свернулся весь калачом, голова колен касается, руками себя за плечи обнимает и спит так всю ночь, не шелохнётся. Макар всегда удивлялся, как в положении таком спать-то. И ночью напряжён, точно защищается от кого.

Макар перевернулся на бок, руку под голову заложил. Показалось ведать, во сне, поди что померещилось.

Глаза только прикрыл, и точно в пружину все нутро собралось.

В избе кто-то был.

Чувствовал Макар присутствие это, явно чувствовал.

Аккуратно глаза приоткрыл.

Напротив его лица, на расстоянии вытянутой руки, застыла дымка. Она тянулась аккуратно от двери, прям, как змейка какая.

Легко покачиваясь из стороны в сторону, она разглядывала Макара. Неотрывно, испытующе, опасно. И Макар её разглядывал.

Потом вздрогнула, да к двери потянулась, как кто её снаружи тянуть из избы стал.

Макар встал. Тихо, чтобы не разбудить Беловука, оделся и вышел из дома.

Только не на улицу Макар попал, не было тут ни поляны его, аккуратно вычищенной сегодня от снега, ни опушки леса, ни пригорка с его огромным, старым кедром, ни луны, ни звёзд — ничего. Ничего, кроме сплошной стены тумана. Точно в молоке плескался, а не на улицу вышел.

Туман был густ и осязаем.

Он давил со всех сторон, точно пытаюсь уменьшить, сжать Макара, подмять под себя, испугать и растоптать. Во всяком случае, Макару именно так показалось в тот момент.

Враз все пропало: звуки, запахи. Он ничего не слышал, только легкое гудение, и точно мхом уши забило. Ни одного запаха, пахло — ничем. Никогда он не чувствовал такого. Запах, который пахнет — ничем.

Он сделал шаг назад. Ещё шаг. Спина его должна была уже упереться в дверь избы. Но за спиной ничего не было, кроме тумана. Там была пустота.

Он повернулся и протянул руку. Она мягко скользнула в молочное марево и пропала. Туман был на столько густой, что видел Макар руку свою только до локтя.

Неторопливо нарастала тревога. Медленно начали пробиваться первые ростки страха.

Макар глубоко вздохнул, пытаюсь успокоиться, и потянулся к своей Силе. Она не среагировала. Была внутри, он чувствовал её, но она как — будто не слышала его или не хотела слышать.

— Макар, — как-то ласково, растягивая гласные, позвали от куда-то слева.

Он резко развернулся и застыл.

Никакая бы сила не смогла сдвинуть его сейчас, даже если бы сам захотел — не смог. Каждая его клеточка застыла, превратилась в камень и только сердце бешено билось о грудную клетку.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Она стояла совсем рядом.

Дыхание его, шевелило её волосы. Они распущены были. Густой, блестящей волной спускались до самых бёдер.

Как давно он не видел волос её, все под шашмурой прятались. С детства не прикасался к ним, не запускал ладошку, пропуская каждую прядку сквозь пальцы.

И сейчас всю волну свою Макар собрал, до боли сжал ладони свои. Только не прикоснуться, не спугнуть, не развеять её в туман этот чертов.

Она была молодая, без таких родных и привычных морщинок. Макар жадно вглядывался в каждую чёрточку, в каждую родинку её.

Много у неё родинок было. Все лицо, руки ими усыпаны. Мелкие, как крапинки. Только две большие. Над левой бровью, ближе к переносице и на подбородке, точно под губой.

— Зимой это было, раным рано. В избе темно еще. А ты сидишь на лавке, маленький, скукоженный весь, казалось, тебе, что от каждого движения ещё холоднее становится. Замер, точно куколка. А я смотрю на тебя и все мне таким идеальным кажется, и волосы твои чёрные, и каждая прядка, что в тугой локон завивается, и ладошки твои на коленочках, каждый пальчик, каждый ноготок. Всё безупречно, всё кристально. Из печурки носочки достала, да к тебе присела. Ножку твою взяла, а она точь-в-точь в ладонь мою легла. От пяточки до пальчиков, вся уместилась. Я каждый пальчик поцеловала, и шепчу, шепчу, молитву творя: «Господи, дай этим ножкам здоровья, сил, счастья им дай, Господи! Чтобы долго они землю нашу топтали! Не утомлялись, не маялись, из сил не выбивались. Господи, помоги, сохрани, Господи». Носочки надела. Они шерстяные, колкие. Щекочут ножку твою, тепло даря. Ты подогрелся, точно ожил от шерстянки этой тёплой. Обнял меня. Ты всегда ласковый был, мягкий.

Макар, казалось, не дышал пока мама говорила. Слезы медленно катились по его щекам. Не горькие, сладкие слёзы, счастливые.

Это было его воспоминание. Самое первое, самое ценное. Именно после этого зимнего утра Макар начал жизнь свою помнить. Хранил он в памяти его, свято и бережно хранил. Для него и сейчас счастья — это мама и шерстяные носочки.

— Всему есть свое время, и для каждого дела под небом есть свой час. Время рождаться, и время умирать. Для чего Сила тебе дана, ведаешь?

Макар молчал. Он не знал. Он пока ничего толком-то и не знал.

— Одно помни! Никогда не смей в Бога играть. Даже мыслить о том не смей. Щедро делись Силой, мудростью своей, любовью. Делись легко. Но если почувствуешь, а ты это почувствуешь и увидишь, Макар, что у края человек-отпусти. Облегчи страдания, но отпусти.

Мама аккуратно, почти не весомо к щеке его прикоснулась. Погладила.

— Услышь меня, Макар! И смотри, во все глаза смотри. Важен Туман этот, важен.

Потом оглянулась, точно окликнул её кто. На секунду замерла, резко прильнула к сыну, обняла крепко-крепко и тихо, еле слышно выдохнула.

— Всегда выбирай любовь.

Отстранилась и сделала шаг назад. Этого было достаточно, чтобы раствориться в тумане. Секунда и нет её.

Макар долго стоял туман разглядывая.

Слезы высохли, оставив на щеках дорожки, тоненькие черточки, толи счастья, толи печали. На сердце было спокойно, тепло и до сих пор ноздри щекотал запах укропа.

Макар развернулся спиной в ту сторону, где изба должна была остаться, и уверенно сделал шаг вперёд.

Она выскочила на него внезапно. Макар даже вскрикнул, застигнутый врасплох. Звук получился тусклый, сдавленный, точно в подушку крикнул.

Девка была молодая, красивая, шустрая. Глаза, как два озера. Глубокие, синие, яркие. Платок синий, что шашмуру покрывал, глаза её ещё ярче гореть заставлял. Красивые, завораживающе красивые глаза.

Ну, уж больно маленькая она была. Росточком всего ничего, чуть выше локтя Макара.

Девка точно искала кого-то. Взглядом всё по туману шарила, по Макару, а потом в глаза его впилась. Замерла на секунду, схватив Макара за плечи, и зачастили.

Он сначала-то и не понял, что она говорила. А ей и не важно было, слушает он её или нет, точно не с ним беседу вела.

— Десятый день уже! — она ощутимо так тряханула Макара. — Ты заснула что ли? Да, не засыпай, слышишь. Десятый день уже отвар этот из пижмы пью. И ничего. Три раза по три больших ложки, по всем правилам. Ни больше, ни меньше. Говаривали, что уж на шестой день он изгоняется. А ни кровинки, ни боли-то никакой нет. Есть ещё способы. Все испробую, слышишь, все. В бани в тазу с кипятком сидеть буду, поясницей аккурат к топке, луковицу, если надо поставлю, она корнями своими, все обволакивая схватит, вытащу и делу конец. Даже спица не испужает. А лучше с крыши сигану. Чё, глаза-то выпучила? Ну, не уж-то, по не аккуратности, думаешь, бабы с крыши, да лестницы летают. Осуждаешь меня, да? Я сама себя сейчас ненавижу. Истинный крест, ненавижу. Но все сделаю, лишь бы чадо его выжить. Не будет оно во мне жить, не будет. Через год развод стребую. И с любимым буду. Уговор у нас. Ждать он меня будет.

Макар честно пытался понять о чем девка трещит, а когда понял, когда дошла до него вся гадость разговора этого, скинул руки её с себя. Зачем слушать ему речи её срамные.

А она, выговорившись, притихла. Стоит и за спину Макару внимательно так смотрит, точно разглядывает что — то.

Макар тоже повернулся.

Да в избе оказался.

Все углы, вся утварь туманом, как покрывалом занавешена. Только лавка освещена.

Девка эта, что рядом с ним сейчас стояла, на лавке той лежала. Он и не узнал её сразу. Осунулась вся. Лицо, точно сажей замазано, серое, страшное. Под глазами тоже чернота. Только губы белые.

Она лежала с глазами закрытыми и стонала. Никогда Макар стонов таких не слышал. Тихие, хриплые, точно само нутро её, извергало из себя стоны эти не человеческие.

Помирает девка и ученным быть не надо, чтобы понять это. Последние часы сердечко её трудится. Считай у самого края стоит, если уже одной ножкой его не переступила.

В избу вошёл парень.

Молодой ещё, зеленый, даже бороды-то толком неросло. Так пару волосков торчит.

Макар напрягся. Он знал этого парня. В каждом движении, в каждой черточке его все было знакомо.

Чёрные, кудрявые волосы. Чёрные, точно уголь глаза, брови. Чернота такая только у Лапиных была. Чернее их и не сыскать на деревне.

А потом взгляд выхватил шрам.

Ещё мальчишкой бровь он рассек. Кровищи было много. После этого бровь его левая на две разделилась. На месте шрама не росли волосы, тонкая дорожка там была.

И сейчас Макар явственно видел её, дорожку эту.

Сомнений и быть не могло.

Перед ним стоял молодой Русай Лапин.

Парень быстро подошёл к лавке. Остановился, наклонился, всматриваясь в девку, точно не узнавал. Глаза его желтеть стали. «Зрение перестраивает»-мелькнула у Макара мысль.

Русай покрывало отдернул. Руку девкинул поднял, рассматривать стал. «Странно, ей-богу, как на диковинку любитесь»

Макар тоже зрение своё изменил, и после этого и сам от девки глаз оторвать не смог. Про все забыл, про Русая, про туман, про Беловука, оставшегося в избе.

Кожа её была точно серебро. Она блестела, как снег под солнцем, переливалась белыми, синими, голубыми, серебряными бликами. Казалось, что изнутри девушки свет идёт,

подсвечивает все это великолепиие. Это было безумно красиво. Красиво и жутковато.

Макар, словно замороженный стоял, словно дышать разучился.

Никогда Макар о таком не слышал. Неужто чудо он настоящее видит. Только откуда чудо в этой избе появиться могло?

У Макара, на секунду сердце кольнуло. Мысли забегали, что-то здесь было не так. «Думай, думай, Макар»- сам себе нашептывал. А потом слова недавнишие вспомнились, те что мама говорила: «Но если почувствуешь, а ты это почувствуешь и увидишь, Макар, что у края человек — отпусти. Облегчи страдания, но отпусти»

Неужто это и есть край, неужто именно так смерть-то и выглядит. Красиво, завораживающе, сверкая.

Пока Макар думы свои думал, Русай девушку накрыл, аккуратно до подбородка покрывало натянул.

Присел рядом с лавкой, пальцы в волосы свои смоляные запустил. Долго сидел, как болванчик качаясь.

Потом встал резко, да к окошку кинулся, занавески задернул. На двери крючок опустил и повернулся к лавке. Смотрел сосредоточено, внимательно, точно с собой борясь, а потом, вздохматив себе волосы, к лавке бросился.

Аккуратно ладонь на голову девки положил. Силу выпустил. Видел Макар, как ладонь его думкой окуталась. Медленно по телу ладонь поползла. Понял Макар, что надумал Русай. Не лечить он её будет, у смерти вырвать хочет.

Именно в этот момент Макар понял, всю неправильность поступка этого. Не в праве решать они, кому жить, кому умирать. Права Мама. Но он не осуждал Русая. Всем сердцем знал, что так же поступил бы. Не бросил бы мать умирать и мучиться. Вырвал, выскреб бы у смерти. И будь что будет.

Рука Русая замерла внизу живота.

Он напрягся, даже пот на лбу его выступил. Тяжело ему было со смертью бодаться.

Со стороны будто ничего и не происходило, стоит парень рядом с девушкой, рукой живот ей накрывает. Но стоило изменить зрение, то открывалась совсем другая картина.

Серебро с девки медленно, тонкой струйкой, в ладонь парня сочилась. Перетекала, точно ручеек блестящий.

Русай бледный был, сосредоточенный. Вторую руку девки на лоб положил и медленно Силу в неё вливать стал.

Казалось, ещё минута и сам Русай рядом с этой девушкой ляжет. Больной и выжатый.

Макар к ним дернулся, помочь хотел, но точно на стену невидимую напоролся.

— Ты там сторонний, чужой. Неужто прошлое изменить захотелось.

Макар даже вздрогнул, совсем забыл, что рядом Баба эта стояла, точно приклеило её к Макару.

— Он спас меня. С того света вытащил. Жизнь мне подарил, а потом эту жизнь забрал.

Девка изменилась, казалось, постарела, осунулась. Глаза не блестели боле, синь их не радовала чужой глаз. Потухли они, точно туманом покрылись, выщвели.

— Через два месяца муж мой утонул. Я радовалась, дура. Дышать стало хорошо, свободно. Думала, вот оно счастье-то. А Русай меня не принял. Не потому что грех на себя взяла великий. Убить ведь чадо в утробе своей, страшнее убийства. Не этого испугался Русай. Он ничего не боялся, кроме одного. Пришёл он ко мне после похорон. Всё рассказал, и про волка своего, и про Силу, и про судьбу его и будущее. Я не струсила. Я поверила. А

потом встал он, как вкопанный, глаза свои огромные, чёрные на меня выкатил, слезы даже проступать стали и точно прощается, смотрит так не хорошо. Понял он тогда, Сила показала, что чрево мое пустое. Всегда сухим и калеченым будет. Никогда не понесу, бездетна я теперь. Вот этого Русай и испугался. Любил меня пуще всего на свете, не отказаться смог. Ему дети, внуки, правнуки нужны были. Горяй — сын его, Болеслав- внук и ты, Макар-правнук. К тебе ниточку вёл. Ради тебя, ради продолжения Силы жил он. А у меня, Макар, от Силы той, что Русай в меня влил, дар открылся. Много вижу, много знаю, да и живу уже, ой как долго, всё помереть не могу. Век землю топчу одна одинешенька, как неприкаянная. Как проклятая. Всех схоронила, всех пережила. Любви приходят и уходят, и мужики меняются, а дитё всегда при тебе. Самое главное, это в жизни. Дура была молодая, не ведала, что от такой благодати отказываюсь. Ну, и пусть, что не от любимого, от чёрного и злого. Зато мой! Родненький!

Макар давно уже понял, кто стоит перед ним. Всегда она особенно относилась к нему. Не раз помогала. Точно к родному сердечко её тянулось.

Макару не было её жалко. Тоскливо было, обидно и больно за всех баб, что грех такой творят. Молитв от аборта, которые снимают грех, не существует. Всю жизнь крест баба на себе несет.

Но есть способ облегчить свою совесть. Помощь оказать тем, кто надумал грех совершить, остановить их. Не зря Вецена, как только почувет, что понесла баба, как коршун над ней вилась. Ведать и отговаривала, и помогала, и вымаливала дитё оставить. Кто ж знает скольких она чад, да баб спасла.

— Господь, видя покаяние и плод, достойный покаяния, дела милосердия, спасительное терпение скорбей, силен помиловать любого кающегося грешника, — тихо сказал Макар и сам сделал шаг назад.

Девка растворилась в тумане. Макар опять остался один.

В голове пусто, точно этот Туман в неё проник. Ни одной мысли, ни одного звука и образа — тишина. Одна сплошная, давящая тишина.

Макар просто хотел домой, хотел чтобы все это закончилось.

Но как же редко наши желания воплощаются в жизнь.

— Знаешь, сказ про Чомора, Макар?

Макар встрепенулся. Сердце быстро затрепетало в груди.

Из тысячи узнал бы этот голос. Спокойный, глубокий и такой родной. Очень много времени прошло, с тех пор когда он слышал его в последний раз, но не сомневался ни секунды. Это говорил Русай. Его голос услышал сейчас Макар, его.

Перед Макаром тропинка выстелилась, а по ней, медленно на встречу ему шёл волк.

Казалось, чему можно ещё удивиться в этом Тумане? Казалось, уже ничего не поразит и не встревожит Макара.

— Почему я слышу тебя, Русай? — почти не слышно, спросил Макар.

— Ты становишься сильнее. Ты готов.

Волк остановился совсем рядом. Всмотривался куда-то в Туман, точно ждал кого-то.

— Знаешь, сказ про Чомора, Макар?

— Знаю, — тихо отозвался Макар.

Волк медленно перевёл свой взгляд на него.

— В сказаниях мало правды бывает. Искажается правда-то. Порой нарочно, порой по глупости людской. Из уст в уста идёт сказ, да каждый под себя его сказывает. Где потом

правду искать, неведомо. Смотри, Макар, в самый Туман смотри. Туман-это Сила наша. В ней правда вся, в ней.

Макар никогда не смотрел телевизор. В деревне у них его не было. Пару раз у мирских его видел, принцип действия понимал.

Так вот сейчас в тумане картинки стали меняться, точно телевизор этот бесовской перед ним.

Макар даже верх глаза отвёл, чтоб не мараться.

— Давно это было. В ту пору звери и птицы говорили ещё на одном языке, люди умели понимать язык этот, а звёзды, видевшие те события, поседели от времени, — тихо, толи говоря, толи напевая, затянул Русай. — Смотри, Макар. Во все глаза смотри. Важен Туман этот, важен.

Макар опустил взгляд.

В Тумане виднелся человек. Высокий, красивый. Чёрные кудри его до плеч струились. Он был в лесу. Шёл по тропе.

Макару не по себе стало, точно поглядывает он, точно смотрит, то что не для его глаз было.

А Русай тихо продолжал свой рассказ. Озвучивая, всё то, что в тумане происходило.

Сказ про Чомора

Быль

— Жил человек, по имени Чемир.

Ладно жил, сына растил, жену любил. Да и охотник был славный, удачливый.

Вначале лета это случилось.

Шёл Чемир по лесу, не так уж и далеко забрёл от деревни.

На тропе, в раскисшей земле от вчерашнего дождя, Чемир увидел следы волка.

Читать следы охотник должен уметь отлично. Порой легкий, поверхностный взгляд приводит к неудачи и зряшной трате времени на охоте.

Зверь всегда прячет свои следы, будто понимает, что это ниточка ведущая к нему. А тут грязь сыграла на руку Чемиру.

Чемир присел. Пальцами ощупал следы, слегка надавил, проверяя, как сильно взялась грязь.

Она была мягкая, свежий след, утренний.

Следы были крупные, очень крупные и слегка округлые, значит матёрый шел, не волчица.

Утренний прямой, размашистый след говорил, для опытного охотника одно: к логову шёл волк. Это вечером он петляет, уводя от логова.

Интересное дело получалось. Бывало несколько суток логово ищешь, а тут удача такая.

Чемир был рад. Внутри все заклокотало, встрепенулось в предвкушении добычи.

Он стал более чутко приглядываться, принюхиваться.

Медленно пробираясь вперёд, Чемир все чаще стал видеть разваленный помет. Самец кучки оставляет, самка — разваливает. И все в одном месте оправляется, далеко от логова не отойдёт.

Значит, правильно идёт Чемир, правильно.

Чуть левее вороны закружили, закричали, будто зазывая Чемира, мол сюда-сюда. Здесь, логово, здесь оно.

Чемир и свернул туда.

В нос ударил острый запах мочи и гниющих остатков пищи.

Вот он и на месте.

Сжал рогатину, наклонил её готовясь встретить выбегающих из логова хищников.

То что они будут убегать от человека Чемир не сомневался. Волки не защищают своих волчат. Даже когда из логова изымаются беспомощные щенята, родители не пытаются их защищать. Почуввав человека они убегают, в очень редких случаях вступят в борьбу.

Если не успеет Чемир добыть их выбегающими из логова, тогда начнётся другая история. Не раз уже он заманивал их с помощью волчат и добывал всю семью.

Через несколько секунд, неприметной тенью, из логова выскочила волчица. Чемир выставил рогатину и рубанул ей по лапам. Она завизжала, закрутилась, забилась вся. Не теряя ни секунды, он, уверенным, выверенным движением нанёс удар ей в сердце.

Наступила тишина.

Чемир резко поднял голову. Он всматривался в лес, кусты, пытался уловить любое движение. Пытался выхватить любой звук.

По всему в логове должна быть вся семья. И первым, это Чемир знал точно, по многолетним наблюдениям, должен быть выскочить матёрый, за ним только самка. Значит, обознался Чемир. А это могло стоить ему жизни.

Чемир стоял долго, вслушивался, вглядывался в лес. Но так ничего и не заметил.

Из логова послышалась возня и слабый скулёж. Чемир прислушался. Не уж то один щенок. Редко такое бывает.

Убив волчицу по волчатам не плачут. Соорудив палку с петлей, он извлёк волчонка.

Чемир замер.

Яркое, блестяще-белое серебро держал он в руках. Каждая шерстинка, точно снег искрилась. Как диковинку, Чемир крутил волчонка в руках.

Глаза голубые, точно небо ясное, огромные.

Странное, необъяснимое чувство аккуратно кольнуло в груди: «Не по тебе добыча, Чемир! Помню клятву свою, помни!»

Чемир насторожился, натянулось все внутри, точно пружина.

Понял он, что за серебро держит в руках. Всё понял, да только, столько желания было у него владеть этой красотой, столько желания сыну своему единственному на зиму шапчонку такую справиться, что не хватило Чемиру сил противиться.

Через секунду сердечко волчонка серебряного, сделав последний удар, затихло навсегда.

Сняв шкуры, оставив туши тут же, Чемир расставил самоловы по тропам у логова и ушёл.

Рано утром Чемира разбудила жена. Её била легкая дрожь, взволновано, глотая слова она что-то пыталась сказать ему, но выходило только: «Туман. Туман. Туман»

Туман и впрямь вернулся.

Вся деревня стояла на поляне, всматриваясь в темные, пепельные всполохи Тумана. Стояла мертвая тишина, люди, казалось, оцепенели от страха и ужаса.

Чемир стоял, крепко сжимая руку жены. Её рука была ледяной. А Чемир пылал. Все горело внутри, жар исходил откуда-то из глубины его. Дышать было тяжело, точно в топке он, а не на поляне.

Тонко ныло, да царапалось внутри что-то.

На третий день староста всех в молельный дом зазвал.

С пригорка, на котором молельный дом стоял, как на ладони открывался лес, поляна

большая, река. И всё это было укутано Туманом, густым, неестественно темным, мрачным и угрожающим Туманом.

У Чемира закружилась голова. И так тошно стало. Все три этих дня странное с ним творилось. То, будто зовёт его кто, то плачет, скулит под окном. Жена не реагировала, он специально проверял. Один он это слышал, от этого и непонятнее было.

— Не буду обманывать вас, не знаю я что происходит, — начал староста. — Ни в одном временнике не нашёл ни чего похожего. Не было никогда такого. Первые мы события такие переживаем. И, надеюсь, переживем. Одно знаю, не просто Туман вернулся. Случилось что-то в лесу, чувствую не хорошее случилось. Кто так напакостил, лучше пусть сам сейчас выйдет, да покается.

Староста замолчал. Медленно взгляд его по толпе пошёл. Внимательно всматривался во всех.

«Кто так напакостил! Кто так напакостил!» — раздавалось, как эхо в голове у Чемира.

Глупости! Не он это! Не он!

По телу побежали мурашки, не те приятные, что от прикосновения жены он чувствовал. Нет. Эти были холодные, влажные, липкие.

Когда домой вернулись, Чемир первым делом в сарай пошёл. Сгрёб сушившиеся шкуры и сжёг их в мыльни, а пепел за огородом закопал.

Ночью ему приснился странный сон, будто в Тумане он. Знал Чемир, чувствовал, что не один. Тело ныло от напряжения, весь, как пружина натянут был, в любой момент удара ждал. Только откуда он придёт — не знал. Чемир крутился на месте, всматривался в Туман, а в голове скулёж нарастал. Тонкий, раздирающий все внутри скулёж.

Чемир лежал на лавке, мокрый весь, горячий. Где-то в глубине себя, он уже давно знал, все понимал, но гнал, упорно гнал все мысли свои и домыслы.

«Лес-это дом мой.

Подобно тому, как дом свой обегая от грязи внешней и внутренней,
так и обещаю, лес оберегать и сохранять.

Лишнего не возьму,

Забавы ради не убью,

Не разорю и не сломаю.

Серебро не убиваю»

А он убил. Самое, что ни на есть серебро убил.

Всю жизнь знал эту клятву. Её вкладывали в детей с малолетства. Первое, чему учили. Первое, что запоминали.

Если бы вернуть прошлое! Если бы только вернуть! Тогда мимо прошёл бы этих следов на грязи. Даже близко бы к логову этому не подошёл бы.

Внутри все разрывалось. Слезы душили. Было невыносимо обидно, больно и стыдно.

А рядом в корытце скулил во сне его сын. Тонко. Пронзительно.

По деревне бежал человек. Он кричал, руками размахивал, точно полоумный. Люди высыпали из дворов своих, как горох рассыпанный. За человеком хлынула лавина людская.

Вновь вся деревня на поляне собралась. И страшное увидели они.

Все деревья в лесу чахнуть стали. Почки набухшие, листочки новорожденные почернели. Срывались они с сухих, ломких веток и в Туман падали. А Туман точно сажа. Жуткий, опасный.

В глубине леса скрип, треск, хруст — точно деревья ломают, выкорчёвывают.

В глубине леса визг, рёв, вой — точно все звери лесные от ужаса враз пасти свои раскрыли.

Гул этот нарастал, а народ, от ужаса парализованный стоит, шелохнуться боится.

А потом птицы падать с небес стали. Замертво падать.

Вороны, рябчики, утки, воробьи.

Рядом с Чемиром, аккуратно в ноги его упал большой глухарь. Глаза у него были цвета серебра. Мертвый, застывший взгляд, замер на Чемире.

Не разбирая дороги, бросились люди от леса.

Чемир крепко держал на руках мальчишку своего и мертвой хваткой сжимал ладонь жены.

Ничего не видел, перед глазами все белым-бело было.

Дети орали, бабы визжали, мужики, отродясь рот свой не поганившие, ругались сейчас чёрным матом.

На утро Чемир, посадив жену и сына на телегу, отправился в соседнюю деревню. Но к вечеру обратно возвратились. Он умолял оставить только бабу, да ребёнка, сам даже не просился, но соседи были непреклонны.

Люди суеверны, от этого и жестоки. Как от болезных сторонились, на верную смерть их обрекая.

Потянулись долгие, темные дни.

На каждом дворе наглухо зарыты ворота и ставни. Никто не выходил дальше ограды своей, боялись громко жить, громко говорить, громко дышать, словно это могло ещё больше беды накликасть.

Все эти дни Чемир, как тень ходил.

Он не мог спать. Он не мог есть.

Туман звал его каждую ночь.

Один выход! Одно правильно решение!

Он это начал — ему это и прекратить.

Ночью он разбудил жену. Дал ей время проснуться, дал ей время голову просветлить, чтобы поняла она всё, что сказать хочет.

После всё, как на духу рассказал ей. Ничего не утаил. Ничего не приукрасил.

Жена плакала. Рано её вдовой делает. Рано сына сиротой оставляет. Всё это знал Чемир, но выхода другого не видел. Не было его, выхода другого.

Рано утром, только светать стало, Чемир на улицу выскользнул. В утренней, сонной тишине, скрип ворот казался оглушительным, но он был не услышан и это его радовало. Чемир быстро пошел к молельному дому. Он зашёл на пригорок, не оглядываясь на деревню, на лес, на Туман, зашёл в дом и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Старосте Чемир не рассказал грех свой. Не хотел, чтобы после жену его и сына попрекали этим.

Сказал, что сон был, что Туман нашептал, будто ждёт и примет его. Этим исправить все можно. Это было не далеко от правды, от того и прямо глядел Чемир на старосту, глаз не отводя. Туман и впрямь ждал его.

Староста собрал всю деревню на поляне, когда солнце уже было высоко.

Он впился глазами в Чемира и столько надежды было в этом взгляде, столько не поддельного восхищения.

— Подойди ко мне, Чемир. Пусть все видят героя. Пусть все видят спасителя нашего.

Героя...спасителя...

От слов этих у Чемира сердце рвалось. Как же невыносимо стыдно и страшно. Стыдно — перед людьми, страшно — перед Туманом.

Чемир из последних сил держался. Глаза от травы чёрной, да жухлой не поднимал. Губу нижнюю закусил и так и стоял молча. И все вокруг молчали.

— Если сказать, что не боюсь я, то ложью это будет. А сказать — так вроде мужику это и говорить-то не по чину. Но одно знаю и уверен в этом всем сердцем. Туман примет меня. И исправить все это, — Чемир обвёл рукой лес мертвый. — смогу! Простите меня.

Он резко развернулся и пошёл к лесу.

У самого Тумана остановился.

Было невыносимо страшно.

Никогда не думал, как смерть примет. Всегда жил и жил. А она близко ходила.

Чемир сделал глубокий вдох и сделал шаг вперёд.

Туман, в мгновение это, в разные стороны распался, точно тропинку для человека сделал, приглашая и принимая его в свои владения.

Чемир на секунду замер, а потом уже не сомневаясь, пошёл в глубь леса по тропе туманной.

Тропа часто петляла, делала резкие повороты то вправо, то влево, от этого, отлично ориентирующийся в лесу Чемир, уже не понимал, где он и куда его ведут. Да и плотный Туман по бокам тропы не давал видеть ничего вокруг.

Он шёл долго, пока не вышел на поляну. Она чиста была. Вокруг неё непроницаемой, смоляной стеной стоял Туман. Тропа закрылось и Чемир оказался в ловушке.

Он был дико напряжён, вслушивался, всматривался в Туман. Стояла оглушающая тишина, точно не в лесу он, где никогда, даже ночью глубокой не бывает такой, давящей и осязаемой тишины.

Сколько он стоял, он не ведал, время, казалось, остановилось. Не было ни времени, ни запахов, ни звуков, только ужас, парализующий и невыносимый ужас.

— Повернись ко мне, человек.

Голос раздался где-то внутри Чемира, будто говорящий проник в его голову, проник в него самого.

Одуряющий, неконтролируемый страх, парализующий каждую частичку тела, овладел Чемиром. Спазм в горле не давала вздохнуть, лёгкие нестерпимо жгло.

Он медленно повернулся.

Перед ним стоял волк.

Он был огромен. Он был прекрасен, даже в этот страшный для Чемира миг, он явственно видел красоту и величие этого серебряного зверя. Чемир понял, не простой волк стоит перед ним, да и волк ли это был вообще, в том смысле, который мы вкладываем в это слово.

Удушливая волна силы исходила от этого существа. Хотелось упасть на колени, скулить и умолять о пощаде.

— Весь мир разделен на 15 равных частей. Каждая территория имеет своего Хранителя, который бережёт её и охраняет, помогает ей и вдыхает в неё жизнь. Я один из этих пятнадцати Хранителей. Моя территория огромна, человек. В мыслях даже не представить и не объять просторы её. Мы живём долго, по сравнению с вашей жизнью — бесконечно долго. Это тоже для человека не в силах объять. Но мы не бессмертны. У всего живого черта

есть. И приближаясь к черте этой, мы создаём пару.

Один раз за жизнь — семя своё дарим. И один раз за жизнь — рождается у нас наследник. Мы растим его и обучаем, мы передаём ему всё, чем владеем, и переходя черту, оставляем мудрую и сильную замену. Без Хранителя приходят Беды. Ты видел их. Но это лишь малая капля того, что ждёт мир без Хранителя. Теперь ты понимаешь кого убил, человек?

Чемир, казалось, не дышал, пока говорил волк.

Он чувствовал его боль, она затопляла Чемира, душила и рвала его. Ему хотелось выть от ужасного, нестерпимого горя. Он вдруг явственно понял: волк горевал не о потери будущего Хранителя, ни о надвигающихся Бедах, он скорбел о своём чаде. Это, было важно для волка.

— Нить прервалась! Но ты её восстановишь Чемир.

Волк поднял голову к небу и громко, на какой-то неестественно высокой ноте завыл. Звук этот полностью заполнил Чемира, внутри все вибрировало, казалось, ещё мгновение и он взорвется, разлетевшись на тысячи кусочков.

К вою, стоящего на поляне волка, начали присоединяться другие голоса. Первый... второй... третий... десятый... одиннадцатый...

Чемиру, казалось, что Хранители всего Мира, сейчас поддерживают и соединяются с этим волком. А потом перекрывая все вокруг, волк заговорил.

— Клянусь перед всеми светилами небесными. Клянусь перед всеми Хранителями земными. Отдать все знания мои, всю Силу мою, всю Мудрость предков наших — этому человеку. Отныне род его — род Хранителей. С него начнётся нить, крепкая и прочная. Вы свидетели клятвы моей. Пусть земля покроет меня навеки, если я лгу!

Все затихло. Волк, смотрящий все это время на небо, опустил свой взгляд на Чемира.

— Два поколения рода своего пропускать будешь, а когда родится мальчик, первый мальчик в третьем колене твоём, ни на минуту его не отпускай. Гляди, учи, охраняй его. То замена твоя, то Хранитель будущий. Что скажешь мне, человек?

Чемир, одурманенный воем, поражённый речами волка, понимал только одно: не может он отказаться, то не предложение, то плата его. И не один он расплачиваться и искуплять её будет, весь род его за это проклят. Навсегда. Навечно.

— Это не наказание, человек, — волк, точно мысли его прочитал, точно насквозь видел. — Думаешь, ты один, за всю эту вечность нашего существования, волчонка серебряного находил? Многие его в руках держали, да только никому он не достался. Ты не слабый! Ты не жадный! Ты понимал, человек, кто в руках твоих. Ты понимал, человек, последствия всего. Но ты, до сих пор не понимаешь, как смог серебро убить. Верно говорю?

Чемир и правда, до сих пор, как в тумане все помнил. Как наваждение, тогда у логова сошло на него.

— Род твой выбрал Туман. Сама Сила его выбрала. Пройдёт много времени. Сменятся много родов твоих. Сменятся много Хранителей. Но родится мальчик, который Силу будет иметь первородную, ту что у истоков была. Мы слабеем и все живое слабеет, но он всё возродит. Не Туманом владеть будет — Серебром живым. Ты избранный, человек. Твой род, избранный.

Волк замер на мгновение, глаза его точно потухли, заледенели. Очень тихо добавил:

— Порой надо пожертвовать самым дорогим, самым желанным, самым родным. Я принёс свою жертву, своё серебро, свою кровь отдал. Но жертва моя не бесполезная, она

благо принесёт, всему Миру, всему живому на земле.

Туман заволновался, точно ветер его колыхал, закручивал. Мгновение назад ещё чёрная, непроглядная Марь серой стала, затем дымчатой, молочной, ясно-белой, точно старец седовласый.

Яркий свет озарил, уже медленно погружающуюся в сумерки, поляну.

Звонкое, блестяще-белое серебро разлилось над лесом. Неимоверно, завораживающе прекрасно.

Туман пропал.

Волк медленно подошёл к Чемиру.

— Ступай за мной, человек.

И Чемир пошёл с ним. С чистым сердцем, пошёл. Не оглядываясь.

35

Туман плавно таял. Появились очертания леса, избы. На небе также, как и туман, таяли звезды.

Начинался рассвет.

Рядом стоял волк. Они молчали. Долго молчали.

— Этот мальчик- я?

— Ты, Макар.

— Ты знал?

— Нет. Вчера только, увидев Силу твою в Серебро превращенную, понял, что легенда сбылась.

— Легенда?

— Легенда «Про мальчика с первородной Силой». Этого мальчика выбрал Туман. Тебя, выбрал Туман. Легенда эта передаётся от Хранителя к Хранителю. Мы в неё верили, не воспринимали уже, как красивую сказку. А сказка эта, оказалась былью.

— У меня много вопросов, Русай. Но мне сейчас хочется просто побыть одному.

Макар развернулся и пошёл в сторону ручья. Ему действительно было важно сейчас остаться одному. Подумать обо всем, что показал ему Туман.

Волк стоял и смотрел в спину, уходящего человека. Пусть идёт. Пусть думает. Это его путь, его дорога, которую он должен пройти сам, от начала её и до конца.

В темном проёме окна, маячила белая головка.

Волк подошёл к двери, аккуратно толкнул её, точно стучась. Дверь приоткрылась и на пороге появился Беловук, он погладил волка, отошёл, приглашая его войти.

Волку нравился мальчик.

С самой первой встречи он привлёк его своим запахом. Станный запах, редко так дети пахнут.

От Беловука исходил запах страха, стыда, растерянности.

Запах страха, делился на два потока. Первый поток — собственный страх мальчика. Он был легкий, почти неуловимый, он уходил куда-то глубоко в Беловука. Так пах запах, который человек забывает.

А ещё был страх чужой. Вот он полностью владел мальчиком. С ним он даже не боролся, этот страх поглощал его, обволакивал со всех сторон. Навязчивый, странный, дурной запах. Он не нравился волку. Именно этот дурман давил мальчика, именно он мешал ему жить.

А ещё волк заметил, что рядом с Макаром, запах мальчика менялся. От Беловука веяло

спокойствием, облегчением и надеждой.

Русай несколько раз пытался проникнуть в мальчика Силой, заглянуть в его прошлое. Не ради праздного любопытства, помочь хотел. Но не мог. Глубоко Беловук прятал тайну свою, ни достать, ни коснуться её Силой.

Макар стоял на берегу ручья. Он смотрел куда-то вдаль, он ни чего не замечал вокруг себя, он был далеко от сюда.

Никогда ещё Сила не была так тяжела в нем. Всегда лёгкостью в душе отдавалась. Сейчас же она казалась чем-то инородным, ему не принадлежавшим.

Его не пугала ответственность, его не пугала неизвестность. Что-то другое давило и заставляло нервничать. И от не понимания, что именно его тревожит, Макар был натянут, как струна.

Он понимал, что он избранный, он понимал, что владеет не Силой — владеет Серебром. Как с этим жить он разберётся. Времени много.

«Всегда выбирай любовь»-эта фраза, сказанная в Тумане мамой, постоянно крутилась у него в голове.

Зачем сказала? Какая любовь?

Было так маетно, так тошно — до слез.

Какая любовь?

Нет её и не будет.

Было такое чувство, будто вновь переживает он ту ночь, когда Беяна сказала о своём уходе. Будто вновь на реке её беременной встретил. Будто вновь вырывает её из себя, с корнями, с мясом, с кровью.

А ещё билась одна мысль. Сильно билась, колко.

Он постоянно гнал её от себя. Прятался. Страшился даже. Но сейчас эта дума с новой силой ударила.

«Ему надо продолжать род»

Макар тихо подошёл к избе.

На поляне волк с Беловуком бегали, играя друг с другом.

Макар смотрел на них улыбаясь.

Огромный, матёрый волк бережно толкал мальчика вбок и убегал, точно малый волчонок, а Беловук не пугаясь, не страшась вожака, гонялся за ним без устали.

А потом, заметив Макара, мальчишка подбежал к нему.

Весь распаренный, фуфаечка на распашку.

— Пока в тайге снег лежит, фуфайку не снимают.

Макар присел к нему и аккуратно застегнул.

Огромные глаза, цвета липового мёда, смотрели весела, озорно. А потом, совершенно неожиданно для Макара, Беловук толкнул его назад. Макар, не удержав равновесие, прямиком угодил, в уже изрядно подтащивший сугроб. Не долго думая, мальчишка присыпал его сверху снегом и пулей сбежал к волку.

Яркое солнце слепило, но Макар не прикрывал глаза. Он лежал на снегу и смотрел на него, из глаз ручьём текли слезы, толи от солнечной яркости, толи от бессонной ночи, а может от небольшого шага навстречу, от ставшего таким близким и родным маленького мальчика.

Солнце припекало знатно.

Лес было не узнать. Деревья зеленели, трава чистая, душистая. Ещё совсем немного и лето полностью вступить в свои права.

Макар проснулся рано. Беловук ещё мирно спал на своей лавке.

Долго Макар смотрел на него.

Беловук перестал скручиваться весь, точно зародыш в утробе матери. Спал теперь чаще на спине. Смотрел, глазами своими медовыми, прямо, открыто. Кушал по другому, не вяло ложкой перебирал, наоборот, ел быстро, со вкусом.

Раньше умные хозяева работников через стол набирали. Как ест-таков в работе. Макар такого едока, как Беловук, обязательно взял бы к себе в работники.

Может и мелочи всё это, да только уверен был Макар, что оживает мальчик, расцветает, подобно природе за окном.

Макар аккуратно, чтобы не разбудить, поправил одеяло. Задержал руку над головой белой и нежно, еле прикасаясь к Беловуку, погладил его волосы мягкие, пушистые.

Глубоко вздохнув, Макар вышел из избы.

Белая ручка вылезла из-под одеяла. Легла на голову. Замерла на том месте, где только что погладил Макар. Беловук медленно открыл глаза. Лежал, смотря в потолок и улыбался.

Макара он нашёл в мыльне. Долго они чистили, скребли, да мыли её. Каждый уголок оттерли. Волк пару раз Беловука с собой забирал. Развлекал мальчика, да передышку ему давал. Потом воды натаскали.

Макару нравилось с Беловуком на пару работать. Медленнее получалось, пока объяснит что к чему, пока мальчик попробует, казалось, сам бы уже давно все переделал. Но Макар был терпелив, каждое слово и дело в пользу для Беловука. Пушай учится, пушай пока медлит.

Нет ничего лучше, чем работа выполненная тобой самим.

Лавку в мыльне сам оскреб и доволен мальчишка. И гордость в глазах его и удовлетворение.

До вечера все в делах были.

А опосля прогуляться вышли. Возле избышки бродили, в лесу в сумерках сильно-то не нагуляешься.

Так вот у одной из берёзок, на краю их поляны, Макара и скрутило.

Ощущение было такое будто в грудь кто ударил. На секунду равновесие потерял, да так и осел на землю.

Грудь нестерпимо болела, да точно заклинило там что-то, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Перед глазами аж мураши побежали, легкие огнём загорели.

Макар на колени сел, закашлялся.

Первый вздох сделал и снова сложился пополам.

Тяжелый, сильный удар пришёлся точно в живот.

Макар чувствовал металлический вкус во рту, мысли разбегались, не поймать, всё точно в киселе каком-то было. Тягучем, дурманном киселе.

Удары сыпались, казалось, со всех сторон. По голове, лицу, по спине и животу. Макар уже не понимал где он? Кто он? Одна только мысль была.

В какой-то момент, в секундную передышку от ударов, Макар выдавил из себя, то что жизненно необходимо было сказать: «В избу! Быстро!»

После этого он поломанной куклой растянулся на земле.

Беловук не понял, что случилось.

Макар шёл немного впереди, а потом упал на колени и толи зарычал, толи заплакал. В первую секунду, мальчику даже показалось, что это игра. Он во всё глаза смотрел на Макара, улыбался и во что бы то ни стало пытался разгадать правила этой игры.

Потом Макар на землю упал и начал корчиться на ней, да руками голову закрывать.

Беловук уже видел один раз такое. Сидела баба за столом и вниз ушла. Тихо, без вскрика, как провалилась под стол и билась на полу с пеной у рта. Ему тогда ничего не объяснили, но он и сам понял, что это болезнь какая-то. Не спроста так человека бьет.

И сейчас глядя на Макара он ясно вспомнил ту бабу.

Все происходило очень быстро. Беловук, как замороженный стоял, глядя на этот зловещий танец, который происходил у него под ногами.

Потом Макар еле слышно, как-то сдавленно прохрипел: «В избу! Быстро!»

Беловук всего секунду смотрел на него, а потом со всех ног бросился в сторону избы. Он бежал быстро, очень быстро. Никогда он ещё так не бегал. Несколько раз упал, зацепившись за что-то, ему даже показалось, что у него разбиты колени. Но он вставал и бежал снова.

Он пробежал мимо мыльни, мимо дома. По сторонам все мелькало от быстрого бега.

У сарайки он остановился.

Возле неё росло дерево, а к нему аккуратно палка приставлена была.

Беловук схватил эту палку и стал со всех сил бить по дереву.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Конец палки обломался и улетел куда-то в темноту. Каждый удар сильно отдавался в руки. Их сводило судорогой. Было больно, адски больно.

Но мальчик не останавливался.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Он колотил по стволу до тех пор, пока не услышал протяжный, глубокий вой.

Он резко остановился. Замер.

Вой повторился.

Отбросив палку, вернее, то что от неё осталось в сторону, Беловук побежал обратно.

Все опять замелькало, сарайка, дом, мыльня, поляна.

В какой-то момент он заметил рядом с собой бегущего волка.

Они добежали до Макара вместе.

Человек лежал на спине.

Волк подошёл к нему. Встал передними лапами ему на грудь и замер.

Совсем стемнело. Стало невыносимо холодно. Жар уходил из тела и рубашка, мокрая от пота, сильно холодила Беловука. Но он стоял. Наблюдал за Макаром и волком.

Сначала Макар почувствовал тепло в груди. Оно щекотало его, как прикосновение перышка, легкое, невесомое. Над ним склонилась Забава, сестра его средняя. Возится над ним, улыбается, а глаза страхом, да слезами залиты.

Макар резко открыл глаза. Было темно, холодно, над ним возвышался волк. Легкая дымка от него к Макару тянулась.

Макар встал. Голова слегка кругом пошла. Тело ныло, но скорей от долгого лежания на неровности земли, чем от ударов, недавно пережитых им. Он помнил всё, что с ним произошло, оттого мысли его путались, пытаясь найти объяснения всему этому.

Макар снял себя фуфайку и надел на мальчика. Тот дрожал, точно лист на ветру. Аккуратно взяв его на руки, Макар пошёл к избе. Волк, не отставая, следовал за ними.

— Переоденься и к печи греться, — сказал Макар Беловуку.

Тот мигот побежал исполнять слова Макара. Сам хотел быстрее скинуть с себя холод. Макара подбросил в печь дрова.

— Испугался? — присев к мальчику, спросил Макара.

Испуганные, огромные глаза смотрели на него, и не надо было слышать ответ, чтобы понять, что испугался, очень сильно мальчишка испугался.

— Посмотри на его руки, — раздался в голове Макара, голос Русая.

Макара взял руки Беловука. Все ладошки его были в занозах, некоторые кровоточили.

Макара быстро налил в таз воды, аккуратно, чтобы не причинять боль, смыл грязь и начал вытаскивать занозы.

Пока Макара трудился, волк заговорил вновь.

— Что произошло, Макара?

Макара посмотрел на волка, а потом перевёл взгляд на Беловука.

— Беловук. Много странного и не понятного творится во круг тебя. Я честен с тобой и должен сказать тебе ещё кое-что. Совсем недавно я стал понимать волка. Мы можем говорить с ним. Разговор этот не обычный, он происходит у меня в голове. Я понимаю, звучит это странно, но это правда. Понять это не возможно, просто прими это, — Макара, помолчав не много, продолжил. — Я сейчас с ним говорить буду. Понимаешь, о чем говорю, Беловук?

Мальчик один раз ударил по лавке.

— Вот и славно, Волчонок.

Макара подмигнул ему и посмотрел на волка.

— Это была наша особенность, наше предчувствие. Точно знаю, что это оно. Только вспомни, всегда внутри все происходит. В душе нашей, но сегодня все было по другому. — Макара замолчал, а потом тихо добавил. — Привкус крови чувствовал.

Волк встрепенулся.

— Значит, родной. — сказал Русай.

— Нет. Другое это. Не знаю, как объяснить, Русай, но не кровный человек в беде. Нет. Близкий, возможно очень близкий, но не родной.

Волк уставился куда-то в темноту угла и замер.

Макара обработал руки Беловука и уложил его спать.

— Как он руки поранил? — садясь рядом с волком у печки, тихо спросил Макара.

— Он бил по дереву.

— Зачем? — не понимал Макара.

— У нас уговор с ним. Если помощь нужна, он должен ударить по стволу дерева, того что у сарая растёт. Я в то дерево Силу влил. Одного стука достаточно, чтобы я его почувствовал, а Волчонок твой, колотил так, что палку в щепки превратил. От того и руки все в занозах.

— Это как же вы договорились? — внимательно посмотрев на волка, спросил Макара.

— Знаешь, иногда не надо говорить, чтобы понимать друг друга. У тебя умный и смыслённый мальчик, Макара.

Волк встал и направился к двери.

— Постарайся заснуть, Макара. Думы думать завтра будем.

Но Макара так и не заснул этой ночью.

Кому ж так плохо было? Ближнему, очень ближнему человеку.

Макара чувствовал волка. Тот тоже всю ночь кругами во круг избы ходил. Также не

заснул, тоже встревожило его предчувствие Макара.

Только Беловук, вытянувшись во весь рост и раскинув руки, спокойно спал у себя на лавке.

37

С самого утра, Макара вновь коснулось предчувствие. Странное, не понятное.

Мягко на душе, ровно, а что-то свербит.

На лавку сел, прислушался к себе. Слушал. Долго слушал. Да понять не мог. Тук-тук-тук, тук-тук-тук. Точно стучится что-то внутри.

Беловук рядом возился, строгал что-то. Потом по плечу Макара постучал, тук-тук-тук. «Три раза — помощь просит» — мелькнула мысль.

Макар медленно на плечо своё посмотрел, куда только что мальчик тыкал. Тук-тук-тук. А потом мысль мелькнула, неужто зовёт его кто, тоже в помощи нуждается.

К обеду маетно стало Макару. Точно рыба на крючке, тянет его что-то. А к вечеру вообще невоготу стало. Казалась, что уже и по имения его кличут, зовут.

— Вещи собери. Завтра рано разбужу. В деревню пойдём, — сказал Макар, Беловуку.

Легли рано. Макар почти и не спал ночь, всё думал, кто ж так видеть его хочет и главное, зачем. Самое страшное надумал, потом уже и сон пришёл, а Макар его гнал, боялся проспать.

Едва рассвело, вышли.

Макар не мог идти быстро, мальчишку жалел. Не бежать же ему за ним всю дорогу.

Вспомнил, как его предчувствие к матери гнало. Сейчас другое было, но Макар шёл и каждое слово молитвы в шаг вычеканивал.

Беловук притих, чувствовал что, что-то происходит с Макаром. Ни разу за всю дорогу не остановил его отдохнуть. А Макар и не думал о нем, забыл о мальчишке.

Когда к деревне подошли, Макар повернулся к Беловуку и спросил:

— Дом отца моего найдёшь?

Беловук уверенно в грудь себе один раз стукнул. И это был сигнал для Макара. Уже не оглядываясь он рванул по деревни.

Забежал во двор. Тихо. В дом ввалился, тоже тишина. У Макара, как оборвалось что-то внутри. Страх застилал глаза, мешал думать. Макар, как полоумный по дому шатался. Все углы проверил. Пусто. На двор вышел.

Вдруг в стайке брякнуло что-то. Макар резко развернулся. На пороге стоял отец. Макара, как водой окатили, холодной, колодезной. Всё в душе расцвело. Живой, а он уж и похоронил его.

— Ты звал? — спросил Макар.

— Я.

— Напугал ты меня, тятя. Думал, худо тебе.

— В молельный дом иди, Макар. Прямо сейчас, — жёстко, не отрывая взгляда от сына, приказал отец.

Макар внимательно посмотрел на него. Редко он его таким видел. Отец всегда когда злился ещё чернее, становился. Вот и сейчас стоял он чёрный, суровый. У Макара по спине холод прошёл. Не зря ведать звал, случилось что-то.

— Беловука накорми, — тихо сказал Макар.

Развернулся и быстрым шагом пошёл в молельный дом.

Всегда считалось, что деревня начинается с реки, а конец её в лес упирается. Вот и

получалось, что молельный дом стоит первый, на небольшом пригорке.

Макар дошёл до него быстро, не останавливаясь и не обращая внимания на косые взгляды, мазавшие его спину.

Макар зашёл в дом и остановился в сенях. Сквозь закрытую дверь был слышен голос старосты.

Наставлял он кого-то там. Макар внимать-то не хотел, то что не для его ушей было, да только староста, хоть и был стар, да голос имел зычный и слышать его было хорошо.

— Какой бы ни была твоя семейная жизнь, но самовольный уход из неё — грех великий. Знаешь ведь, что после этого нет тебе жизни в деревне нашей. Страшный и тяжкий поступок совершил муж твой. Так оно и есть. Он получит своё наказание и от нас и от Бога! Да только простить ты его должна, Беяна.

— Ещё раз вторю вам. Нет жизни мне с ним и не будет. То что он сделал, никогда не прощу.

Макар замер и пошевелиться боялся. Беяна!!! Там сейчас была Беяна!!! С ней беда ради неё отец достучаться до него пытался.

— Ни кому не нужна ты. Родители и те отвернулись. Как жить будешь? Где? Кому нужна ты, несчастная?

— Мне нужна!

Макар стоял в дверях. Огромный, красивый. От него волнами исходила Сила, казалось дышать, стало трудно в молельни. Чёрные кудри буйной копной закрывали его лицо. А сквозь них горели глаза, прожигая всех своей неистовой Силой.

Староста и Беяна молча смотрели на него, как на видение какое. А он не смотрел ни на кого, да и не видел он никого кроме неё, кроме Беяны.

Мгновения хватило чтобы увидел он и глаза её серые печальные, и ссадины на лице, и припухший нос, и обкусанные губы. Всё увидел, всё заметил, всё понял. И так худо стало. Впервые, захотелось по-настоящему владеть Силой. Разнести здесь всё, за слезы её, за печаль.

Макар молча подошёл к ней.

— Остановись, Макар! — как-то устало сказал староста. — Не развестись Беяне с Мирославом. Не будет она женой тебе перед Богом. Во грехе жить будете?

Потом посмотрел на Беяну и добавил:

— Страшное творишь, баба. Али забыла что в писании сказано? Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.

— Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, любящий свою жену любит самого себя, — тихо вторил ему Макар, потом взял Беяну за руку и вывел из молельного дома.

Никто не остановил, никто слова не сказал.

До дома отцова тоже шли молча. Она крепко держала его руку, шла уверенно, не обращая внимания ни на шёпот за спиной, ни на осуждающие взгляды. Многие переходили на другую сторону, точно как от болезных шарахались.

Когда на двор зашли, Беяна к калитке прислонилась, руками лицо закрыла:

— Господи, тошно-то как.

Макар медленно руки отвёл, по ссадинам пальцами прошёл.

— Макар. Мне сказать тебе много надо.

— Ты когда спала последний раз? — тихо спросил он.

Беяна грустно улыбнулась:

— Давно спала. Сильно видно, да?

Макар тоже улыбнулся и кивнул ей.

Они стояли и смотрели друг на друга. Молча. Не прикасаясь.

Было странное чувство покоя.

Как долгая, затяжная хвороба покинула тело. Вышла из него и вот оно задышало, расслабилось.

Как он жил без неё? Мягкая точно пух. Нежная и такая желанная.

Макару хотелось снять с неё шашмуру с платком. Распустить её волосы, чтобы снова увидеть туман над её головой.

Любовь. И взаправду, мелкое это слово, не выразит оно все, что чувствуешь.

В дом её отвёл. Отец кружку подал:

— На, Беянушка, пей. Дремуха это. Успокоит и усыпит с хорошим сном. Олеля у Забавы, приглядит, не волнуйся. Бог с тобой, родная, отдыхай.

38

На двор вышли. Сели на крыльцо и отец тихо заговорил:

— Пришёл я с утра, печь протомить, в дом твой, где с Беяной жили. А из трубы мыльни дым валит. Хотел было войти, а тут Забава выскакивает. Таз в руках, а там тряпье кровавое бултыхается. Меня, как поленом по голове огрели. Стою, смотрю на неё во все глаза. Она меня сначала и не заметила. Не ожидала ведь, а как увидела, посерела вся, тоже стоит, смотрит.

У меня в голове только одна мысль, Макар была, спрашиваю: "Неужто, грех на себя взяла, Забава?"

Молчит. Съёжилась вся и глазищами на меня своими чёрными сверкает, точно зверёныш загнанный.

А я не отстаю: "Неужто намеренно дитё скинула?"

Говорю это, а сам не верю, что девка моя, от чада своего избавляться будет. Но только другого-то ничего на ум и не приходит.

А она молчит, точно немтырь какой.

"Забава! Если помощь нужна, только скажи. Я за сёстрами схожу. Только не молчи. Слышишь"

Уже и грешная мысль родилась, помочь ей скрыть-то это. Ежели узнают беда страшная будет.

Потом слышу в мыльне возится кто-то.

Забава подобралась вся, дверь в мыльню собой закрыла: «Не заходите. Беяна там»

Я даже рот не успел открыть, а она тихо зачастила.

«Ночью стук в окно. Деян, сами знаете, не дома сейчас, я испугалась сначала-то. Лежу, думаю, показалось. Опять стук и тишина. Я выглянула и обомлела вся. Олеля стоит. Я на крыльцо выскочила, а она в рубашечки ночной и дрожит вся, точно рябь на воде. Сказать, что-то пытается, да только вздохи судорожные из неё выходят. В дом её завела, водой отпоила. Она в меня вцепилась и говорит: «Тятя мамку убил».

Смотрю на неё и не верю. В голове-то не складываются речи эти.

«Мамка на дворе лежит. Помогите нам»

Толком ничего из неё не вытащила больше. Разбудила Голубу, наказала горячим Олелю накормить, да спать чтоб ложились. Сама к Беляне побежала.

Она и вправду на дворе лежала, отец. У рубахи весь подол в крови. Лицо разбито.

Я так испугалась, пап, что стояла над ней и пошевелиться не могла. Как льдом сковало. Головой понимаю, что делать надо что-то, а ни пальцем не пошевелить. Потом, как схлынуло всё. Мысли быстро забегали. За плечи её трясла. А она точно не живая лежит. Холодная вся. Ночи-то какие! А она на земле, в одной рубашке. Грешным делом и впрямь подумала, что покойницу тереблю.

Потом к груди её прильнула, дышит. По щекам пару раз хлестанула. Она как схватится за меня и по сторонам, как ошалелая оглядывается. Про Олелю спросила. Успокоила её, что у меня она, спит поди уже.

А она одно твердит: «Уведи меня, Забава, куда хочешь, но схорони»

Я говорю от кого хорониться-то будем? А она: «Всё скажу, только уведи»

К себе хотела вести, а она уперлась: «В дом наш старый отведи. Там искать не будет».

Вот мы и пришли к Макару. В мыльню зашли. Я затопила. Думала помыть её и чтобы согрелась. И тут скрутило её, отец. Занеслась она. Месяцев шесть, говорит, по её расчетам.

И, в общем. Даже не знаю, как говорить вам такое, отец. Но не будет у неё теперь ребёночка этого. Ребёночек этот в тазу вот в этом.

Сейчас она там, в мыльне. Оправляется»

Забава опёрлась спиной о дверь. Видно не просто им эта ночь далась-то.

«Не уж-то, Мирослав её так?»

Забаву аж передернуло, от имени этого: «Мирослав. Он не раз на неё руку-то поднимает. Скрывала Беляна, молчала. А когда на Олелю замахнулся, тут уж не стерпела. Да только, что баба, супротив мужика сделает. Он, говорит, озверел. Сильно бил её. Как Олеля убежала, да как на улице оказалась не помнит. Вы, отец, за братьями сходили бы. Он искать Беляну будет»

Я, Макар, за всю свою жизнь не то что бабу, мужика не ударил. Это ж каким надо быть человеком, чтобы на ребёнка и жену свою руку поднять. Да с такой жестокостью, да со всей своей силой мужицкой. Говорю тебе и стынет от ужаса и не понимания всё внутри.

Я за Яроликом и Дарьяном ходил. И не зря ходил. Заявился Мирослав.

Что, рот его скверный, говорил там, сказывать не буду. Да только столько желчи и злобы мы вкусили, что век не отмоемся.

Что бы там не говорили и как не наговаривали на Беляну, а мое мнение такое. Верно девка сделала, что ушла. От неё и родители отвернулись и деревня вся. При живом муже, одной жить, сам знаешь, не было такого и быть не может. Грех великий это. Да только верно она сделала.

Сам понимаешь, взять я её в дом свой не могу, да и на улице оставить, как? И коли ты и впрямь к ней чувствуешь, то что сказывал мне, поступишь правильно. От того и звал тебя.

Макар слушал молча. Каждое слово тяжелым камнем падало в него. И тяжесть эта дурманила голову. Злоба и ненависть притупляла ум. Хотелось только одного, уничтожить, разрушить Мирослава.

— Макар. Посмотри на меня, — от куда-то из далека доносились слова отца.

Сила, одурающая, помрачающая рассудок, наполняла Макара. Но он уже давно научился сдерживать её. Да и не нужна ему была сейчас Сила. Он сам хотел идти к Мирославу. Без помощи, без Силы. Один.

Макар встал, не обращая внимания на речи отца, на руки, удерживающие его, на скулёж собак, охотничьи собаки всякого зверя брали, а от Макара в будки забились. Все мимо него прошло.

В тишине с крыльца сошёл, все точно в тумане было, густом, вязком, кровавом, в таком звуки все пропадают. Тишина оглушала, давила на уши, точно выдавливала из Макара все мысли, все желания, всю жизнь.

— Тятя!

Крик раздался в звенящей, зловещей тишине, а может это и не крик был, а шёпот, не понял Макар. Только звук этот, хриплый, не знакомый, но такой родной будто по рукам и ногам его связал. Застыл Макар точно в болоте увяз.

— Тятя!

В спину врезалось тельце, детское, костлявое. Ручонки вокруг Макара обвилились, держат крепко, точно жизнь от этого зависела. Отпустит и смерть.

Макар оцепенел, и волна по всему телу прошла, жаркая, колкая.

Обернулся он, на колени рухнул, точно из-под ног его землю выбили. Заглянул в глаза, цвета липового мёда, большие, испуганные глаза. По щекам белым, прозрачным, слезы текут, как горошины крупные, с ресниц свисают и вниз падают.

Макар крепко сжал Беловука, к себе прижал, точно жизнь от этого зависела. Отпустит и смерть.

Мальчик прижался и куда-то в шею, еле слышно выдохнул: «Тятка»

Сын, сыночек! Господи пути твои неисповедимы. Ведь уже и не мечтал слово это услышать: «Тятка». А тут мальчишка немтырь его мне нашептал.

Тихо подошёл отец, руку на плечо Макара положил, мягко сжал.

— Чем помочь тебе, Макар?

— Рядом просто посиди, тятя.

— Посижу, сын, посижу.

Так они и сидели, все трое, посреди двора, крепко друг друга обнимая.

— Умягчи злыя сердца наша, и напасти ненавидящих нас угаси и всякую тесноту души наша разреши. Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от нас.

На ночь Беяна ушла к Забаве.

Макар стоял и смотрел ей вслед.

Она медленно шла по двору, отворила ворота и тихонько их закрыла.

Он вспомнил момент, когда она также когда-то аккуратно прикрыла за собой ворота, уходя от него навсегда.

Много времени прошло. Много всего изменилось. Большие перемены произошли с ним самим, но одно осталось неизменным. Никогда Макар не переставал её любить. Чтобы не случилось, всегда она у него в сердце была, всегда.

И сейчас Макар смотрел на закрытые ворота спокойно. Твёрдо веря, что все будет хорошо.

Рядом стоял Беловук. Его маленькая ладошка крепко сжимала руку Макара.

Он перевёл взгляд на мальчика и улыбнулся ему.

— Пойдём спать, Волчонок, а то ты уж носом окуней ловишь. «Ляг да усни; встань да будь здоров! Выспишься — помолодеешь» так Русай наш всегда говорил. Пойдём, Волчонок, пойдем.

Спали они сегодня крепко, точно маковой воды напившись.

39

Утром Макар первым делом в молельный дом пошёл. Не привык от дел прятаться. Всегда любил когда ясно всё и понятно.

Староста сидел за столом уставший, взъерошенный, точно ночь ему не сладка была.

— Не сдую я с тобой разговор, Макар, — устало, глядя на него исподлобья, сказал староста. — Только не далече Мирослав ушёл. Позже заходи.

— Мне о Беяне с вами разговоры не о чем вести. То уже только наше с ней дело. Будет добро — завтра же с ней и Олелей в лес уйду.

— А если одумается, да к мужу законному вернётся?

Макар посмотрел на старосту прямо и открыто, ни чем себя не выдал. Плечи расправил, а на них будто железо повисло. Ворот рубахи развязал, а внутри холодом все стянуло. Пошевеливаться невозможно, от каждого вздоха ещё холоднее становилось.

— Отпущу, — тихо и уверенно сказал Макар.

— Отпустишь, Макар, — также тихо и твёрдо сказал староста. — К вечеру их двоих на разговор позову. Нечего мне с ними по отдельности разговоры вести, пусть сами друг другу в лицо все скажут. Я, Макар, до последнего семью соединять буду. Самое главное в жизни любого человека-семья и дети. И долг мой перед всеми вами важное это сохранять.

Староста налил себе воды, долго и жадно пил.

Редко его Макар видел таким. Уставшим, задумчивым и даже растерянным.

— Зачем пришёл, Макар?

— Вы мужиков в Осиповку отправили насчёт Беловука узнать?

Староста внимательно посмотрел на Макара, прищурился даже, чтобы лучше его лицо видеть.

— Избавиться хочешь, али прикипел?

Макар опустил голову и тихо, как-то обреченно ответил.

— Прикипел.

— Рано пташечка запела, рано, — староста постучал по столу костяшками. — На днях вернуться должны. Пять дней назад я отправил Немира с двумя мужиками нашими в Осиповку. Вот и считай, к пятнице должны вернуться.

— Я дождусь их. Только мне сначала скажите какие вести принесли. С мальчиком я сам разговаривать буду.

— Не волнуйся, Макар. Твои ворота будут первыми у меня на пути.

Макар поклонился старосте и направился к двери.

— Иметь сердце, Макар, это великий дар. Доверься ему. Для него законы не писаны. Ему все подвластно. Только оно подскажет правильный шаг. И это я сейчас не про Беловука говорю. Иди, сынок, и не оглядывайся.

Макар замер в дверном проеме, спиной старосту слушал. Когда тот замолчал, не сказав ни слова, вышел из молельного дома.

Макар обошёл дом и встал лицом к лесу. С пригорка, на котором стоял молельный дом, открывался изумительный вид. Большая поляна, речка, точно лента атласная вьётся, и лес. Молодой, изумрудный лес.

Макар вплёл в Силу послание для Русая и тихонько толкнул его в эту красоту. Волк получит его, Макар не сомневался.

— Видишь, как все получается, Макарушка.

Для Макара слова эти не стали неожиданностью. Он её давно почувствовал, хоть и тихо шаркала Вецена, как легкий ветерок не уловима.

— Живут все в мире, живут все в дружбе. Все соседи друг про друга знают, а самое главное проглядели. Неужто за каждым окошком горе живет, а мы его не видим. А почему, Макарушка? Может просто не хотим видеть. Может просто так удобнее жить. Ведь если уличить, так это признаться надо, что в окошко это тайком заглядывал. Я в каждую щель гляжу, во все приоткрытые ворота нос свой сую, ко всем шорохам прислушиваюсь. Думаешь, для интереса праздного? Нет, Макарушка. Я беду хочу увидеть. Поймать её окаянную. А вот Белянушкино горе просмотрела. Стара стала. Стара, Макарушка.

Макар повернулся к Вецене. Тот же синий платочек, глаза белесые, точно выцветшие. Только что-то изменилось в ней. Чувствовал это Макар, а понять не мог что.

Молча подошёл к ней и приложил ладонь к груди. Приложил и аж дух занялся.

От Вецены шла вибрация, мощная, жуткая. На мгновение показалось, что и рука Макара содрогается под ней. Он медленно перевёл взгляд с ладони на бабуку.

— Ты знаешь? — спросил Макар, а потом увидев глаза её, уже утвердительно добавил. — Ты знаешь.

— Знаю и ведаю о чем ты думаешь, Макар. Я тебя, с Силой твоей и на малый шаг к себе не пропущу. Хватит! Полечили однажды. Я этого момента, Макар, век ждала. И с великой радостью глаза свои закрою.

Макар смотрел на маленькую, сморщенную старушку, а видел дух её, видел силу её.

— Желание с тебя стробовать хочу. Исполнишь мое желание, Макар?

— Говори.

— Не время пока. Пообещай, что исполнишь.

Макар не любил это. Ребячество какое-то. Как можно пообещать того, чего не знаешь. От того стоял и молчал. И Вецена стояла и молчала. Уперлась на него своими глазами бесцветными и молчала.

Сила легонько толкнула Макара, шевельнулась, точно погладила, за бабуку прося. Сдался он.

— Обещаю, — глубоко вздохнув, сказал Макар.

Бабука заулыбалась, довольна была обещанием этим. Отошла в сторонку, путь Макару освобождаясь.

— Я конец истории твоей знаю. Шепнуть?

— С речами этими к другим иди. Я сам свою историю прожить хочу, без указки.

Помни обещание своё. Скоро за желанием приду. Жди, Макарушка, жди.

40

Весь день Макара тянуло к Беляне.

Казалось, куда проще, зайти к Забаве, и увидеть её. Но Макар держал себя, изо всех сил держал. Не хотел он до разговора её вечернего, совместного с Мирославом, видеть. Не правильно это. Беляна должна сама разобраться в жизни своей. Поставить точку и сама должна прийти к нему.

Не потому что гордость его мужская того хотела, не думал он и о том, что если сама ушла, то и вернуться сама, первая должна. Нет! Не поэтому. Макару, казалось, будет правильно, если Беляна сама решит, без давления и спешки с его стороны. Сама решит и придёт.

Вечер начался маотно. Перед глазами так и стоял дом молельный, староста, Беляна,

Мирослав. О чем говорить будут, и самое главное, к чему придут.

Тихо ворота скрипнули, Макар встрепенулся весь, на крыльцо вышел.

К нему бежало маленькое чудо. Глазища, как смородина спелая, на голове чёрные, не покорные кудри, в тугие спирали сворачивающиеся. Ни дать ни взять — Лапинская порода. За версту видно свой, родной.

Макар подхватил крестника своего.

— Когда последний раз видел тебя, Макарушка, ещё и не ходил ты. А теперь богатырь стал, чуть с крыльца не своротил дядьку своего.

Макар поставил мальчика на крыльцо, а сам в два шага рядом со Светозарой оказался. Так прижать её хотелось, так стосковался по ней.

— Познакомься, Макар. Это Всемила.

Имя это такой сладостью в сердце отозвалось. Макар заглянул в свёрточек, который Светозара держала.

Малышка спала. Бровки, реснички светлые. Щеки тугие, розовые. Таких на деревне «пузырь» называли.

— Не чернявая, — разглядывая малышку, сказал Макар.

— Светленькая.

— Ты такая же, Светозара, была. И мама такой была.

— И характер, как у мамы. Уже веревки крутит.

Подошёл отец, забрал свёрточек и в избу снёс.

Сейчас все придут. Очень соскучились мы по тебе Макар, очень.

Позже все и собрались. Яролик, Дарьян, Чаруша, Забава и Светозара. Пришли с мужьями и жёнами, со всеми детьми.

Десять сорванцов по двору бегало, одиннадцатая у Светозары на груди висела. Беловук — двенадцатый. А тринадцатой Олеля была. Беяна её в молельный дом не взяла, так не одну же девчонку дома оставлять, Забава и её прихватила.

Шумно было и в избе и на дворе.

Макар часто к окошку прилипал, все за своего Волчонка волновался, как впишется он в эту сплоченную ораву. Но ни чего. Сначала всё у дровяника терся, потом, осмелев, гонял со всеми.

За столом все наперебой с Макара требовали рассказать, как он, какие планы дальше.

— Да, что рассказывать-то? Много ли в лесу новостей? Как вы тут живете-можете? Вы слово и держите, — только и приговаривал Макар.

— Тягать, а расскажите, как Макар коров боялся, — весело предложила Чаруша.

Все так и прыснули, уж больно все любили, когда отец им про детство их рассказывал.

Чаруша всегда первая эти разговоры начинала. За воротами тиха была, слово не вытянешь, а в семье самая хохотушка, да задира.

Отец тоже улыбнулся, на Макара посмотрел, прищурился.

— А помните, как Яролик в болоте утоп, — вставила, сквозь смех Забава.

— Помню, — просмеявший сказала Чаруша. — Забегает Дарьян, глаза огромные, губы трясутся и говорит не своим голосом: «Яролик в болоте утоп». Мама на дворе готовила, да так полный чугунок похлебки и слила на землю. Мы все, как вкопанные встали, как столбики замерли. И тишина такая, что слышно, как комар пищит. И заходит утопленничек наш. Мокрый весь, няшка болотная на нем, в волосах трава.

— Помним, помним. Потом неделю сидеть не могли. Да, брат? — толкнув Дарьяна,

отозвался Яролик.

— А как водой колодезной себя на спор обливали, помните?

— Это я помню, — напустив на себя суровый вид, сказал отец. — Потом все с жаром лежали. И отругать-то было не кого.

— Не все, — тихо добавила Светозара.

— Да, ты просто маленькая была, до колодца дотянуться не могла, — потрепав за щёку Светозару, сказал Макар.

— А помните, как мы все Макара боялись? Думали, что он волк, — залилась звонким смехом Чаруша.

Макар замер на секунду. Улыбка медленно с его лица стекла.

— Почему волк? — тихо спросил он.

— Встретила Чаруша как-то бабку Вецену, — начала Забава.

Вдруг с полки чашка упала, на мелкие черепушки разлетелась. Все аж вздрогнули дружно. А Всемила маленькая, так и зашлась плачем. Спала она крепко, да звук резкий напугал малышку.

— Тише, пузырь, тише, — тихонько зашептал ей отец и отошёл убаюкивая внучку.

Светозара пошла за веником, а Забава продолжала.

— Так вот. Вецена ей и говорит: «Как ваш волк поживает?». «Какой волк?» — недоумевают Чаруша. А бабка Вецена улыбнулась и шепнула ей на ушко: «Макарушка ваш — волк». И пошаркала себе дальше. Чаруша домой прибежала и рассказала нам. Мы, Макар, за тобой два дня следили и днём и ночью. Дежурство даже устанавливали, всё поймать тебя хотели, на делах твоих волчьих.

— И ведь поверили! Да? — качая головой, сказал Яролик.

Все дружно засмеялись. Даже отец смеялся. А Макар напрягся чуток. Вот языкатая баба, зачем спрашивается такое сказала.

— Посмеялась тогда бабка Вецена над нами, — утирая проступившие слезы, сказал Дарьян.

— А помните грозу! — спросила Светозара. — Я такой грозы больше и не помню. За всю жизнь свою никогда такого не видела.

— Мы с речки бежали. От забора до забора. Молнии прямо в пятки были, — подтвердил Яролик.

— Только это не смешно, Светозара. Это страшно было. Жуть какая-то, — добавила Чаруша, поёжившись.

— Да, страшно. Но я это запомнила на всю жизнь. Секунда и нет тебя. — тихо вставила Светозара.

— Но смешных моментов было больше. Да? — обнимая Светозару, спросил Макар.

— Да! Хорошо жили, весело, — как-то грустно сказала Светозара.

— А сейчас тебе, что плохо живётся? — спросил отец.

— Не плохо, тятя. Хорошо живётся. Но порой смотрю на детвору нашу и тоже так хочется с ними побегать.

— Так бегай, — улыбнулась Чаруша. — Я бегаю, когда никто не видит.

Все посмотрели на Чарушу и прыснули от смеха. Никто и не сомневался, что она бегают, во ей — Богу, не сомневались.

Долго они сидели в доме отцовом. По домам расходились по темноте уже.

Макар счастливый был. До одури соскучился по всем. Насмотреться, надышаться,

наслушаться родными не мог. Отпускать не хотел, да дети уже на лавках должны были лежать, а родители всё чаёвничают.

Беловук тоже счастливый был. Хоть и хорошо ему было с Макаром в лесу, но столько живого, детского общения Макар ему дать не мог.

Заснули, только голова лавки коснулась.

41

Утро в деревне, сильно отличалось от лесного утра.

Собаки лаяли. Петухи кричали. Звякало всё вокруг, стучало, мяукало.

В лесу тоже свои звуки были, но были они нежнее что ли, естественней.

Макар проснулся поздно. Редко так долго бока давил.

Беловук на подоконнике висел, в окно уставившись.

— Доброго здоровья, Волчонок. Давно встал? — приоткрыв один глаз, поприветствовал его Макар.

Беловук вздрогнул всем телом от неожиданности и резко повернулся к Макару. Глаза горят, улыбка на пол лица.

— Пришла, — тихо, одними губами, прошелестел мальчик. — Она пришла.

Макара, точно ветром с лавки сдуло. Как дурной по избе забегалодеваясь.

Запах её, тепло её, быстро бьющееся сердечко, все чувствовал Макар, всё слышал.

Она пришла. Сама.

Макар остановился на мгновение.

Закралось сомнение, а может не остаться пришла, а пришла чтобы вновь уйти?

Отогнал мысль непрощеную и вышел на крыльцо.

Беяна стояла спиной к нему, с отцом о чем-то говорила. Потом, толи его почувствовав, толи скрип двери услышав, медленно повернулась к Макару.

Тишина навалилась со всех сторон. Сила тонко заныла и к Беяне потянулась. Не заметил Макар, как отец со двора пропал, как Беловука с окна сдуло. Только Беяну видел, только ей дышал.

Подошёл он к ней, очень близко подошёл. Не простительное, малое расстояние. На таком с чужой бабой не стоят, да, только не чужая она ему, совсем не чужая.

Они долго молча смотрели друг на друга, будто изучали, привыкали друг к другу заново. Глаза её медленно поволокой покрывались, сморгнёт и капли по щекам побегут.

— Столько сказать хотела, — прошептала Беяна. — Столько мыслей было. И где они?

— Может и не надо ничего говорить, — так же тихо, предложил Макар.

— Надо, — твёрдо сказала Беяна. — Я, Макар, только за одно прощение у тебя просить буду. Что боль тебе причинила. Шибко больно тебя было, знаю. Но за жизнь свою с Мирославом и семью нашу — извиняться не буду. От союза этого, самое дорогое у меня появилось, Доченька моя появилась. И извиняюсь за брак с Мирославом, получается извиняюсь я за её рождение. Будто стыдно мне и противно, что появилась она на свет. Господи! Всё пугается.

— Понимаю я, Беяна, понимаю, — перебил её Макар, а потом прибавил. — Шепнула мне бабка одна, слова верные после ухода твоего: «Не смей винить, да дурного желать бабе, которая дитё выбрала. Ты, Макар, счастья бабе пожелай. И гордись силой её». И я желал, каждое мгновение, счастья тебе желал.

— Олеля — всё для меня Макар. Она мой воздух. Сможешь чужое дитё полюбить? Сможешь, глядя на неё, не вспоминать ни о чем?

— Смогу, Беяна, — твёрдо ответил Макар.

— Ты понимаешь, что во грехе жить будем? Не разведут нас с Мирославом. Не простит и не примет нас деревня.

— Любовь-это не грех, Беяна. Здесь не останемся, через пару дней в лес уйдём. Согласна?

— Согласна, — прошептала она и прильнула к нему ласково.

Макар обнял её крепко, точно боялся, что пропадёт, как видение растает.

— Ты же понимаешь, что теперь я тебя никогда не отпущу.

Она закивала головой и сильнее вжалась в него.

42

Прошло два дня.

Тишина была от старосты. Не вернулись ещё мужики из Осиповки.

Неведение это тревожило Макара. Ждать — это самое трудное, особенно когда от тебя ничего не зависит.

Макар честно Беловуку сказал, что из Осиповки вестей о нем ждёт. Мальчик внимательно выслушал и побежал по делам свои детским. Ни на мгновение ни испуга, ни радости от встречи с родственниками не было.

Странно это Макару показалось, но он не стал выпытывать у Беловука ничего. Придёт время, придут новости, вот и поговорят.

Всё это время, Макар Беяну не видел, решили они не маячить на людях. Не к чему это, злить, да разговоры пустые рождать в них.

Хорошо было на душе у Макара, вот решить ещё благополучно дела с Волчонком и мир в душе тогда его будет. На долго, навсегда.

За полночь уже перевалило, когда Макар почувствовал зов. Тихо, но настойчиво звали его по имени.

«Макарушка...Макарушка...»

Макар привстал. На отца, да Беловука глянул. Спят мужики сном богатырским.

И опять раздалось:

«Макарушка...Макарушка...»

Макар на двор вышел.

Тихо, мирно было. Деревня спала, как и изба его, крепко и спокойно. Только, на секунду показалось, будто скребется в ворота кто-то.

Бабка Томила всегда в детстве всем внукам своим говорила: «Никогда ни дверей, ни ворот не отворяй, когда будто кажется тебе, что стучат туда. Остановись, прислушайся, коли показалось, отойди и забудь. То дурнота в дом твой рвётся. Откроешь, а на пороге никого. А она под ногами шмыгнёт и заселится у тебя и беды творить будет».

Макар никогда в суеверия всякие не верил. Мать всегда говорила: «Живых надо бояться, а не мертвых»

Макар аккуратно Силу выпустил, слух напряг. И впрямь, не один он в спящей деревни мается. Стучит за воротами сердечко-то, значит, живой просится.

— Да, отомри ты, окаянный. Тут под воротами и помру, коли непустишь.

Макар сразу узнал голос. Вот ведь баба, и ночью покоя от неё нет.

Вецена стояла у ворот и улыбалась ему.

— Желание требовать пришла.

Макар даже опешил.

— А до утра оно не сдюжит? — удивленно спросил он.

— Оно сдюжит, а я нет.

— Ну, говори, — устало сказал Макар.

— О нем здесь просить нельзя, — оглядываясь по сторонам, прощуршила Вецена. — Иди за мной, Макарушка, иди.

И зашаркала к лесу. Ни разу не оглянулась, словно уверена была, что идёт Макар за ней. И он шёл. Ругая себя и её — шёл.

Рот её ни разу не закрылся пока до леса шли. Обо всем узнал Макар, и у кого кошка окотилась и у кого глаз дурной. В какой-то момент, Макар просто выключил её голос в голове у себя. К чему всё это ему?

— А теперь слушай, Макар, — толкая его в бок, сказала Вецена. — Теперь для твоих ушей важность скажу.

Вецена остановилась, привалилась к дереву, дышит. Макар удивился. Ему почему-то даже не подумалось, что устать бабка может. Всегда, как помело по деревне шатается, без усталости, без передышки. Только к вечеру в избу свою возвращается.

— Может присядем. Отдохнём, — предложил Макар.

Она зыркнула на него глазом свои бесцветным, платочек синенький поправила и дальше потопала.

— Вчера ко мне Белянушка твоя приходила. Травку просила, от бед её женских. Не бесследно для неё ночка та страшная прошла. Дала я ей травы нужной, да только не поможет она ей. Ты, Макар, сам бабу свою подлечи. Ей сейчас настоящая Сила нужна, а не травки мои. И ещё, — Вецена остановилась и внимательно, даже как-то серьезно на Макара уставилась. — Ты Беляну побереги, Макар. Не живи с ней сразу. Ей время надо, восстановиться баба должна. Понимаешь, о чем говорю-то?

— Понимаю, — тихо отозвался Макар.

Что он, зверь какой, на неё кидаться сразу. Сам понимал всё. Даже задели слова бабки.

— Нос не вороти и злись, Макарушка. Это хорошо, что сам понимаешь. Ну, сказать должна была. О таком молчать нельзя. Ну, да ладно. Пришли уж.

Макар огляделся. Они остановились на поляне. Не большая такая, ничем не примечательная, таких полян, тысячи в лесу.

— А теперь, желание мое исполни, Макарушка.

— Говори.

— Русая зови.

Макар ушам своим не поверил. Удивила она его.

— Зови Русая, Макарушка, зови. Желание это мое. Помни обещание своё, помни.

Макар не видел смысла отказывать ей в просьбе этой странной и обратился к Серебру своему.

Тонкие, лучистые нити потянулись из Макара, точно цветок распустился. Один лепесток, цветка того серебряного, огнём палил, другой холодом обдавал. Контраст этот нравился Макару. Он будоражил, заставляя кровь кипеть.

Макар стряхнул с себя нити, и они рассыпались в разные стороны.

Он уже давно научился быть во многих местах одновременно. Вроде стоит на месте, а нити уносят его на огромной скорости вдаль. Летели нити по лесу, огибая деревья, кусты, животных. Всё примечали, всё чувствовали, всё видели.

Макар и лечить и помогать мог теперь не выходя из избы. Ведать, так Хранители и

охватывают огромную территорию, им принадлежавшую.

Одна нить серебряная дернулась, он на ней внимание своё остановил.

Волк стоял внимательно смотря на Серебро. Лепесток аккуратно с его Силой слился и потянул Русая за собой.

— Позвал. Идёт он к тебе, Вецена.

Бабка присела на дерево поваленное. И расслабилась. Руки, точно плетни свисают, ссутулилась вся.

— Пока ждём, ещё кое-что шепну тебе, Макарушка. Знаю, не любишь шепота моего, но выслушать должен. Когда семьёй собирались обо мне, вспоминали? — прищурившись, спросила Вецена.

— Вспоминали, — медленно проговорил Макар.

— Нет, Макарушка, не верно это. То не вы, а я вас вспоминала и сделала кое-что.

Макар замер. В мыслях вечер тот перебирать стал. Детство вспоминали, смеялись много, всё по-доброму было. Да и вскользь-то про неё разговор зашёл. К чему ведёт баба?

— Как мне Сила ваша досталась, то ведаешь, Макар. Крошечка мне досталась, но щедрсы ей со всеми делилась. И врачевала, и путь верный указывала. По другому нельзя. Крошечку эту пуще всего берегла, но время пришло расстаться с ней. Она не уйдёт со мной, она и без меня жить будет. Передать я её должна. Это и сделала в тот вечер семейный ваш.

Вецена поманила Макара к себе. Он медленно подошёл к ней и наклонился. А она тихо, еле слышно шепнула ему:

— В пузыре крошечка та теперь, в пузыре.

Макар отпрянул от неё, во все глаза уставился. А Вецена серьёзная сидела, ни шутит, ни пустомелит.

От бабки Макара отвлёт звук приближающихся шагов.

На поляну вышел волк. Он посмотрел на обоих, долго и вдумчиво.

— Ты звал или Вецена? — раздалось в голове у Макара.

— Русай спрашивает... — начал было Макар, обратившись к бабке.

— Я знаю, что Русай спрашивает, Макарушка. Я слышу его. Всегда слышу.

Вецена поднялась с дерева и пошла навстречу волку. Он тоже медленно шёл к ней. На середине поляны они встретились.

Макара душило предчувствие, с одной стороны — боль и отчаяние, с другой — спокойствие и умиротворённость и все эти чувство накрывала любовь. Огромная, всепоглощающая любовь.

— Я прощаться пришла. Хочу чтобы минуты мои последние с тобой прошли, раз уж жизнь наша долгая порознь пролетела. Страшно, Русай, страшно. Так ждала этого, готовилась, а оказывается, страшно. Господи, всю жизнь друг от друга бегали, лишь бы не видеть, лишь бы не вспоминать, а тропка последняя к тебе привела. Она всегда к тебе вела, как ни страшись и ни бегай.

— Вецена..

Макар резко разрубил нити с Русем. Не для его ушей речи эти. Права не имеет слышать их.

Они разговаривали долго. Вецена улыбалась, гладила волка своего.

Потом повернулась к Макару и сказала:

— Всегда выбирай любовь.

Она ушла тихо, ни единого слова больше ни сказала. Но тишина эта оглушала и громче

любого крика была.

Макар подошёл к ней. Поднял её на руки. Маленькая, легкая, точно пушинка.

И как это не вязалось с жизнью её. Длинной, большой, долгой.

И как в тельце таком столько духу и Силы помещалось, не узнает уже никто.

Макар нёс её в деревню.

Лес молчал, провожая её в последний путь. Ветви деревьев цепляли её, гладили прощаясь.

И в тишине этой, разрывая, выворачивая всё внутри, раздавался тихий, утробный вой.

И не понятно уже было кому он принадлежит — человеку или волку.

Вещену, как и полагалось, хранили на третий день.

Всей деревней её в путь собирали. Многие плакали. Много вспоминали.

Считай, всю деревню она тонкой ниточкой связывала. Она, как память людская была.

Всех знала, всех помнила и отцов, и дедов, и прадедов. А теперь нет этой ниточки, оборвалась.

43

У ворот стояли мужики, поджидая Макара. Староста и Немир пожаловали.

— Дыши полной грудью, Макар. Любой ответ обрадовать должен, — тихо и спокойно сказал отец.

— В дом зайдём, — предложил Макар.

— Давай, тут в теньке сядем. На воздухе чистом и голова чиста, — садясь на скамью у ворот, сказал староста.

Макар вглядывался в лица их, все угадать хотел, с чем пришли.

— Дела такие, Макар, — начал Немир. — Никто в Осиповке не знает ни Беловука, ни мать его. Мальчишка приметный, его бы сразу опознали. По всему пути до Осиповки, в наши деревни заходили и спрашивали. Тишина.

С Макара, как груз великий рухнул. Понимал, что радостью этой, грех на себя берет. Может при живых родных Беловука, сиротой делает. Но все равно рад был.

— Я, Макар, тебе вот, что скажу. Своих мужиков, в самый разгар работы, больше ни куда не пошлю. Знать бы где искать, то одно дело. А так, по деревням шастать, смысла не вижу. Это как иголку, сам знаешь где искать, — староста замолчал, за Беловуком наблюдая. — Ну-ка, кликни своего малого.

Макар подозвал Волчонка. Тот сразу подошёл. Стоит, в землю уставившись.

— Скажи-ка мне, Беловук, вы с матерью из Осиповки пришли?

Мальчик не поднимая головы, на Макара зыркнул и отрицательно покачал головой.

— А откуда? — не унимался староста.

Беловук пожал плечами.

— Родные были там. Дядьки, тетки, деды?

Беловук опять отрицательно головой покачал.

— А тятка, есть у тебя?

Беловук быстро и уверенно махнул головой.

Все напряглись.

— Есть, значит. Хорошо, — протянул староста. — И где он, тятка твой?

Беловук поднял голову и уверенно ткнул в Макара.

Он мой тятка.

Повисла пауза, все смотрели на Макара.

Он поймал Волчонка за руку и притянул к себе. Обнял крепко, не оторвёшь.

— Ну, что, Макар? Примешь сына?

— Примет, — подходя, сказал отец. — И вся семья примет. Двенадцатым внуком будет, а Олеля тринадцатой.

Староста глубоко вздохнул, но ничего не сказал.

— Раз так, то и в добрый путь, — вставая, закончил разговор Немир. — У нас вопросов больше нет.

— Есть, — вставил таки староста, — Да не ответит Макар ни на один.

— Мы в деревне не останемся, покой нарушать не будет. Через день в лес уйдём.

На том и разошлись.

Через день, как и обещал, Макар вернулся в лес. Взял с собой самое драгоценное: Беляну, Олелю и Беловука.

44

День был солнечный, яркий.

Макар рубил дрова. Беляна бельё стирала, тут же рядышком. Ребятка за водой, до ручья побежала. Все при делах были.

Макар остановился, пот утирая, Беляной залюбовался.

Месяц рядышком живут, а Макар, так и не прикасался к ней. Иногда, ему даже, казалось, улыбалась она ему благодарной улыбкой. Баба сама знает, когда время придет. Так и рассудил Макар и ждал.

Но все мысли Макара сейчас останавливались на другом деле. Важном деле. Лето в лесу сдюжить можно, хоть и тесно, хоть и трудно, но можно. А как зиму зимовать? Без огорода, без запасов, как прожить долгую, суровую зиму с детьми.

Вот и думал Макар эту думу днями и ночами. И додумал. Осталось только с Беляной это обсудить, а после это уж его забота, реализовать всё.

— Я завтра на дня два к мирянам уйду, — сказал Макар. — Справишься одна?

— Да уж, постараюсь, — глубоко вздохнув, отозвалась Беляна. — Боязно.

— Беловук один секрет знает. Я с ним поговорю, предупрежу. Если что, он помощь позвать сможет. — подходя к Беляне, сказал Макар. — Все будет хорошо. Здесь спокойно. Гости редки, да и то, только в охотничий сезон заглядывают. Сейчас никто не придёт.

Макар обнял её. Полной грудью вдохнул её запах.

— Сегодня, когда Олелю ополосну, ты в мыльню приходи. Ждать буду.

Макар замер на мгновение и ещё крепче прижал Беляну к себе.

Вдруг Сила заволновалась, заворочалась. Сжала больно, колко. Макар теперь такое без внимания не оставлял. Не спроста, Она внутри него рвётся порой.

Слух напряг, зрение перестроил.

Где-то сорока заволновалась, скулёж легкий, дыхание прерывистое, испуганное, тихий шорох и плач, детский, горький.

— Я к ручью, Беляна. Случилось там что-то.

Сказал и кинулся по тропе, что аккурат до ручья вела.

Приближаясь к берегу, Макар начал чувствовать боль, сильную, острую.

«Что ж с вами там приключилось, ребятки»- билась мысль.

Из-за поворота на Макара наскочил Беловук. Голый, без рубахи.

— Олеля! — задыхаясь прохрипел Волчонок.

Макар не останавливаясь, не теряя времени на расспросы, побежал дальше.

Олея сидела на берегу, спиной к тропе, на которой стоял Макар. Волосы были мокрые. Плечи подрагивали под рубахой Беловука и она тихо скулила.

Макар подошёл к ней. Заглянул в зареванное, измазанное лицо.

— Ты чего плачешь, родная? — стараясь говорить спокойно, спросил Макар.

— Нога, — только и смогла выдавить девочка.

Макар опустил взгляд и понял всё.

Лодыжка, на правой ноге, распухла, цвет, почти бардовый был. На маленькой, детской ножке, выглядело это жутковато.

— Я воды набирал. Ей рядом сказал стоять, не лезть. И она стояла, тятя, послушно стояла. Как упала, сами не поняли. Просто слышу «плюх» и в воде она. Она тяжелая. Я её волоком на берег затащил. Она плачет, нога, говорит, болит. Я только рубашку на неё напялил и пулей к вам рванул. Нога-то на глазах распухать стала, — тараторил Беловук.

— Не волнуйся, Волчонок. Скоро танцевать будет.

Макар аккуратно приложил руку к лодыжке и обратился к Силе.

Медленно Сила текла от Макара к Олели. Не торопился. Первый раз дело с переломом имел. Здесь спешка не к чему была.

Макар полностью сосредоточился на девочке. Все вокруг уменьшилось до ножки её.

— Тятя! — позвал Беловук.

Макар поднял глаза.

Беяна стояла рядом. Она неотрывно смотрела на руку Макара, а под ней, под рукой его, медленно исчезал отёк, пропадала краснота. Нога Олели становилась прежней.

Беяна перевела взгляд на Макара и вскрикнула, зажав себе рот рукой.

Макар всё прочитал в её глазах: и ужас, и не понимание, и страх за него.

Он знал, что она сейчас видела. Его глаза не были темные, как всегда. Его глаза были изменены, они пылали жёлтым, волчьим светом.

— Не бойтесь, — Беловук, как-то мягко, ласково, гладил Беяну по руке. — Тятя ей помог. Ушиблась Олея сильно.

Макар стянул с девочки мокрое платье и, уже давно промокнувшую, рубашку Беловука. Бережно обернул Олелю в свою рубаху и на руках понёс домой.

Беяна с Беловуком шли позади.

Все молчали.

Отнеся девочку в избу, Макар вышел и сел у сарайки на чурку. Сидел и ждал Беяну.

Где-то в глубине души, он был рад, что так все получилось. Месяц молчал. Нет, не боялся он признаться Беяне, кто он. Просто разговор этот просто так не начнёшь. А сегодня появился удачный повод все рассказать. Макар был этому рад.

— Она заснула. Беловук с ней захотел остаться, — подходя, и садясь рядом, сказала Беяна.

Макар пару мгновений смотрел на неё и не оглядываясь, как на духу, ни чего не тая, рассказал всё. Про Силу и Серебро, про Чемира и Чомора, про Туман и Хранителей, про волка и Русая.

Беяна слушала спокойно, даже кое-что переспрашивала и уточняла. Точно не было в рассказе его странного и непонятного. Точно не удивленна, не растеряна и не испуганна она была.

— С неделя Олея мне все про волка говорит. Большого, серебряного. Будто приходит он поиграть с ними, — тихо проговорила Беяна, когда Макар закончил свой рассказ. — Не

поверила. Думала, фантазии детские.

Они помолчали.

— Ты как — будто и не удивленна всему этому, — глядя на Беляну, спросил Макар.

— Удивленна. Сильно, Макар, удивленна. Если бы своими глазами не увидела тебя, там на ручье, может и не поверила бы.

Она взяла его лицо в свои ладони и тихо спросила:

— Ты же не изменился, Макар? Она тебя не изменила, Сила эта твоя?

Макар поцеловал её, нежно, неуловимо.

— Тебе виднее, Беляна, изменился я или нет.

— Пусть ты будешь, хоть волк, хоть хранитель, хоть избранный, хоть шишимора болотная, не изменит это ничего между нами. Не изменит.

Она крепко прижалась к нему.

Макару ничего больше и не надо было. Рядом Беляна, Беловук, Олея маленькая привыкает к нему. Что ещё нужно для счастья.

А вечером Макар распустил волосы Беляны и был нежнее, чем в первый раз их. Всегда желанна она была для него и любима.

45

На следующий день Макар ушёл к мирянам.

Наказал Беловуку, если кто к дому подойдёт, знакомый или нет, в любом случае, по дереву палкой стукнуть.

Русая тоже предупредил об уходе своём. Он хоть и всегда рядом был, но чтоб ещё по внимательней стал.

Макар шёл не только для ежегодных закупок. Макар шёл изменять всю их жизнь.

Жил в мирском посёлке старик с женой. Свои они были, из села такого же, как и село Макара. Почему в мир ушли, Макар не ведал, да и не спрашивают о таком. Дочь мужика этого, в город подалась с семьёй, а домик свой, не сумев продать, бросила на родителей.

Ещё до зимы, когда Макар последний раз был у мирян, старик его зазывал в дом этот заселяться. Макар тогда отказался, ему и в лесу хорошо было, даже и предположить не мог, что захочется воспользоваться предложением этим. А дорожка аккурат его к дому этому и привела.

Вот Макар и шёл сейчас к мужику за разговором важный.

Если в родную деревню им с Беляной путь закрыт, если в лесу с семьёй не сдюжить, то в мир уйдут.

Выживут! Чай, не звери, миряне эти. Есть хорошие люди. А плохие везде водятся, даже в родной деревне такие есть.

Дом стариков и тот, что хотел Макар, рядом стояли, только длинный забор разделял их.

— Макар! — радостно окликнул его дед Горяй. — Ты ли?

— Здрав будь! — поздоровался Макар и поклонился.

— Хорош поклоны бить, я что староста тебе? — усмехнулся Горяй. — Что-то подсказывает мне, что не проста заявился. Да ещё на домик, одинокий мой, глаз свой чёрный косишь. Прав, Макар?

Дед Горяй был смешливый и добрый человек. Болтал много, они с женой своей кого угодно заболтать могли. Но не было в болтовне их пустого и злого. Все по делу, но много.

— Прав. — только и сказал Макар.

А чего вилять, если угадал дед.

— Неужто и взаправду надумал?

— Надумал. Не один я теперь.

— Конечно, с женой и живите. А детки появятся, так не в лесу же их растить.

— Есть уже детки, — улыбаясь промолвил Макар. — Двое.

— Ох, шустрый ты, оказывается, Макар. Детки это хорошо. Дар Божий. Никуда без них Макар, никуда.

Дел Горяй вышел из калитки и похлопал Макара по плечу. Ростом он был почти с Макара. Не съела старость, только сутулила.

— Ну идёт, покажу тебе хоромы твои. Сначала хозяев искал, предлагал задаром жить. Жалко дом-то. Без хозяев дом вонять начинает. Да, только никому сейчас он и даром не нужен. Много таких мертвяков по деревне брошенными стоят. В город люди рвутся. Это, Макар, если такая беда в районном центре, то что про деревушки по проще тогда говорить. Умирает русская деревня, умирает. Сейчас все благоустроено хотят жить. Не виню их. У них своя правда. В доме-то этом ни воды, ни слива. Сейчас многие скважины бурят. Вода тогда в доме всегда есть. Краник откроешь и льётся водичка.

Они остановились у дома. Три окна на улицу выходили. Макар усмехнулся: «Хоромы, ни дать не взять! Три окна»

— Печку я всю зиму топил. Не умер дом. Хоть сейчас заселяйся. Тяга в печке плохая. Ну, ты сам поймёшь, что подделывать надо будет. Много работы, местные испугались бы. Но за тебя не волнуюсь. Входи, смотри. Я тут на дворе подожду.

Макар, глубоко вздохнув, вошёл в дом.

Веранда большая, светлая. Справа кладовка. Макар заглянул в неё, полки по всем стенам прибиты, слева лесенка на чердак.

Зашел в сам дом.

Кухня тоже радовала светом. Печка напротив входной двери. Стол, табуретки. Печка электрическая. Макар усмехнулся, тяжело Беляне придётся, многому учиться придётся.

Из кухни вели две двери. Одна, та что рядом с печкой была, вела в комнату. Небольшая, уютная. Там кровать стояла, шкаф, стол.

Налево шёл зал. Вот он Макару шибко понравился. Большой, в два окна. На стенах обои были приклеены, светлые узоры и золото поблескивает. Красиво.

Дальше из зала, была ещё одна комнатка. Побольше, чем первая.

Макар пошёл на выход. Что посмотреть-то ещё. И так, все было понятно. Хороший дом. Не привычный, но хороший.

Макар остановился в дверях. Аккуратно ладонь приложил к стене и Силу призвал.

Дом-это живое существо. Дом много рассказать может. Он и радоваться может, и скучать, и болеть, и злиться.

Макар улыбнулся. Ему понравилось, то что он почувствовал. Истосковался дом по хозяевам, по теплу и уюту. Хороший дом, добрый.

С этой довольной улыбкой Макар и вышел во двор.

— Ну, Здрав будь, сосед. Вижу, по лицу твоему сладкому, что по душе дом пришёлся, — вставая Макару на встречу, проговорил дед Горяй. — А теперь, пойдём огород посмотрим. Мира, там моя, все засадила. Рассады много сажит, а что остаётся всегда, выбрасывает. Соседкам пару раз раздавала, но после этого у неё не урожай случается. Думает, глупая баба, из-за того, что раздаёт, у неё ни чего не растёт. Ну, да ладно, её это дело. Так вот, в этом году не стали выбрасывать, а всю рассаду в этот огород и бухнули. Она и морковку, и свеклу

посадила. Картошки мало воткнули, ну, если не хватит вам, мы поделимся. Куда нам, на два рта столько. Садим по привычке много. Раньше скотина была, хоть ей доставалось. Сейчас не сдюжим животину, стары. Помощь вся в город уехала.

На огороде возилась баба Мира. Увидев Макара расцвела прямо.

— Батюшки мои, Макар! — прокричала она, а потом руками всплеснула и по бокам своим дородным ударила. — Ну, уж-то, дом смотрел? Горяй, ну, что молчишь. Когда надо — нем, как рыба.

— Принимай соседа, Мирушка! А тебе и говорить не надо, сама умная баба, всё поняла.

— Это ж сколько надо было прожить, чтобы ты меня умной назвал? Макар! Ты на него хорошо влияешь.

Баба Мира смеялась звонко, залиvisto. Подошла к Макару и обняла его. Тепло и нежно, как мама когда-то обнимала Макара.

— Как чувствовали весь огород и засадили. Хорошо-то как, не пропадёт добро. Столько труда вкладываешь, а потом, он видите ли, кабачки разлюбил, — напустив на себя злобу и прожигая мужа глазами, сказала баба Мира. — Пойдём, родной, покажу все.

Она вела его по огороду, показывая труды их. Много ягоды было, это тоже Макару понравилось. Крыжовник, ирга, смородина, малина, клубника. Беяна любила ягоды и закрутки из них на зиму, получались у неё отличные.

— А вон там стайки. Дочь там кроликов держала. Клетки ещё остались. А в другой курочки у них жили. Для коров или коз, сам стайку поставить сможешь. Вы скотину же держать будете?

— Мира! Дай человеку сначала обжиться, а потом о скотине речь веди.

— Люблю я коров, — как-то тоскливо, сказала баба Мира.

— Беяна моя, тоже коров любит, — тихо отозвался Макар.

— О! Все! Пропали мы, Макар. Теперь пока не заведём не отстанет.

Старики долго ещё припирались, шутили и смеялись друг над другом. А Макар смотрел на них и всем сердцем желал, чтобы и они с Беяной, так в старости их дружны были. Так же любили и берегли друг друга.

Макар поблагодарил стариков, пожелал мира их дому и на следующий день, закупив все необходимое, отправился домой.

Пообещал, что через месяц, может и раньше будут заселяться.

46

Макар возвращался домой радостный, с сердцем спокойным, с думами добрыми. Хотел быстрее с Беяной поговорить. Куда муж-туда и жена. Но силой не поведёт в мир, хоть и ни на секунду не сомневался, что согласна она будет.

До избушки оставалось совсем не много, когда Макар почувствовал Русая.

Он был совсем близко.

Пару мгновений и Макар его увидел.

Стоит, красавец, залюбоваться можно. Морда здоровая, широколобая, слегка вперёд вытянута, а по бокам, точно бакенбарды висят. Лучи солнца, пробивались через листву деревьев и мягко ложились на шкуру волка, точно серебро разливали.

Русай в упор смотрел на Макара, точно в душу заглядывал.

Макар даже опешил. Точь-в-точь, как в первую их встречу было.

— Русай, — тихо позвал Макар.

Волк молчал, просто смотрел на Макара и молчал.

— Что-то случилось? — сердце больно сжалось. — Русай, что происходит.

— Иди за мной, Макар, — тихо и спокойно сказал волк.

Но Макар стоял на месте не шелохнувшись. Все внутри обрывалось, сердце билось быстро, испуганно.

— В избе порядок, Макар. Не о том думай. Зовут тебя. Идём.

Макар закрыл глаза. Нет у него причин не доверять Русаю, но Макар всем сердцем чувствовал что-то. Витало в воздухе напряжение, Сила. Дышалось по-другому.

Макар выпустил ниточку серебряную. Полетела она к избе его, он весь в эту нить вжался, все чувства свои обострил.

В избе было спокойно. Беяна, с Олелей и Беловуком за столом сидели. Рассказывала она малым что-то. Улыбались, смеялись все дружно.

Макар открыл глаза и посмотрел на Русая.

— Веди, коли зовут, — спокойно и уверенно проговорил Макар.

Они шли долго. На гору идут, понял Макар. Пару раз спросил у Русая, кто его ждёт, кто зовёт, но волк молчал. И Макар замолчал. Толку спрашивать, уже и к горе подошли, сам все и узнает.

Единственно, нервировало поведение Русая, как не родной, ей-Богу, как-будто пропасть меж ними легла. Весь напряженный шёл впереди, не оглянулся ни разу.

По тропе поднялись на самую вершину. Тихо было, мирно.

Волк быстро подошёл к Макару, уткнулся мордой в ладонь его и лизнул. Жест этот простой, теплом на сердце лёг, но в тоже время, Макар ещё больше заволновался. Что могло заставить Русая всю дорогу в напряжении быть, да украдкой только поддержку Макару оказать.

За один вдох, в одно мгновение, всё изменилось.

Воздух стал точно вибрировать. Туман начал стремительно окутывать вершину горы.

Сила! Удушающая, давящая, невыносимая Сила вытесняла свежий, вкусный воздух. Что-то надвигалось — сильное, мощное, неотвратимое.

Макар призвал Серебро, окутал себя им, как пленкой тонкой. Легче стало дышать, а самое главное, видеть стал Макар всё.

Не просто Туман на гору сошёл. В Тумане этом стояли волки. Макар оказался в середине круга огромных, из туманна сотканых, великанов.

Русай встал в их ряды.

Макар медленно повернулся вокруг себя.

Пятнадцать хранителей сейчас стояло перед Макаром или он перед ними, да и не важно это было, куда важнее причина сего собрания.

Заволновались, заколыхались лики волчьи.

— Он видит нас.

— Видит.

— Видит.

— Видит.

Завыла стая.

Повисло долгое, тяжелое молчание. Макар тоже молчал. Не он позвал их, его призвали. им и разговор начинать. Если, конечно, для разговора он был приглашён.

— Приветствуем тебя, Серебро, — оглушая Макара, раздалось со всех сторон.

— Приветствую вас, Хранители, — так же громко и четко проговорил Макар.

— Ты первый, кто говорит со всеми Хранителями! Ты первый, кто видит нас всех вместе! — тихо прошелестел волк, стоящий напротив Макара.

— Вы пришли за доказательствами, вы их увидели, — твёрдо сказал Русай.

— Он жил в легенде много столетий и вот он стоит перед нами. Живой. Сильный. Серебряный, — продолжил тот же волк, — Мы хотим видеть больше!

Макар внимательно просмотрел на него. Не было страха, не было волнения. Спокойствие и уверенность, приятной тяжестью лежало на сердце.

— Что вы хотите видеть? — спросил Макар.

— Покажи Серебро в действии, — зашелестело где-то позади Макара.

И он всем нутром своим почувствовал Силу. Чужую Силу, направленную прямо на него.

Макар не шелохнулся. Натянуло, все внутри, в тугую тетиву. Сила рвалась из него, билась, царапалась, но он её держал. Макар не выпустит её на своего. Даже защищаться не будет. Хотя чувствовал, понимал, что его Сила сильнее и выпусти он её сейчас, сметёт все вокруг.

Время, казалось, растянулось. Чужая Сила, выпущенная в него, не достигла его спины, рассыпалась, не долетев до цели.

Макар медленно повернулся, рассматривая всех волков.

— Почему ты не защищаешься?

— Скоро мы станем одним целым. Вы будете моей семьёй. Кто из Вас выпустит Силу против своего брата? — смотря в глаза каждому волку, тихо проговорил Макар.

Хранители молчали.

— Вы храните мир, природу, всё живое на земле. Вы даёте жизнь. Почему просите показать Серебро не в том виде, для чего оно создано?

Хранители молчали.

Макар закрыл глаза.

Сила была готова. Ласково, нежно скользнула внутри него, рвань наружу.

Макар оторвал руки от тела, пальцы в землю направил. Из них, точно продолжение его рук, на землю полилось Серебро.

Множество тонких, ослепляюще-белоснежных нитей, переплетаясь друг с другом, превращались в изящный ажурный узор. Точно из-под рук мастерицы, медленно, сантиметр за сантиметром, заполнял узор круг, в котором стоял Макар.

Тончайшее, божественно красивое кружево стелилось по камням. Оно аккуратно скользнуло к Хранителям, вышло за пределы круга и потянулось, воздушными складками вниз по горе.

Сила Макара не была удушающей и давящей. Она и не ощущалась, как Сила. Она была легкой, вкусной, сладкой, как воздух, который бывает только высоко в горах. Казалось, что даже вдыхая его Серебро, внутри все расцветало и ликovalo, дарило мир и тепло.

Достигну подножие горы, кружева остановили своё плетение, подобрались, будто готовясь к прыжку, и через мгновение, рванули на огромной скорости во все стороны от горы.

До самого горизонта, докуда хватала взгляда, тайгу окутывало плетение изумительного рисунка. Оно переливалось и блистало, как волшебный узор на стекле в морозный день.

Хранители, нарушив круг, стояли теперь беспорядочно на вершине горы. Удивление, непонимание, восхищение, неверие, все эти эмоции легли на их лики. Они не отрывая взгляда, смотрели на волшебство, которое творится внизу.

Макар приподнял руки и резким движением смахнул с них тонкие, мерцающие нити. В мгновение это, узор, покрывающий тайгу, вздрогнув, взорвался на миллионы ярких, прекрасных частиц.

Какое-то время они парили в воздухе, играя, закручиваясь легкими вихрями, а потом начали оседать. Деревья, кустарники, трава и земля, животные, птицы и насекомые, всё благодарно принимали и поглощали в себя Серебро. Некоторые частички продолжали витать в воздухе, наполняя его чистой, пьянящей энергией, наполняя его самой Жизнью.

Стояла не естественная тишина.

Никто не хотел разрушать, то чудо, которое только что произошло.

Первый нарушил молчание Русай.

— Вы пришли за доказательствами, вы их увидели, — повторил он, недавно сказанную им фразу.

Все медленно перевели взгляд на Макара.

— Мы не сомневались, что ты — Избранный. Ни на секунду не усомнились, что ты — Серебро из легенды. Но Мы даже в мыслях допустить не могли, представить себе, сколько в тебе Силы

— Ты человек. По всем законам природы, ты не можешь быть сильнее нас. Но ты только что нарушил эти законы.

— А теперь представь, что ты сможешь сделать, когда станешь полноправным Хранителем?

— Чтобы восстановить, поддержать, дать жизнь такой территории, нам понадобились бы недели. Ты смог сделать это всего лишь за три дня.

— Ты Легенда.

— Ты Серебро.

Ты Избранный.

Ты тот, кого выбрал Туман.

Раздавалось со всех сторон.

Хранители были поражены и взбудоражены.

Макар же слышал из всего этого только одно. Только одно сейчас волновало его. «Три дня!»

«Три дня!», «Три дня!» — эхом раздавалось у него в голове.

Он был рад, что быстро уладил все дела с мирянами, что не два обещанных дня у них пробыл, а всего один. А выходит, что его не было уже четверо суток.

Макар даже на секунду боялся предположить, что чувствует сейчас Беяна и Беловук.

Они остались без помощи, без него и без Русая.

Макар молча развернулся и направился к тропе, ведущей с горы.

— Остался один вопрос, Избранный.

— Ты оставил потомство?

— Оставил нить свою?

Макар остановился, медленно повернулся к Хранителям и тихо сказал:

— У меня нет и не будет своих детей.

Великаны заволновались, зашептали.

— Это не допустимо!

— Ты владеешь Серебром, ты обязан передать его.

Мы слабеем!

— Это не возможно!

Ты обязан!

В легенде нить не прерывается!

Это не возможно!

Шёпот этот проникал в самое сердце. Он заставлял, принуждал Макара подчиниться.

— Я. Выбираю. Любовь, — выделяя каждое слово, сказал Макар.

Он вышел из круга, никто не остановил его. Хранители молча выпустили его в мир.

Макар понимал, что они правы, он должен передать Силу, должен породить потомство.

Но ещё он понимал, что потеряет самого себя, потеряет эту самую Силу и Серебро, если пойдёт против себя, если откажется от Беяны.

Макар спустился с горы. Взял вещи, спрятанные под ветками, которые приобрёл у мирян и быстро пошёл в сторону своей избы.

До позднего вечера, вершина горы была окутана Туманом.

До позднего вечера Хранители держали слово.

Они были довольны. Они были рады.

Избранный сделал свой выбор!

Легенда сбывается.

Будь покоен Мир — пришло истинное Серебро.

47

Макара гладили по голове, легонько, мягко. Прикосновения эти были почти незаметны, от того сон не отпускал, держал крепко.

Рядом повернулась Беяна. Тихо зашептала:

— Это не подождёт до утра, Беловук?

Макар заставил себя приоткрыть глаза.

Рядом с ними стоял Волчонок.

— Ты чего не спишь? — тихо, чтобы не разбудить Олелю, спросил Макар.

— Пойдём со мной, — коротко ответил Беловук.

Макара сел на край лавки и внимательно посмотрел на него.

— Что случилось, Беловук?

Мальчик молчал, только глаза блестели в темноте. Он медленно поднял руку и тихонько стукнул Макара по груди.

Тук-тук-тук.

Макар мгновение смотрел на Волчонка, а потом молча встал, оделся и они вышли из избы.

Беловук к сарайке подошёл. Сел на чурку. Макар рядом присел.

— Ну, выкладывай, что за тайны у тебя.

Беловук молчал. Смотрел куда-то в темноту и молчал.

— Ты мне рассказать что-то хочешь, — утвердительно сказал Макар.

— Нет.

— Тогда зачем мы здесь?

— Мне Сила ваша нужна. Я вспомнить хочу.

— Что вспомнить? — медленно проговорил Макар.

— Всё.

Макар подхватил мальчика и усадил к себе на колени. Распахнув фуфайку, прижал к себе, согревая и обнимая его.

— Я не знаю, как до воспоминаний дотронуться, Беловук.

— Пожалуйста, — прошептал мальчик.

Макар почему-то не боялся. Была какая-то твёрдая уверенность, что не навредит он мальчику. Не подвергнет его опасности, не сделает больно.

— Думай о том, что тебе вспомнить надо. А если захочешь остановиться, просто скажи.

— Я скажу слово «волк»

— Волк? — Макар усмехнулся. — Ладно! Пусть «волк» будет нашим условным знаком.

С чего начнём?

— С мамы.

Макар замер на мгновение.

— Тогда думай о ней, сынок, думай.

Медленно положил свою ладонь Макар на грудь Беловука. Медленно Силу призвал.

Всем сердцем он любил этого мальчика. Всем сердцем желал ему облегчения и мира душе его.

Медленно, тонкая ниточка Серебра скользнула к Волчонку, обвивая его, точно кокон.

Беловук вздрогнул.

— Не бойся. Закрой глаза. Серебро не причинит тебе боль. Серебро-это я, Беловук.

Беловук

Весея была глупа.

Отец грешил на родовой жены. Жена — на тяжелые роды. Оба эти утверждения могли бы быть правдой.

У жены в роду были слабоумные, да и роды её, действительно были тяжелые и долгие.

Девочка родилась слабенькой и все уверены были, что не сдюжит.

Но она выжила.

С пяти лет только понятно стало, что не как все она.

Со стороны, ребенок, как ребёнок. Если рот не открывала, так по ней и не подумаешь, что дурочка. От того она и держала свой рот закрытым, с детства мать цыкала, да затыкала, вот и привыкла.

Так до семнадцати лет только глаза свои красивые и лупила улыбаясь.

Работать была обучена. Силы в ней было много, помогала семье знатно.

В конце лета это случилось.

Бродила Весея по лесу, собирательством занималась, да на пути парнишка приключился. Кто он, с какой деревни забрёл, неведомо.

К вечеру только Весея домой пришла. Глаза горят, улыбка на пол лица, точно на иголках, на месте усидеть не может.

Всю неделю она на полянку ту хаживала, до вечера сидела парня, ждала. А его и след простыл. Только ей, ведать, продолжения хотелось, ему и одного дня любви хватило.

Мать разговоры с дочерью не вела. От куда появляются дети, да и вообще про женский организм Весея мало что знала. Мать рассудила так: «кто ж на дурочку позарится». Лишним голову девчонки не забивала, шепнула только про дни женской нечистоты и будет с неё.

Поэтому на расширение талии и внезапную полноту, Весея не обратила внимания. Талии отродясь не было, да и в теле всегда была, а тут зима, одёж много, никто не чухнул, никто не заметил.

Когда Весея почувствовала шевеление внутри себя-испугалась. Рыбу страсть как любила, вот и в голове у неё сложилось, будто рыба там плескается. Всю ночь думала

лежала, как проглотить — то её смогла, когда?

Нечего не надумав, так и стала жить с рыбой в животе.

Рыба росла. Уже не плескалась, а шевелилась. Перевалится на один бок и давит внутри, точно тесно ей там.

Весей было приятно. Какой-то теплотой отдавали эти шевеления, иногда аж сердце замирает, как хорошо.

Рожать Весей начала прямо в доме.

Стаяла у печи, блины жарила, так там её и скрутило. Мать сразу и не сообразила, потом только поняла, от чего дочь крутит-то так.

Весей родила легко и быстро.

Когда увидели младенчика, с минуту все не шелохнувшись стояли.

Мальчик был белый весь, как молоко. Ни волос, ни бровей, ни ресниц, ничего этого не было, даже пушка никакого.

Мать Весей пятерых детей родила, за всю жизнь повидала много младенчиков, но такого видела впервые.

— Это чудовище белое, беду принесет. Не правильный он, не Бог его дал, не Бог, — тихо ночью шипела она мужу. — Нельзя их в деревне оставлять, нельзя чтоб известно про срам её стало. А если увидят его, то дом спалют, ей-Богу, спалют.

— Так что делать-то, — вторил ей муж.

— Кабы раньше узнала, извела бы. Да что об этом сейчас говорить-то.

Баба помолчала. Муж рядом лежал, да вздыхал тяжело.

— Мы их бабке Поле отдадим. По тихому перевезем и делу конец. У мирян, не замужней родить, не срам.

Баба завошкалась, рада была своим мыслям.

— И что, крестить даже не будем? — испуганно зачистил мужик.

— Здесь не будем. Как ты себе это вообще представляешь. Молчи лежи!

Мальчика назвали Беловуком. Не местное, странное имя, но Весей уперлась и не сдвинуть.

Через неделю роженицу с младенцем свезли к мирянам.

Бабка Поля была дальняя родственница матери Весей. О родстве этом вспоминали редко, когда это было выгодно одной из сторон.

Бабка Поля была любитель выпить. Пила аккуратно, по деревне не шаталась в таком виде, от того многие и не знали о её пристрастие. Выпьет и спит, как убивая, ни чем её в этом состоянии не поднять.

Весей устроилась хорошо. Бабка ей комнату выделила, в ней она с младенчиком своим и жила.

Первый год мать от Беловука не отходила. Бабка только и удивлялась. Всегда чистенький, накормленный, всегда улыбался мальчишка.

Волосики беленькие выросли, реснички, да бровки. Хорошенький, как молочком умытый.

А потом раз посидев с бабкой, второй и сама того не поняв, Весей полюбила эти душевные посиделки с горячительным.

Деньги водились всегда. Родители, хоть и избавились от дочери с внуком, но поддерживали их финансово. А где денежки и беленькая, там и компания.

Постепенно дом их стал наполняться случайными людьми. Сидели по долгу, шумно и

весело. Мужики менялись часто, некоторые задерживались на какое-то время. Весёлая многих согревала в своей постели.

Так продолжалось очень долго.

Беловук сначала пугался громких посетителей, но со временем привык. Весёлые, разгоряченные тетки часто тискали его, угощали вкусностями.

Со временем посиделки изменились. Не стало веселья, легкости. На их смену пришли злые мрачные лица, громкая ругань, а иногда и драки.

Беловуку казалось, даже лампочки в их доме стали светить не так ярко.

Весёлая перестала следить за ребёнком, перестала следить за собой. Медленно превращалась в какую-то унылую, дурно пахнущую развалину.

От табачного дыма резало глаза. Нестерпимо воняло какой-то кислятиной. Было темно.

Весёлая плавала в дурмане, то открывает глаза, то опять нырнёт в забытие.

Рядом с ней кто-то лежал. Она не знала кто и это её не сильно волновало. Только дайте поспать. Невыносимо хотелось спать.

Тело, лежавшее рядом, пошевелилось, перекачилось на край и, скрипнув старыми пружинами, встало.

Весёлая не хотела этого слышать. Она хотела накрыть голову подушкой, но пощупав рукой по дивану не нашла её.

Только дайте поспать. Невыносимо хотелось спать.

Заскрипели половицы.

Тело остановилось в дверном проеме. Его качало.

Весёлая медленно закрыла глаза, медленно открыла.

Тело продолжало качаться в проеме двери.

Глаза медленно закрылись-открылись.

Тело облокотилось о косяк.

Глаза закрылись-открылись.

Дверной проем был пуст.

Весёлая отвернулась к стене.

Только дайте поспать. Невыносимо хотелось спать.

Её разбудили какие-то звуки. Точно мычит кто-то.

Она любила пасти коров. Тихо на лугу было, тепло. Пахло травами. Весёлая всегда спала на лугу, ругала её мать, но её всегда морило.

Весёлая улыбнулась.

Возня какая-то, шорох, тихая ругань и мычание, вновь вырвали её из забытия.

Дом редко молчал. Даже глубокой ночью он жил, окутанный спиртными парами и шорохами.

Весёлая на секунду замерла. Её одурманенный разум встрепенулся, отрезвляя хозяйку.

Впервые ей не понравились эти звуки. Впервые вызвали они тошнотворные ощущения. Впервые, за всю её жизнь, разум очистился, мысли заработали по-здоровому, быстро, четко.

Весёлая посмотрела на кровать Беловука.

Кровать была пуста.

Она часто пустовала. Мальчик, когда мать спала не одна уходил в зал.

Это никогда её не тревожило. Но не сейчас.

Весёлая, вся подобралась, быстро соскочила с кровати и бросилась в зал.

На диване шла борьба. Маленькие белыми ручками бешено колотили по чужому телу. Тело

запахнуло руку, готовясь нанести удар.

Мгновение.

Весея, как разъярённая кошка бросилась на тело. Она кусалась и царапалась, била ногами и руками. Но тело было сильнее, оно с лёгкостью стряхнуло её с себя.

Она упала, ударившись о порог.

Мгновение.

Все плыло, все качалось. Тело рычало и приближалось к ней.

Мгновение.

Сквозь дурноту, Весея увидела Беловука. Мальчик бросал в тело, все что попадало ему под руки. Подушка, книга, тарелка, деревянные кубики, все это летело из его рук.

Мгновение.

Тело, покачиваясь, развернулось к мальчику. Беловук схватил табуретку и выставив её ногами вперёд, медленно отходил от надвигающегося на его тела.

Мгновение.

Весея кинулась в кухню.

Мгновение.

Подняв руку, она со всей силу ударила тело в шею.

Оно рухнуло на пол.

Тяжело дыша, мать и сын стояли, смотря друг на друга.

Потом резко развернувшись, Весея молча ушла в спальню.

Они молча собрали вещи. Молча оделись и вышли из дома.

Сквозняк от раскрытой входной двери раскачал на кухне лампочку.

Она продолжала качаться и после ухода Весеи и Беловука.

Мгновение — её свет выхватил из мрака детские деревянные кубики.

Мгновение — её свет выхватил из мрака развороченную постель.

Мгновение — её свет выхватил из мрака большое пятно крови.

Мгновение — её свет выхватил из мрака лежащее тело с кухонным ножом в шеи.

Они шли быстро.

Беловук ни на секунду не отрывал взгляд от спины матери, мелькали деревья, кричала ночная птица. В голове было пусто. Внутри было пусто.

Спина её была для мальчика сейчас, как якорь, как спасение, как нечто большое и доброе. Впервые, он почувствовал рядом с собой мать, взрослого, надежного человека. И понимание это давало надежду, давало уверенность. Ничего ни страшно. Куда угодно за спиной этой пойдёт.

Беловук знал куда они идут, хоть и было очень темно вокруг. Он не раз ходил по этой дороге с бабкой.

Они шли в районный центр.

Мама молчала. Крепко держала большую клетчатую сумку. Шла, твёрдо и уверенно.

А потом в одно мгновение все изменилось.

Беловук, всем нутром почувствовал момент, когда она начала меняться. Даже не менять. Она начала становиться прежней. Её тело расслабилось, шаг замедлился. Зашаркали ноги по земле.

Потом она резко развернулась и присела к мальчику. Схватив его за плечи, глядя куда-то на грудь его, зачастила:

— В Талом живет моя двоюродная сестра. Нам нужно идти в Талое. В Талое, Беловук.

Слышишь? Идём в Талое. Нам нужно идти в Талое. В Талое, Беловук. Слышишь? Идём в Талое.

Беловука начало трясти. Пустота внутри него начала заполняться страхом, ужасом, непониманием, паникой. Из глаз полились слезы, воздуха нахватало и он хватал его ртом, как утопающий.

Мама удивленно смотрела на него, как впервые увидела, а потом, глаза её расширились, точно она поняла что-то. Вздрогнув всем телом, она отбросила его от себя.

— Ты во всем виноват. Ты виноват. Ты грязный, отвратительный. Ты во всем сам виноват. Знаешь, что делают с такими мальчиками, как ты? Их распинают, как Иисуса, — она шипела и ползла к нему, точно полоумная.

Беловук боялся пошевелиться, он смотрел на неё, широко раскрытыми глазами и слушал, слушал, слушал.

— Они распнут тебя Орудием Страстей Христовых. Твои запястья будут проткнуты, твои ноги будут проткнуты. Здесь! Здесь! — она схватила Беловука за руку и давила в ладонь, точно хотела проткнуть её прямо сейчас.

Он не вырывался. Ужас был такой, что он сковал каждую частичку его тела. Он даже моргать не мог. Ни дышать, ни моргать, ни думать.

Он ей верил. Все сердцем — верил.

Потом мама резко замолчала, притянула его к себе, обнимала.

— Хороший моя, кровинка моя, счастье моё, радость моя. Ты только молчи. Ты только молчи. Ты только молчи. Молчи, молчи, молчи, молчи...

Сколько они так сидели на земле, Беловук не знал. Мама говорила долго. Про коров, про какую-то тетку, которая умеет глотать ножи, про рыбу живущую в животе, про гвозди и кресты, про воду, которая не замерзает и про клей, который может склеить пальцы рук.

В какой-то момент Беловук отключился. Пригрелся в маминых объятиях, от её постоянного качания, от тихого шелеста её голоса, он заснул.

Она разбудила его, когда светало. Молча встала, отряхнула себя и пошла. Беловук пошёл за ней.

Они два раза ехали на автобусе. Долго шли сами. Один раз их подвезла молодая пара. Женщина улыбалась и угощала Беловука шоколадом.

Мама хорошо умела притворяться. На людях она молчала и улыбалась. Говорила мало. Она умела казаться, нормальной.

Но когда они оставались одни, все повторялась.

Каждый раз она придумывала всё более жестокие наказания для Беловука. Каждый раз она умоляла его молчать. А потом плакала и обнимала его, крепко, болезненно.

Весь путь для Беловука превратился в сплошное, не проходимое болото. Он научился выключать своё сознание. Он научился ни о чем не думать. Он уже не мог вспомнить почему они идут так долго. Куда они вообще идут. Он уже и не мог понять, что он сделал? Может мама права и он в самом деле отвратительный?

А ещё он даже не заметил, что все время молчит. Ни слова, ни звука не произнёс за все время пути.

Становилось холодно. Мама кутала его во все вещи, что были у них.

Потом одним утром она ушла.

Беловук долго сидел на пеньке, где она его ставила. Ни разу не шелохнулся. Просто сидел и ждал.

Мама вернулась днём.

— Здесь рядом деревня. Зиму проведём у них. Они примут нас. Они наши, Беловук. Песне в Талое отправимся. Скажем, что из Осиповки. Имя мое не называй. Если спросят скажи, что Надёжа зовут. На-Дё-Жа, На-дё-жа, — мама тянула имя и улыбалась.

Потом замолчала и сидела рядом, смотрела себе под ноги.

— Ты люби меня, Беловук, люби, — тихо заговорила она. — Я люблю тебя. Ты моя рыба, рыбка моя.

Потом схватила мальчика за руки и с силой вдавила ногти в его ладони.

— В следующий раз это будут гвозди.

— Волк!

48

Макар открыл глаза, мгновенно останавливая поток Силы.

Беловука трясло, легко, точно озноб пробивал.

Макар держал его, аккуратно прижимая к себе.

— Тише, Волчонок, тише. Ты дома, дома, — тихо и ласково нашептывал ему Макар.

Беловук резко повернулся к Макару. Упёрся в него своими медовыми глазами.

— Я плохой, тятя?

У Макара аж внутри все оборвалось. Какие найти слова, как объяснить этому мальчику, что он ни в чем не виноват, что не плохой он. Просто не было рядом человека, что бы помочь ему, поговорить с ним, объяснить и успокоить. Ни запугивать, ни обвинять.

— Ты самый лучший, Беловук. Ты чудо и я бесконечно рад, что встретил тебе. Только хороший человек может изменить своим появлением жизнь другого. Ты изменил мою жизнь. В ней появился смысл, в ней появилась радость, в ней появился сын. Ты чудо, Беловук. Моё личное, маленькое чудо.

Макар не отрываясь смотрел в глаза этого ещё юного, но уже такого взрослого мальчика.

Всё он вложил в эти слова, и любовь, и жалость, и надежду, и веру, что всё они переживут, что перемелют.

Беловук прижался к Макару и замер.

— Ты можешь поговорить со мной, Волчонок, обо всем поговорить. Если не сейчас, то в любое другое время. Мое сердце всегда для тебя открыто. Понимаешь, о чем говорю, Беловук?

— Понимаю, — тихо отозвался мальчик.

Они долго сидели молча. Макар даже заволновался, не примёрз бы мальчик. От того крепче прижимал его к себе, согревая.

Когда начало светать, Беловук оторвался от Макара, вставая напротив него.

— Помните, что сказали мне, когда подарили этот клык? — Беловук достал из-под рубахи свой оберег.

Макар помнил, может не дословно, но помнил.

— Сила твоя в этом клыке, как рассыпется он, так и силу обретёшь, а с ней и спокойствие придет, — не дожидаясь, что ответит Макар, сам проговорил мальчик. — Я хочу, чтобы он рассыпался.

Беловук говорил уверенно. Он стянул с себя клык и держал его на вытянутой ладони.

— Я могу это сделать. Давай его сюда.

Макар хотел забрать у него клык, но Беловук резко отдернул руку.

— Нет. Я сам хочу это сделать.

Макар внимательно посмотрел на мальчика. Ну, что ж, сам, так сам.

Они зашли в сарай, положили клык на чурку.

— Сделай это, Волчонок, — протягивая ему молоток, сказал Макар.

Беловук со всех сил ударил по оберегу.

Он бил долго и яростно, будто вбивал в него всю свою обиду, боль, страх.

Когда они вышли из сарая, на чурке остался лежать, измельчённый в белую крошку, клык священного Бера.

Вецена даже после своего ухода, дарила людям надежду...

«Сила твоя в этом клыке, как рассыплется он, так и силу обретёшь, а с ней и спокойствие придет. А как рассыплется он, Макар, то и волчонка седого спасёшь. Завершишь песню-то».

49

Макар стоял у ручья, смотрел на воду.

Быстро бежал ручей, весело.

Вода забирает все тревоги, дарит спокойствие и мир. Но Макару нечего было отдавать воде. Легко и спокойно было на душе. Будто и не предстоит долгий путь, будто не предстоит новая, необычная для них жизнь, будто так и должно было быть, все правильно сложилось, все правильно.

Со всеми простились. С отцом, с братьями, сёстрами, племянниками. С матерью. Годовщина была. Год, как не стало её, всего год, а, казалось, вечность.

Иногда Макар даже лица её вспомнить не мог. Размывала память черты любимые. Боялся он этого, сильно боялся. Ночью порой лежал и вырисовывал глаза, нос, рот, волосы, руки мамыны. Каждую черточку в память себе вбивал.

— Пора, Макар, — тихо проговорила Беяна.

— Пора, — как эхо, отозвался Макар.

Русай стоял на своём пригорке, рядом со старым, могучим кедром.

Он смотрел вдаль, провожая в новую жизнь близких и родных ему людей.

Макар обернулся, чувствуя взгляд Русая.

Он вернётся сюда уже Хранителем. Сильным Хранителем. Это его судьба, это его предназначение.

Когда уже не возможно было видеть уходящих людей, Русай закрыл глаза и слушал, как бьются их сердца.

Первое, билось сильно и уверенно.

Другое, легонько трепыхалось, волновалось и радовалось одновременно.

Третье и четвёртое — бились быстро, с предвкушением, с ликованием.

А еще, глубоко внутри, в самом центре женского счастья, ни кем ещё не услышанное, еле уловимо, но уже сильно и уверенно, билось пятое сердечко.

Будь покоен Мир-пришло истинное Серебро. И нить его не оборвётся. Никогда.

Всегда выбирай Любовь!

Легенда о мальчике с первородной Силой.

— Пятнадцать равных частей.

Пятнадцать равных Сил.

Пятнадцать равных Хранителей.

Так было и так будет всегда.

Из года в год,
Из века в век,
Из вечности в вечность.

Никогда не изменится этот Закон.

... Но изменится Мир.

Исчезнут виды, изменится климат, уменьшатся запасы пресной воды, придут катастрофы, заражения, эпидемии, придёт глобальное потепление, загрязнятся воды, почва, атмосфера, пойдут кислотные дожди, вырубится лес, истощатся природные ресурсы, уничтожится все живое.

Даже не большое нарушения мирового баланса, приведет к краху всей системы.

Первыми, этот крах, почувствуют Хранители.

Их Сила станет слабой, тонкой, уязвимой.

Все Беды придут от человека.

Поэтому, Я сделаю человека, одним из Хранителей.

Туман выберет Род.

Туман выберет мальчика.

Этот мальчик, будет владеть первородной Силой.

Впервые, за всю вечность Вашего существования, появится сильнейший из Хранителей.

Он будет щедро делиться своей Силой с Вами, с природой, со всем Миром.

Великая сила всего живого — Сила Хранителя. Великая сила человека — Любовь. И когда соединяются две эти Силы, то рождается Серебро.

Ни один Хранитель, ни когда не выбирал Любовь. О того и слабел, от того и слабело все вокруг.

Человек должен жить в любви с самого рождения и до последнего вздоха держать её в сердце.

Будь покоен Мир-придет истинное Серебро. И нить его не оборвётся никогда.

Всегда выбирай Любовь!

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

(Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла. Глава 13)

конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net